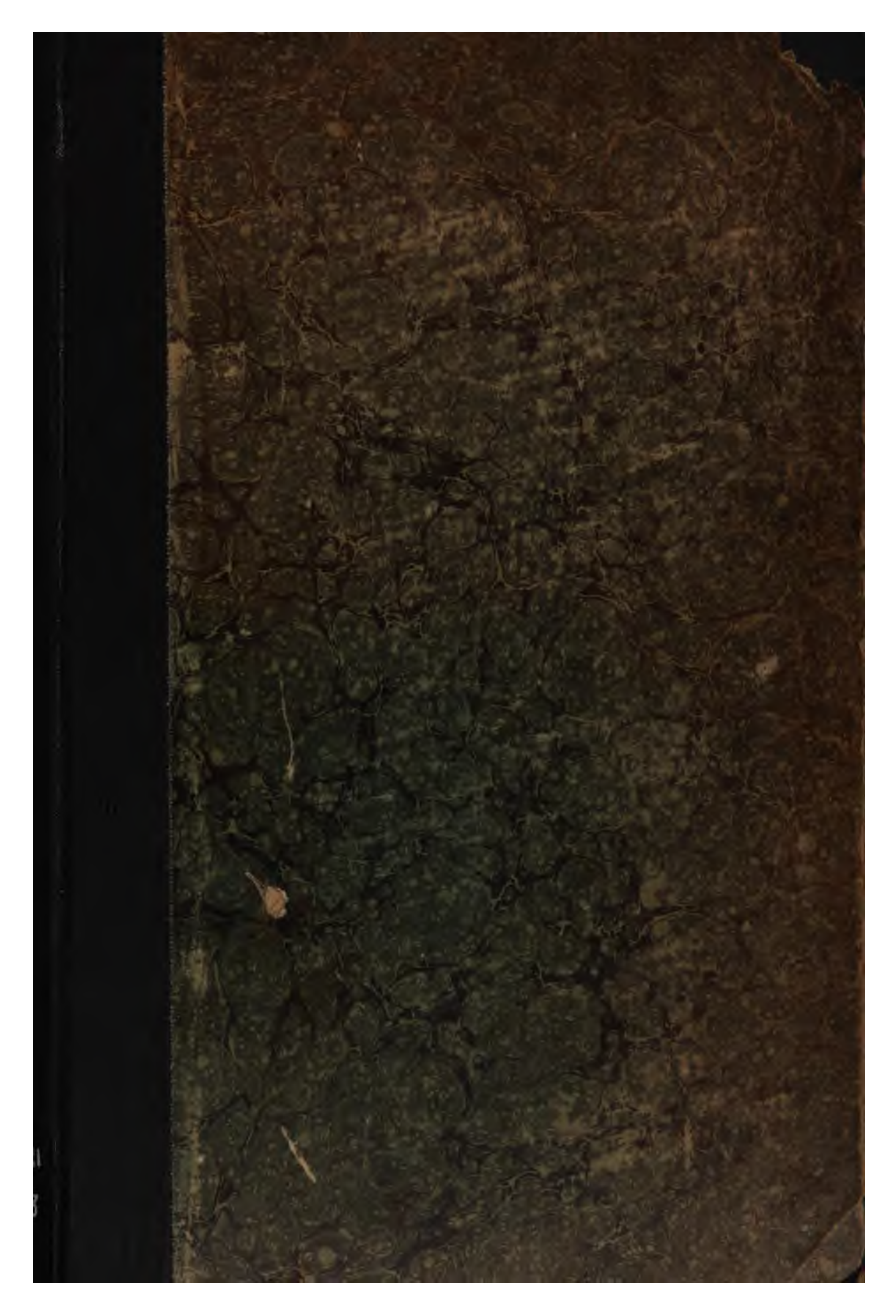

ВЗГЛЯДЪ
НА МОЮ ЖИЗНЬ.

ВЗГЛЯДЪ

НА МОЮ ЖИЗНЬ.

ЗАПИСКИ ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ТАЙНАГО СОВѢТНИКА

ИВАНА ИВАНОВИЧА ДМИТРІЕВА.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Склонясь къ закату дней, живемъ воспоминаньемъ.

ИЗДАНІЕ

М. А. Дмитріева.

МОСКВА.

Типографія В. Готье, на Кузнецкомъ мосту, домъ Торлецкаго.

1866.

Я давно думалъ издать записки моего дяди, которыя, при всей ихъ краткости, составляютъ любопытный памятникъ одной изъ самыхъ свѣтлыхъ эпохъ и нашей литературы и нашей государственной жизни. Сподвижникъ Карамзина и министръ Императора Александра I въ лучшую пору его царствованія, И. И. Дмитріевъ говоритъ, какъ очевидецъ, о событіяхъ, ставшихъ теперь достояніемъ исторіи. Но различныя соображенія до сихъ поръ меня останавливали. Между ними первое мѣсто занимало то положеніе, въ которомъ еще недавно находилась наша литература. Не смотря на сдержанный, осторожный тонъ записокъ, онѣ едва ли бы могли явиться безъ сокращеній и пропусковъ, пока подлежали предварительной цензурѣ, а мнѣ не хотѣлось издавать въ искаженномъ видѣ послѣднято произведенія моего дяди. Теперь, благодаря новому закону о печати, эти стѣснительныя условія изчезли. Публика можетъ видѣть мысль самаго автора, не тронутую посторонней, часто неискусною рукою. Съ другой стороны, въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, которыя мало уважаютъ литературную собственность, стали съ нѣкотораго времени, появляться отрывки изъ записокъ И. И. Дмитріева, напечатанные безъ моего согласія и безъ всякаго права, со списковъ, неизвѣстно какъ доставшихся издателямъ.

Въ предупрежденіе дальнѣйшихъ посягательствъ, а можетъ быть, и искаженій, я рѣшился не откладывать долѣе изданія и печатаю эти записки въ полномъ ихъ видѣ, по находящейся у меня рукописи, писанной сполна рукою самаго автора.

Объяснительныя примѣчанія въ концѣ книги составлены, по моей просьбѣ, М. Н. Лонгиновымъ, съ обыкновеннымъ тщаніемъ и основательнымъ знаніемъ дѣла этого опытнаго библіографа. Они отличены отъ примѣчаній самаго автора особою нумераціею. Семейныя свѣдѣнія, необходимыя для поясненія текста, сообщены мною.

Мих. Дмитріевъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

Слишкомъ шестидесяти лѣтъ, я рѣшился описать нѣкоторыя событія, имѣвшія болѣе или менѣе вліянія на мою нравственность, на самое положеніе мое въ обществѣ.

Можетъ быть, со временемъ записки мои будутъ извѣстны; можетъ быть нѣкоторые изъ читателей моихъ обвинятъ меня въ томъ, что я, скудный въ дѣлахъ и мысляхъ, по самолюбію моему мечталъ равняться съ значительными людьми, и подобно имъ продлить о себѣ память.

Предупреждаю ихъ, что совсѣмъ другія причины управляли перомъ моимъ: я и въ молодыхъ лѣтахъ не бывалъ слишкомъ разсѣянъ. Вмѣсто вседневныхъ посѣщеній, театровъ, баловъ и многолюдныхъ собраній, любилъ болѣе прогулки пѣшкомъ и безъ товарища, по загороднымъ полямъ, по городскимъ улицамъ, на площадяхъ, гдѣ толпится народъ; любилъ вездѣ быть свободнымъ невидимкою, или сидѣть за книгою, иногда же проводить время къ кругу двухъ, трехъ пріятелей по мыслямъ и по сердцу.

Теперь уже и по самой необходимости сталъ еще болѣе домосѣдомъ: ноги отказываются служить мнѣ; глаза мои тоже; старыя связи перевелись; новыя заводить трудно

и не прочно. Пришлось искать занятія въ самомъ себѣ и доживать воспоминаніемъ.

И такъ, приступая къ моимъ запискамъ, я хочу раздѣлить ихъ на три части: въ первой брошу взглядъ на мое дѣтство и воспитаніе; сказавъ нѣсколько словъ объ моемъ юношествѣ, пройду лучшую часть авторской моей жизни; упомяну объ литераторахъ и поэтахъ, отличавшихся въ то время на поприщѣ нашей словесности. Исполню долгъ, пріятнѣйшій для благороднаго сердца, посвятивъ нѣсколько строкъ и воспоминанію о тѣхъ, которые любили только *меня* со всѣми моими недостатками, и поучительнымъ примѣромъ нравственной жизни своей, были мои благотворители. Во второй и третьей опишу достопамятные для меня случаи въ продолженіи гражданскаго моего служенія.

Москва.
1823.
Іюля 20 дня.

ВЗГЛЯДЪ

НА МОЮ ЖИЗНЬ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Отчизна моя Симбирская губернія. Я родился въ 1760 году, Сентября десятаго дня, въ родовомъ нашемъ помѣстьѣ, селѣ Богородскомъ, [1] въ двадцати пяти верстахъ отъ окружнаго города Сызрана. На осьмомъ году возраста, отвезенъ былъ родительницею моей [2] въ губернскій городъ Казань къ отцу ея, отставному Полковнику Аѳанасью Алексѣевичу Бекетову, [3] и отданъ въ тотъ же пансіонъ, въ которомъ уже съ годъ находился старшій братъ мой Александръ, [4] обучаться французскому языку, ариѳметикѣ и рисованію.

Въ слѣдующемъ году скончалась моя бабка, [5] которой мать была природная Шведка. Дѣдъ мой рѣшился нѣсколько мѣсяцевъ прожить въ Симбирскѣ, бывшемъ тогда еще провинціальнымъ городомъ Казанской губерніи, чтобы въ горести своей имѣть отраду быть вмѣстѣ съ моею

матерью и однимъ изъ сыновей своихъ. Уговорили и учителя нашего перевести свой пансіонъ туда же; но его существованіе тамъ продолжалось не далѣе 1772 года.

Учитель мой г. Манжень, французскій мѣщанинъ, засталъ въ Симбирскѣ другой пансіонъ, заведенный Лорансенемъ, бывшимъ французскимъ офицеромъ. Между обоими началось соперничество: ученики переходили отъ одного къ другому. Кроткій Манжень, уставъ бороться съ совмѣстникомъ, исполненнымъ еще военнаго духа, закрылъ свой пансіонъ и съѣхалъ въ деревню къ богатому казанскому помѣщику Макарову, обучать его сына, бывшаго въ послѣдствіи игралищемъ фортуны, и однимъ изъ остроумныхъ нашихъ писателей. Это Петръ Ивановичъ Макаровъ [6].

Прибавлю къ слову, что нѣкогда у того же Манженя обучался въ дѣтскихъ лѣтахъ и Михайло Никитичъ Муравьевъ, [7] когда отецъ его жилъ въ Казани. Учитель нашъ истощался предъ нами въ похвалахъ образцовому своему ученику, съ жаромъ разсказывалъ намъ о его добронравіи, прилежности къ ученію, объ его рѣдкой памяти, и я, бывши еще отрокомъ началъ уважать будущаго писателя.

Около года пробылъ я безъ учителя. Потомъ отданъ былъ въ новый пансіонъ къ Г. Кабриту, отставному нашей службы поручику, воспитаннику Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса. Въ послѣдствіи онъ уже былъ правителемъ канцеляріи Намѣстника Игельстрома, [8] и умеръ въ Москвѣ отставнымъ Надворнымъ Совѣтникомъ. Въ этомъ пансіонѣ обучался я съ старшимъ братомъ языкамъ французскому и нѣмецкому; русскому правописанію и слогу, исторіи, географіи и математикѣ. Признаюсь,

что я до того времени считался въ послѣднемъ классѣ самымъ тупымъ ученикомъ. Отъ прежняго учителя моего, гарнизоннаго Сержанта Копцева, я только и слышалъ непостижимыя для меня слова: искомое, дѣлимое; видѣлъ только на аспидной доскѣ цифры, и самъ ставилъ цифры же на удачу, безъ всякаго соображенія; потомъ съ робостію представлялъ учителю мою доску; онъ осыпалъ меня бранью, стиралъ мои цифры, ставилъ свои, и я спѣшилъ тщательно списывать ихъ красными чернилами въ мою тетрадку. Такимъ образомъ оканчивался каждый урокъ мой въ математикѣ; но подъ руководствомъ Кабрита, я началъ понимать всю важность этой науки, и въ три мѣсяца успѣлъ въ ней болѣе, чѣмъ у прежняго учителя Копцева въ продолженіи года.

Кабритъ былъ очень милъ въ обращеніи съ нами: во время уроковъ часто давалъ намъ отдыхать, позволяя предлагать ему вопросы; всегда охотно отвѣчалъ на нихъ, и сообщалъ между тѣмъ какія либо полезныя свѣдѣнія; въ дѣтствѣ мы обыкновенно прельщаемся воинскимъ нарядомъ: онъ объяснялъ намъ обязанности чиновъ, разсказывалъ иногда военные анекдоты, и знакомилъ насъ съ отличными того времени полководцами. Я любилъ и слушать его, и ему повиноваться. Никакой урокъ его не былъ мнѣ въ тягость. Особенно же я охотно занимался историческимъ, и сочиненіемъ писемъ по его темамъ. Хотя и стыдно мнѣ было иногда слышать смѣхъ учителя и старшихъ учениковъ, когда я прочитывалъ вслухъ сочиненную мною нелѣпость; но мысль, что я учусь сочинять, и надежда научиться писать лучше, успокоивали оскорбленное мое самолюбіе.

Ученье мое и здѣсь недолго продолжалось. — Дошли до отца моего слухи, что умный и добрый Кабритъ,

которому тогда было 26 лѣтъ, платилъ дань слабостямъ своего возраста. Онъ испугался послѣдствія худыхъ примѣровъ и взялъ насъ изъ пансіона. Итакъ на одиннадцатомъ году моей жизни прекратился рѣшительно курсъ моего ученія, когда я во французскомъ языкѣ не дошелъ еще до синтаксиса, а въ нѣмецкомъ остановился на глеголахъ.

По выходѣ изъ пансіона, я проживалъ при отцѣ моемъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ деревнѣ, во ста верстахъ отъ Симбирска, и пользовался свободою гораздо меньше, чѣмъ въ пансіонѣ. Отецъ мой заставлялъ меня съ братомъ, подъ строгимъ своимъ надзоромъ, повторять старые наши уроки. Часто самъ прослушивалъ насъ въ грамматикѣ французской и нѣмецкой; заставлялъ выучивать наизусть школьные (Colloquia scolastica) и домашніе разговоры, изданные на трехъ языкахъ еще въ царствованіе Императрицы Анны; или переводить изъ стариннаго же Собранія Писемъ *Вуатюра*, *Костара* и *Бальзака* (да не встревожатся этимъ словомъ нынѣшніе добровольные наши судьи въ журналахъ!), отысканныхъ имъ также въ своей библіотекѣ.

Такой ходъ ученія наводилъ на меня грусть и отвращеніе; тѣмъ болѣе, что я уже съ десяти лѣтъ набилъ голову мечтательными приключеніями. Въ бытность мою еще въ первомъ пансіонѣ я уже прочиталъ *Тысячу Одну Ночь*; *Шутливыя Повѣсти Скаррона*; *Похожденія Робинзона Круза*; *Жильблаза де Сантилана*; *Приключенія Маркиза Г**** (1). По этой книгѣ я получилъ первое понятіе о французской литературѣ: читая, помнится мнѣ, въ третьемъ томѣ, описаніе ученой вечеринки, на которую молодой Маркизъ и наставникъ его приглашены были въ Мадритѣ, въ первый разъ я услышалъ

имена Мольера, Буало, Лопецъ де Вега, Расина и Кальдерона, критическое объ нихъ сужденіе, и захотѣлъ узнать и самыя ихъ сочиненія; этому же роману обязанъ я и тѣмъ, что началъ понимать и французскія книги.

Дочитавъ четвертый томъ Похожденій Маркиза Г***, узналъ я, что послѣднихъ двухъ томовъ еще нѣтъ въ переводѣ. Это навело на меня грусть; сколько разъ я вздыхалъ, что пришло мнѣ оставаться въ неизвѣстности объ участи моихъ героевъ. „Не отчаявайся, сказалъ мнѣ однажды г. Руцкой, всегдашній нашъ гость, и Лекарь бывшаго Московскаго Легіона, стоявшаго тогда въ Симбирскѣ“, я пороюсь въ моихъ французскихъ книгахъ, не найду ли въ нихъ пятаго и шестаго тома“.—И что же? На другой день принесъ мнѣ ихъ въ подарокъ! Какъ я былъ доволенъ! Этотъ день былъ для меня праздникомъ! Но радость моя была минутная: въ первый же вечеръ схватилъ я пятый томъ; пробѣжалъ въ немъ первую страницу, и понялъ только нѣсколько словъ, изрѣдка легкую фразу; и не могъ еще понимать полнаго содержанія періода. Но чего не превозмогаютъ настойчивость и терпѣливость? Я положилъ, съ помощію Вояжирова лексикона, непремѣнно прочитать отъ доски до доски оба тома. Приступя къ исполненію, я день отъ дня сталъ понимать болѣе; при чтеніи шестаго тома уже я почти не имѣлъ нужды въ лексиконѣ. Наконецъ этотъ отважный подвигъ былъ для меня эпохою, съ которой началъ я читать французскія книги, уже не по неволѣ, а по охотѣ, и въ послѣдствіи уже могъ переводить Лафонтена.

Чтеніе романовъ не имѣло вреднаго вліянія на мою нравственность. Смѣю даже сказать, что они были для меня антидотомъ противу всего низкаго и порочнаго.

Похожденія Клевеланда; Приключенія Маркиза Г. возвышали душу мою. Я всегда плѣнялся добрыми примѣрами, и охотно желалъ имъ слѣдовать.

Однажды, ѣхавъ изъ деревни въ Симбирскъ, я сидѣлъ въ коляскѣ съ моимъ братомъ; онъ молчалъ, и я тоже, окидывая между тѣмъ глазами съ обѣихъ сторонъ поля, дубравы и селенія; вдругъ пришло мнѣ на мысль: отъ чего я такъ долго молчу, и ни о чемъ не разсуждаю? Помню изъ книгъ, что молодой Маркизъ дорогою разсуждалъ въ коляскѣ съ своимъ наставникомъ; Баронъ *Пельницъ* съ своимъ сыномъ, и *Донъ Фигеоразо, или Уединенный Гишпанецъ*, также съ своими дѣтьми: отъ чего же никакіе предметы, никакой случай не возбуждаютъ во мнѣ размышленій? Конечно отъ того, думалъ я, что они были умнѣе. При этомъ замѣчаніи мнѣ стало грустно.

Еще въ томъ же возрастѣ сталъ я знакомиться и съ русской поэзіей. Матушка любила стихотворенія А. П. Сумарокова Живучи въ Петербургѣ, она лично знала его. Поэтъ былъ въ короткомъ знакомствѣ съ роднымъ братомъ ея, Никитою Аѳанасьевичемъ Бекетовымъ [10]. Не считая трагедій *Гамлета, Хорева, Синава и Трувора*, и *Артистоны*, полученныхъ ею въ подарокъ отъ самаго автора, она знала наизусть многія изъ другихъ его стихотвореній. Мнѣ очень памятна минута, когда она въ деревнѣ пересказывала оду его, посвященную Петру Великому:

Матушка сидѣла на канапе за ручною работою, а старшій братъ мой противъ ея на подножной скамеечкѣ, и держа на колѣняхъ листъ бумаги, онъ записывалъ карандашомъ стихъ за стихомъ; я же, стоя за нимъ, слушалъ съ большимъ вниманіемъ, хотя и не все понималъ—это

было еще до вступленія нашего во второй пансіонъ, и тогда я едва ли не въ первый разъ услышалъ имена *Париса* и *Авроры*, но помню, что при одномъ произношеніи словъ *златаго* вѣка, *утѣшенія*, я находилъ въ этихъ стихахъ какую-то неизъяснимую для меня прелесть, гармонію, и послѣ нѣсколько разъ упрашивалъ брата повторить ихъ, чтобы я могъ вытвердить ихъ наизусть.

Съ какимъ удовольствіемъ вспоминалъ я эти стихи, и вмѣстѣ мое дѣтство, когда чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, бывши Унтеръ-офицеромъ въ Петергофской командѣ, увидѣлъ я въ первый разъ *Монъ-Плезиръ* и открытое море! Съ той минуты, пока находился въ Петергофѣ, почти всякое утро, я встрѣчалъ восходящее солнце у домика Петра Великаго. Опершись на балюстрадъ или перилы, то глядѣлъ я па синее море, на едва видимый флотъ съ кронштадтской рейды; то оборачивался къ домику, осѣненному столѣтними липами, и мысленно повторялъ—уже съ благоговѣйнымъ умиленіемъ не къ стихамъ, но къ виновнику вдохновенія:

Домикъ, что при самомъ морѣ,
Гдѣ Парисъ въ *златой* жилъ вѣкъ,
Собесѣдуя *Аврорѣ*,
Утѣшеніемъ нарекъ.

Столь же пріятно мнѣ вспоминать одинъ вечеръ Великой Субботы, проведенный отцемъ моимъ посреди нашего семейства за чтеніемъ. Это также происходило въ деревнѣ, уже по выходѣ моемъ изъ послѣдняго пансіона. Въ ожиданіи заутрени, отецъ мой, для прогнанія сна, вынесъ изъ кабинета Собраніе Сочиненій Ломоносова, перваго московскаго изданія [11)], и началъ читать вслухъ извѣстныя строфы изъ Іова; потомъ *Вечернее Размы-*

шленіе о Величествѣ Божіемъ, въ которомъ два стиха:

Открылась бездна, звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна...

произвели во мнѣ новое, глубокое впечатлѣніе. Чтеніе заключено было Одою на взятіе Хотина. Слушая первую строфу, я будто перешелъ въ другой міръ; почти каждый стихъ возбуждалъ во мнѣ необыкновенное вниманіе, хотя и неизвѣстно мнѣ еще было, о какой говорится горѣ:

Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долинѣ тишина глубокой;
Внимая нѣчто ключь молчитъ и проч.

Потомъ третій стихъ въ девятой строфѣ:

Мурза упалъ на *дому тѣнь*,

полюбился мнѣ вѣрностью изображенія. Тогда пришло мнѣ на память, какъ бывши еще ребенкомъ и гуляя съ мамкою по двору, забавлялся видомъ долгой тѣни своей.

Но послѣдніе четыре стиха девятой строфы:

Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицемъ;
Омытымъ кровію мечемъ
Гоня враговъ, герой открылся...

особенно же послѣдніе два въ двѣнадцатой:

Свилася мгла, герои въ ней;
Не зритъ ихъ око, слухъ не чуетъ...

исполнили меня священнымъ благоговѣніемъ. Я будто

расторгъ пелены дѣтства, узналъ новыя чувства, новое наслажденіе, и прельстился славой поэта.

Съ переѣздомъ отца моего изъ деревни въ Симбирскъ, онъ имѣлъ уже меньше досуга смотрѣть за нашимъ повтореніемъ старыхъ уроковъ, а я болѣе свободы читать все, что ни попадалось. У отца моего въ гостиной всегда лежали на одномъ изъ ломберныхъ столовъ перемѣнныя книги разныхъ годовъ и различнаго содержанія, начиная отъ Велисарія, соч. Мармонтеля (II) до указовъ Екатерины Второй и Петра Великаго. Даже и Маргаритъ (поучительныя слова) Іоанна Златоустаго, Всемірная Исторія Баронія и Острожская Библія стали мнѣ извѣстны еще въ моемъ отрочествѣ, по крайней мѣрѣ по ихъ названіямъ. Мнѣ позволено было заглядывать въ каждую книгу и читать, сколько хочу.

Послѣдніе два года моего отрочества протекли болѣе въ городѣ. Я уже находилъ удовольствіе бывать чаще съ моими родителями, особенно когда у насъ случались гости, и вслушиваться въ ихъ разговоры. Съ гордостію могу сказать, что я выросъ и состарѣлся подъ шумомъ отечественной славы. Находясь въ Казани, еще семилѣтнимъ мальчикомъ, я выбѣгалъ на нашу *Сарскую* улицу, смотрѣть на проходящіе отряды плѣнныхъ польскихъ конфедератовъ. Уже тогда затвержены были мною имена Пулавскихъ, Потоцкихъ и проч. Съ переселеніемъ нашимъ въ Симбирскъ началась война съ Оттоманскою Портою [12]. Отецъ мой, получая при газетахъ реляціи, всегда читывалъ ихъ вслухъ посреди семейства. Никогда не забуду я того дня, когда слушали мы реляцію о сожженіи при Чесмѣ турецкаго флота [13]. У отца моего отъ восторга перерывался голосъ, а у меня навертывались на глазахъ слезы.

Симбирскіе обыватели, сколько я могу судить по воспоминаніямъ, наслаждались тогда совершенною независимостью: отъ дворянина до простолюдина, никто не несъ другой повинности, кромѣ поставки въ очередь свою бутошника, и по временамъ военнаго постоя. Послѣдній мѣщанинъ или цѣховой имѣлъ свой плодовитый при домѣ садикъ, на окнѣ въ бурачкѣ розовый бальзаминъ, и ничего не платилъ за лоскутокъ земли, доставшейся ему по куплѣ или отъ прадѣда. Заграничные товары были дешевы: напримѣръ фунтъ американскаго кофія—кто нынѣ тому повѣритъ?—нродавался по сороку копѣекъ. Рубль ходилъ за рубль; серебра было много, а объ лажѣ на звонкую монету и ассигнаціи даже и понятія не имѣли. Первенствующія особы въ городѣ были: Комендантъ, начальникъ гарнизоннаго баталіона, и Воевода, первоприсутствующій по гражданскимъ дѣламъ. Дворянство знало и уважало ихъ по мѣрѣ личныхъ достоинствъ. Тогда еще не было въ провинціяхъ ни театровъ, ни клубовъ, которые нынѣ и въ губернскихъ городахъ разлучаютъ мужей съ женами, отцовъ съ ихъ семействомъ. Тогда едвали кто понималъ смыслъ слова: *разсѣяніе*, нынѣ столь часто употребляемаго. Каждый имѣлъ свои связи не отъ трусости, не изъ корыстныхъ видовъ, а по выбору сердца. Такимъ образомъ жилъ и отецъ мой.

Почти ежедневное общество его состояло изъ трехъ короткихъ пріятелей, умныхъ, образованныхъ и недавно покинувшихъ столицу. Между ломберомъ, любимою тогда игрою, и ужиномъ оставалось еще довольно времени для разговоровъ. Я бывалъ, такъ сказать, весь вниманіе. Всякой вечеръ получалъ новыя свѣдѣнія; слушивалъ о бывшемъ Италіянскомъ театрѣ Локателлія [14] и Бельмонти [15]: о игранныхъ на немъ интермедіяхъ и боль-

шихъ операхъ; о игрѣ Дмитревскаго [16] и Троепольской [17]; часто вспоминаемы были анекдоты о соперничествѣ Ломоносова съ Сумароковымъ; о шуткахъ послѣдняго на счетъ Тредіаковскаго; судили объ ихъ талантахъ и утѣшались надеждою, которую подавалъ тогда молодой Д. И. Фонъ-Визинъ [18], уже обратившій на себя вниманіе комедіей: *Бригадиръ* [19] и *Словомъ по случаю выздоровленія Наслѣдника Екатерины* [20]. Иногда разговоръ нечувствительно принималъ тонъ важный: совѣтовали объ участи Москвы, гдѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе; судили объ мѣрахъ, принимаемыхъ противъ него свѣтлѣйшимъ Княземъ Орловымъ [21], или съ таинственнымъ видомъ, въ полголоса начинали говорить о политическихъ происшествіяхъ 1762 года [22]; отъ нихъ же восходили до дней могущества Принца Бирона [23], до превратности счастія вельможъ того времени, до поразительнаго видѣнія Императрицы Анны (III) и пр. и пр. Такимъ образомъ еще на двѣнадцатомъ году моей жизни, я набирался свѣдѣніями для меня не безполезными. Такимъ образомъ проходили наши тихіе вечера, и ни отецъ мой, ни его собесѣдники не предчувствовали того, что они вскорѣ оставятъ мирныхъ своихъ пенатовъ, и вотъ по какимъ обстоятельствамъ:

Оренбургской губерніи въ козацкомъ городкѣ *Яикѣ*, прозванномъ потомъ *Уральскомъ*, появился донской козакъ, прозвищемъ *Пугачовъ* [24], подъ именемъ бывшаго Императора Петра Третьяго. Онъ собралъ нарочитое войско изъ тамошнихъ козаковъ, всякой сволочи, и распространилъ ужасъ по всему краю. По случаю войны съ Оттоманскою Портою, почти всѣ линейные полки были за границею. Комендантъ нашъ Полковникъ Чернышевъ [25] тотчасъ получилъ повелѣніе, соединясь съ

двумя ротами Втораго гренадерскаго полка, стоявшаго въ Казани, съ гарнизоннымъ баталіономъ своимъ выступить противъ злодѣя.

Симбирскъ еще не унывалъ, ожидая послѣдствія похода; но вскорѣ пораженъ былъ извѣстіемъ, что чрезъ худое распоряженіе коменданта весь баталіонъ и гренадерскія роты принуждены были сдаться мятежникамъ, а комендантъ, начальникъ гренадерскихъ ротъ Маіоръ Ивановъ и всѣ офицеры были повѣшены [26]. За этимъ вѣсть за вѣстью, одна другой ужаснѣе. Пугачовъ уже подходилъ къ Оренбургу; такъ называемыя крѣпостцы, огороженныя тыномъ, уступали многолюдству; коменданты и офицеры въ нихъ предавались мучительной казни. Таже участь постигала и всѣхъ дворянъ, попадавшихся въ руки бунтовщиковъ. Наконецъ самые крестьяне, обыкновенныя игралища хитраго обольщенія, откладывались отъ своихъ помѣщиковъ. Эта зараза коснулась Пензенской провинціи, и уже близка была къ Симбирской. Вездѣ волненіе, грабежъ и кровопролитіе.

Все наше дворянство изъ городовъ и помѣстьевъ помчалось искать себѣ спасенія: каждый скакалъ туда, гдѣ думалъ быть безопаснѣе. Такъ и отецъ мой со всѣмъ своимъ семействомъ отправился въ Москву. Собравшись наскоро, онъ только что могъ доѣхать до мѣста съ тѣми деньгами, которыя на тотъ разъ въ наличности у него были. Съ первыхъ дней пріѣзда уже онъ началъ хлопотать о займѣ, не имѣя въ столицѣ почти никого знакомыхъ кромѣ земляковъ, такихъ же изгнанниковъ, кои сами нуждались.

Въ столь тѣсныхъ обстоятельствахъ, отцу моему конечно было не до того, чтобъ думать о продолженіи нашего ученья. По крайней мѣрѣ я и братъ мой еще

болѣе пристали къ чтенію русскихъ книгъ всякаго рода. Въ выборѣ ихъ руководствовалъ насъ крѣпостной служитель богатаго заводчика Ивана Борисовича Твердышева [27] Дорофей Серебряковъ, обучавшійся на иждивеніи господина своего, въ Славено-Греко-Латинской Академіи при Заиконоспасскомъ монастырѣ, латинской и русской словесности, а потомъ у лучшихъ московскихъ докторовъ врачебному искусству. Извѣстный лирикъ Василій Петровичъ Петровъ [28] былъ учителемъ его въ краснорѣчіи и поэзіи. Дорофей часто принашивалъ намъ въ листочкахъ оды и другіе случайные стихи своего учителя, и досадывалъ на меня, что я находилъ языкъ Петрова тяжелымъ и неблагозвучнымъ. Мнѣ казались даже смѣшными риѳмы его: *многоочита*, *сердоболита*, *хребтощетинный*, *рамы*, *пламы*, и тому подобныя. Тогда я не имѣлъ истиннаго понятія о сущности поэзіи, и заключалъ ее въ одной только чистотѣ слога и гармоніи. Помню, что Дорофей однажды расказывалъ намъ, какъ онъ въ лѣтніе вечера хаживалъ за поэтомъ по Кремлю съ карандашемъ въ рукахъ и свернутымъ листомъ бумаги. Тамъ переводчикъ Виргилія, окруженный величавыми памятниками и живописными видами отдаленнаго Замоскворѣчья, расхаживалъ взадъ и впередъ, надумывался и сочинялъ оду на карусель. Это стихотвореніе сдѣлало его извѣстнымъ Екатеринѣ и пріобрѣло ему пріязнь Г. А. Потемкина [29] и покровительство Графа Г. Г. Орлова, бывшихъ потомъ Свѣтлѣйшими Князьями. Дорофей читывалъ намъ его посланія къ первому, когда онъ еще былъ Камеръ-юнкеромъ и послѣ Генералъ-Маіоромъ. Поэтъ называлъ его своимъ другомъ. Тотъже тонъ сохранилъ онъ и въ позднѣйшихъ стихахъ, когда воспѣваемый имъ былъ уже на высокой степени могущества и славы.

Въ то же время познакомился я съ сочиненіями и другихъ нашихъ писателей: Хераскова [30], Майкова [31], Муравьева [32], бывшаго тогда еще Гвардіи Измайловскаго полка Каптенармусомъ, но уже выдавшаго Собраніе басенъ [33], Похвальное слово Ломоносову [34], и стихотворный переводъ съ оргинала Петроніевой поэмы: *Гражданская Брань* [35]. Между тѣмъ слушалъ я иногда привозимые къ отцу моему стихи Сумарокова. Это уже были послѣднія искры угасающаго таланта: но тѣмъ съ большимъ участіемъ передавали ихъ изъ рукъ въ руки. Посѣщеніе книжныхъ лавокъ было любимою моей прогулкою; большая часть ихъ закрывала собою отъ Воскресенскихъ воротъ древнюю церковь Василія Блаженнаго.

Родители мои хотѣли, чтобъ я и братъ мой получили понятіе и объ театрѣ бывшемъ тогда еще вольнымъ. Знакомство мое съ нимъ началось италіянскою оперою-буфа; потомъ, въ первый разъ отъ роду, я увидѣлъ и народную комедію: *Такъ и должно* [36]. Сочинитель ея Михайло Ивановичъ Веревкинъ [37], бывшій нѣкогда Директоромъ Гимназіи, когда обучался въ ней Державинъ [38]. Онъ соревновалъ Д. И. Фонъ-Визину. Комедія его была играна нѣсколько разъ сряду, и всегда къ удовольствію зрителей.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія нашего въ Москвѣ прошли слухи, что губернія наша уже внѣ опасности; что мятежники отбиты отъ Оренбурга и взяли направленіе къ Дону. Мать моя съ меньшими дѣтьми отправилась въ отчизну, а отецъ нашъ съ старшимъ братомъ моимъ и со мною остался весновать, чтобы съ первымъ путемъ отпустить насъ при себѣ въ Петербургъ для явки въ дѣйствительную службу. Теперь къ слову приш-

лось сказать, что мы, по тогдашнему обыкновенію, еще вь малолѣтствѣ, въ 1772 году, записаны были Гвардіи въ Семеновскій полкъ солдатами и уволены въ отпускъ до совершеннаго возраста.

И такъ въ первыхъ дняхъ Маія 1774 года мы уже находились посреди прекраснаго Петербурга, но гдѣ не было ни одного намъ роднаго дома. Изъ порядочнаго московскаго дома, переселились въ низменный солдатскій домикъ съ платежемъ по рублю пятидесяти копѣекъ на мѣсяцъ. На другой день нашего новоселья явились мы съ нашими паспортами къ полковому Маіору Евгенію Петровичу Кашкину [39], и по приказу его помѣщены были въ полковую школу. Въ ней обучали только математикѣ, рисованью и на русскомъ языкѣ священной исторіи и всеобщей географіи. Мы съ первыхъ недѣль уже заслужили отъ рисовальнаго учителя одобреніе къ переводу во второй классъ, но надобно было купить для употребленія нашего кисти: учитель самъ не удосуживался, а намъ не довѣрялъ, и мы продолжали рисовать только глаза и уши. Доказательство, въ какомъ состояніи была школа!

Но я не долго и въ ней пробылъ. Самозванецъ Пугачовъ опять усилился. Онъ уже истребилъ многія дворянскія семейства въ Пензенской провинціи; вступилъ въ Казань, разорилъ ее и всю выжегъ. Многіе изъ обывателей преданы были смерти, въ томъ числѣ и слѣпой, столѣтній старецъ, отставной Генералъ-Маіоръ Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ [40]. Злодѣи ворвались въ монастырь, нашли его сидящимъ подлѣ раки съ мощами святаго угодника. Одна только крѣпость, хотя и безъ правильныхъ укрѣпленій, спасла Губернатора Фонъ-Брандта [41] и нѣсколько дворянскихъ семействъ. Пугачовъ не имѣлъ

времени овладѣть ею. Онъ спѣшилъ оставить дымящійся городъ, узнавъ о приближеніи кавалерійскаго Полковника Михельсона (IV). Этотъ проворный и неустрашимый воинъ вездѣ преслѣдовалъ его съ передовымъ коннымъ отрядомъ и наносилъ ему болѣе всѣхъ вреда и страха [42].

Мы поражены были этимъ извѣстіемъ: полагали, что и Симбирскъ, отстоящій только во сто семидесяти верстахъ отъ Казани, не миновалъ равнаго жребія; къ счастію нашему вскорѣ потомъ порадованы были письмомъ отъ родителей. Видя близкую опасность, они вторично разстались съ своею отчизною и прибыли въ Москву. Но счастливый Симбирскъ увидѣлъ Пугачова уже не съ грознымъ мечемъ, но въ позорныхъ оковахъ. Войска наши, подъ распоряженіемъ Суворова [43], бывшаго тогда еще Генералъ-Маіоромъ, разбили его подъ *Чернымъ-Яромъ*, остатки толпищъ загнали въ степь и при урочищѣ *Узени* заградили ему пути къ полученію съѣстныхъ припасовъ. Мятежники, устрашась изнуренія голодомъ, начали разбѣгаться. Девятеро изъ урядниковъ самозванца сковали ему руки и ноги и представили его Коменданту Яицкой крѣпости. Суворовъ переслалъ его въ Симбирскъ, откуда начальникъ арміи, Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ (V) отправилъ его въ Москву, подъ прикрытіемъ многочисленнаго отряда. Поэтъ Сумароковъ воспѣлъ достопамятную судьбу Симбирска въ стихахъ, вѣроятно нынѣ извѣстныхъ однимъ моимъ ровесникамъ:

„Прогналъ ты Разина стоявшимъ войскомъ твердо,
Симбирскъ! и удалилъ ты гордаго врага и пр.

Къ этой радости нашей просоединилась другая, свиданіе съ отцемъ и матерью! Въ концѣ года послѣдовалъ миръ съ Турками. Императрица вознамѣрилась торже-

ствовать его въ древней столицѣ. Гвардія получила повелѣніе готовиться къ походу, назначено было съ каждаго полка по одному баталіону. Многіе малолѣтки изъ нашей школы, въ числѣ коихъ и я съ братомъ, стали просить о причисленіи къ походному баталіону. Снисходительный начальникъ, желая доставить радость отцамъ и матерямъ, уволилъ всѣхъ насъ въ мѣсячный отпускъ съ тѣмъ, чтюбы мы по приходѣ баталіона въ Москву явились къ адъютанту для дальнѣйнаго объ насъ распоряженія.

И такъ мы опять въ Москвѣ, и посреди родимаго семейства. Но свиданіе мое съ отцемъ было на короткое время: онъ отправился въ Симбирскъ, а семейство еще осталось. Вторичный пріѣздъ нашъ въ Москву былъ для насъ какъ будто переходомъ изъ отроческаго возраста въ юношескій. Здѣсь я въ первый разъ началъ знакомиться съ обязанностями воинской службы. Всѣ молодые охотники изъ полковой школы стали поочередно ходить на вѣсти къ адъютанту. Явиться къ нему въ семь часовъ утра, выстоять около часа противъ его уборнаго столика, выпить у начальника чашку чая и возвратиться домой; въ случаѣ же пожара, когда бы то ни было, узнать, гдѣ горитъ, и немедленно о томъ донести: вотъ и все, въ чемъ состояла первоначальная моя служба.

Въ скоромъ времени по прибытіи нашемъ въ Москву я увидѣлъ позорище, для всѣхъ чрезвычайное, для меня же и новое: смертную казнь. Жребій Пугачова рѣшился. Онъ осужденъ на четвертованіе. Мѣсто казни было на такъ называемомъ *Болотѣ*.

Въ цѣломъ городѣ, на улицахъ, въ домахъ, только и было рѣчей объ ожидаемомъ позорищѣ. Я и братъ нетерпѣливо желали быть въ числѣ зрителей; но мать моя долго на то не соглашалась. По убѣжденію одного изъ

нашихъ родственниковъ, она ввѣрила насъ ему подъ строгимъ наказомъ, чтобъ мы ни на шагъ отъ него не отходили.

Это происшествіе такъ врѣзалось въ память мою, что я надѣюсь и теперь съ возможною вѣрностію описать его, по крайней мѣрѣ, какъ оно мнѣ тогда представлялось.

Въ десятый день Января тысяча семьсотъ семдесятъ пятаго года, въ восемь или девять часовъ по полуночи пріѣхали мы на Болото; на серединѣ его воздвигнутъ былъ эшафотъ или лобное мѣсто, вкругъ коего построены были пѣхотные полки. Начальники и офицеры имѣли знаки и шарфы сверхъ шубъ, по причинѣ жестокаго мороза. Тутъ же находился и Оберъ-Полиціймейстеръ И. П. Архаровъ [44], окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высотѣ или помостѣ лобнаго мѣста увидѣлъ я съ отвращеніемъ въ первый разъ исполнителей казни. Позади фронта все пространство Болота, или, лучше сказать, низкой лощины, всѣ кровли домовъ и лавокъ, на высотахъ съ обѣихъ сторонъ ея, усѣяны были людьми обоего пола и различнаго состоянія. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки каретъ и колясокъ. Вдругъ все восколебалось, и съ шумомъ заговорило: *везутъ, везутъ!* Вскорѣ появился отрядъ кирасиръ, за нимъ необыкновенной величины сани, и въ нихъ сидѣлъ Пугачовъ; насупротивъ духовникъ его, и еще какой-то чиновникъ, вѣроятно секретарь Тайной Экспедиціи [45]. За санями слѣдовалъ еще отрядъ конницы.

Пугачевъ, съ непокрытою головою, кланялся на обѣ стороны, пока везли его. Я не замѣтилъ въ лицѣ его ничего свирѣпаго. На взглядъ онъ былъ сорока лѣтъ, роста средняго, лицемъ смуглъ и блѣденъ, глаза его сверкали; носъ имѣлъ кругловатый, волосы, помнится, черные, и небольшую бороду клиномъ.

Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачовъ и любимецъ его Перфильевъ [46], въ препровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, раздалось повелительное слово *на караулъ*, и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ; почти каждое слово до меня доходило.

При произнесеніи чтецомъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, Оберъ-Поліцiймейстеръ спрашивалъ его громко; „ты ли донской казакъ Емелька Пугачовъ"? Онъ отвѣтствовалъ столь же громко: „Такъ, государь, я донской казакъ, Зимовейской станицы, Емелька Пугачовъ". Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборъ, часто крестился; между тѣмъ сподвижникъ его Перфильевъ, немалаго роста, сутулый, рябой, и свирѣповидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю. По прочтеніи манифеста духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ, и пошелъ съ эшафота; читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачовъ сдѣлалъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратясь къ соборамъ, потомъ съ уторопленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: „Прости, народъ православный; отпусти мнѣ, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою; прости, народъ православный"!—При семъ словѣ экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтанья. Тогда онъ сплеснулъ руками, опрокинулся навзничь, и вмигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ: палачъ взмахнулъ ее за волосы. Съ Перфильевымъ послѣдовало то же.

Не утаю, что я при этомъ случаѣ замѣтилъ въ себѣ

что-то похожее на притворство, и самъ осуждалъ себя: какъ скоро Пугачовъ готовъ былъ повалиться на плаху, братъ мой отворотился, чтобы не видѣть взмаха топора: чувствительное сердце его не могло выносить такого позорища. Я притворно показывалъ то же расположеніе; но между тѣмъ, украдкою, ловилъ каждой движеніе преступника. Чтожъ этому было причиною? Конечно не жестокость моя; но единственно желаніе видѣть, каковымъ бываетъ человѣкъ въ толь рѣшительную, ужасную минуту.

Вскорѣ послѣ этого происшествія послѣдовало торжественное вшествіе въ Москву побѣдительницы внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ своихъ. Съ прибытіемъ двора, день отъ дня, болѣе стало прибывать иногороднаго дворянства: роскошь удвоилась; промышленность усилила свою дѣятельность; въ обществѣ начались непрерывные праздники, а при дворѣ приготовленія къ великолѣпному торжествованію славнаго мира съ Оттоманскою Портою; но я не имѣлъ удовольствія быть зрителемъ народнаго пира на Ходынкѣ, ни входа побѣдителя и миротворца Графа Румянцова-Задунайскаго [47] въ тріумфальныя вороты, нарочно для него устроенныя. По крайней мѣрѣ не стыжусь и теперь съ поэтическимъ участіемъ повторить послѣднее двоестишіе изъ посланія, поднесеннаго на этотъ случай знаменитому полководцу, столь несправедливо забытымъ нынѣ, Петровымъ.

Вотъ какъ сильно и кратко изобразилъ поэтъ могущество Екатерины:

„Речетъ, да гибнетъ врагъ: и сходитъ быстро месть!
Да грянетъ громъ: гремитъ! да будетъ миръ: и есть“.

Мать моя со всѣмъ семействомъ отправилась въ от-

чизну, оставя меня съ братомъ у роднаго нашего дяди Петра Аѳанасьевича Бекетова [48], въ надеждѣ перемѣны нашего званія. Ожиданіе наше было не долговременно: чрезъ ходатайство другаго нашего дяди, Сенатора Никиты Аѳанасьевича Бекетова [49], Подполковникъ нашъ Графъ Брюсъ [50] произвелъ насъ, чрезъ чинъ, прямо въ Фурьеры. Потомъ мы получили годовой отпускъ, и отправились въ деревню къ нашимъ родителямъ.

Заключаю тѣмъ первую книгу. Знаю, что она не удовлетворитъ любопытству тѣхъ важныхъ особъ, которыя время первой молодости считаютъ не иначе, какъ давнимъ сновидѣніемъ, и стыдились бы сознаться, что объ немъ помнятъ; но я, касаясь первыхъ двухъ возрастовъ моей жизни, имѣлъ только въ виду товарищей моихъ на поприщѣ словесности. Можетъ быть, для нихъ любопытно будетъ узнать, съ какимъ запасомъ вышелъ я на одну съ ними дорогу.

КНИГА ВТОРАЯ.

Можно бы пропустить нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ мною въ скучной унтеръ-офицерской службѣ, между строевъ и карауловъ; но я уже предварилъ, что буду въ запискахъ моихъ говорить и объ авторской моей жизни; почему и приведется иногда останавливаться на мелочахъ, пока буду описывать то время, когда я бродилъ еще ощупью, какъ слѣпецъ, по стезѣ, ведущей къ познанію словесности и вкуса.

Съ семьсотъ семдесятъ седьмаго года начались первые мои опыты въ риѳмованіи,—мнѣ совѣстно сказать въ поэзіи. Не видавъ еще ни одной книги о правилахъ стихосложенія, не имѣвъ и понятія о метрахъ, о разнородныхъ риѳмахъ, о ихъ сочетаніи, я выводилъ строки и оканчивалъ ихъ риѳмами: это были стихи мои. Первоначальные были большею частію сатирическіе. Всѣ они брошены въ огонь, коль скоро я узналъ о ихъ неправильности. Одна только надпись, хотя и погребена во мракѣ неизвѣстности, но къ стыду моему еще существуетъ. Вотъ ея исторія.

Николай Ивановичъ Новиковъ[51] издавалъ въ Петербургѣ еженедѣльникъ подъ названіемъ: *Ученыя Вѣдомости*[52]. Въ одномъ номерѣ этихъ Вѣдомостей предлагаемо было нашимъ поэтамъ сочинить надписи къ портретамъ нѣкоторыхъ изъ отличныхъ нашихъ соотечественниковъ; на первый же случай, къ изображенію духовнаго оратора Ѳеофана Прокоповича; остроумнаго поэта Князя Антіоха Кантемира; живописца Лосенкова; портретнаго гравера Чемезова. Едва я прочиталъ этотъ вызовъ, какъ вспыхнуло во мнѣ дерзкое желаніе быть въ числѣ сподвижниковъ. Журнальный листокъ принесенъ былъ ко мнѣ въ ту минуту, когда я отправлялся въ трехдневный полковой караулъ. Итакъ, положа листокъ въ грудной карманъ, пошелъ я съ ружьемъ въ рукѣ на полковой дворъ и привелъ оттуда мою команду на такъ называемый *Средній Пикетъ*, поставленный позади полка въ полѣ, гдѣ по лѣтамъ бывало ученье, ротное и баталіонное. Тамъ, въ низкой и тѣсной хижинѣ, называвшейся караульною, окруженной сугробами снѣга, въ кучѣ солдатъ, я надумывался, какъ бы мнѣ выхвалить Кантемира. Стихотворенія его мнѣ уже были извѣстны; служба его также изъ *Опыта*

Историческаю Словаря о Руских Писателяхъ, того же Новикова [53]. Думалъ, думалъ, и на силу докончилъ мою надпись. Настала другая забота: чтобы не забыть ее до смѣны, ибо со мною не было ни карандаша, ни бумаги. Цѣлый день я твердилъ ее; даже всю ночь терпѣлъ безсонницу. Наконецъ пришла смѣна: я бѣгу домой; тотчасъ пишу стихи мои четкимъ почеркомъ на хорошей бумагѣ, и отправляю ихъ при письмѣ къ издателю *Ученыхъ Вѣдомостей.*

Чрезъ недѣлю я вижу надпись мою уже въ печати [54]! Пріятель и сослуживецъ мой Н***, жившій со мною, поздравляетъ меня съ успѣхомъ; такъ онъ заключалъ изъ отзыва издателя, состоявшаго только въ томъ, что онъ желаетъ хорошихъ *успѣховъ* неизвѣстному сочинителю надписи. Самолюбіе мое не помѣшало мнѣ понять всю силу подчеркнутаго слова; однако я остерегся выводить пріятеля моего изъ заблужденія.

Въ продолженіи времени, одинъ изъ моихъ сослуживцевъ изъяснилъ мнѣ слегка правила поэзіи, и я по совѣту его купилъ реторику Ломоносова [55]. Чрезъ два года послѣ того прочиталъ піитику Андрея Байбакова [56], бывшаго потомъ Епископомъ подъ именемъ Апполоса. Образцами моими были Сумароковъ и Херасковъ. Первый мнѣ нравился болѣе своею легкостью и разнообразіемъ; но въ послѣдствіи я уже предпочиталъ ему Хераскова, находя въ стихахъ его болѣе мыслей и стихотворныхъ украшеній. Но тѣмъ не менѣе Сумароковъ и понынѣ въ глазахъ моихъ поэтъ необыкновенный, и какъ отказать ему въ этомъ титлѣ? Въ то время, когда только и слышны были жалкіе стихи Тредьяковскаго [57] и Кирьяка Кондратовича [58], писанные силлабическимъ размѣромъ, чуждые вкуса и остроумія, несносные для слуха, безъ

малѣйшаго дара; въ то время, когда и въ самой Франціи еще не было Фрероновъ, Клемановъ, Мармонтелей и Лагарповъ; когда еще никто не оцѣнивалъ изящности въ стихахъ Расина и Лафонтена: вдругъ, изъ среды юношей кадетскаго корпуса, выходитъ на поприще Сумароковъ, и вскорѣ мы услышали новое благозвучіе въ родномъ языкѣ, обрадовались игрѣ остроумія; узнали оды, элегіи, эпиграммы, комедіи, трагедіи, и не смотря на привычку къ старинѣ, на новость въ формахъ, словахъ и оборотахъ, тотчасъ почувствовали превосходство молодаго сподвижника надъ придворнымъ піитомъ Тредьяковскимъ, и всѣ прельстились его поэзіей. Это истинно шагъ исполинскій! Это права одного генія!

Будемъ болѣе справедливы и къ Хераскову. Молодые наши словесники судятъ о его талантѣ по настоящему ходу общей литературы, забывая, что онъ писалъ за пятдесятъ лѣтъ до нихъ, и образовалъ себя не въ общенародныхъ училищахъ, а самоучкою; что тогдашніе наши поэты скудны были въ образцахъ для подражанія; менѣе знакомы съ иностранною словесностію, и не имѣли счастія пользоваться тѣми выгодами и наградами, какими поощряются нынѣ авторскіе таланты [59]. Херасковъ, писавшій Россіяду девять лѣтъ [60], награжденъ былъ за трудъ свой отъ Императрицы Екатерины девятью тысячами рублей ходячею монетою, а молодой Пушкинъ, за одну главу еще недоконченной стихотворной повѣсти *Онѣгинъ*, получилъ отъ русскаго книгопродавца пять тысячь ассигнаціями по тогдашнему курсу [61]. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ, Хераскова читали только просвѣщеннѣйшіе изъ нашего дворянства, а нынѣ всѣхъ состояній: купцы, солдаты, холопы и даже торгующіе пряниками и калачами. Нынѣ авторъ можетъ, во всю жизнь свою, не обязываться никакою черствою

службою, или и совсѣмъ не служить, всегда имѣть досугъ заниматься мечтами воображенія; и между тѣмъ получать чины и знаки отличія; но сколько еще и другихъ, благороднѣйшихъ побужденій? Онъ читаетъ произведенія свои въ ученыхъ обществахъ, при многочисленномъ стеченіи слушателей обоего пола; вызывается на сцену, и встрѣчается общимъ рукоплесканіемъ.

Между тѣмъ, слѣдуя доброму примѣру моего брата, я ознакомливался день отъ дня болѣе и съ французскимъ языкомъ, уже сталъ понимать и французскихъ поэтовъ; но къ сожалѣнію моему прилѣпился къ вѣтренному Дорату [62] и его товарищамъ. Братъ мой всегда укорялъ меня имъ, и журилъ за то, что я не прилежу къ исторіи, особенно же къ древней. Въ случаѣ нашихъ размолвокъ, нерѣдко называлъ меня невѣждою или жалкимъ риѳмокропателемъ. Это прозвище было для меня столь оскорбительно, что я пересталъ показывать ему стихи мои. Нѣсколько лѣтъ писалъ ихъ, бывъ раздѣленъ съ нимъ одною только перегородкою; разсылалъ въ разные журналы, и братъ мой не зналъ ихъ автора. Не больше знали о томъ и короткіе мои знакомцы, ибо я послѣ неудачной моей надписи уже нигдѣ не ставилъ моего имени.

Такимъ образомъ я стихотворствовалъ долгое время, не знавъ, что говорятъ, по крайней мѣрѣ, словесники о стихахъ моихъ. Писать и видѣть ихъ въ печати, было для меня единственнымъ возмездіемъ; и я былъ тѣмъ доволенъ, даже и счастливъ!

Но есть ли въ мірѣ постоянное счастіе? Бывъ уже Сержантомъ, я пристрастился къ театру. Тогда въ Петербургѣ еще не было вольнаго театра, а былъ только придворный, въ самомъ дворцѣ. Императрица Екатерина хотѣла по два раза въ недѣлю доставлять подданнымъ

своимъ счастіе видѣть ее, и наслаждаться плодами ума, талантовъ, изящнаго вкуса. Мѣста въ ложахъ и партерѣ назначены были но чинамъ до офицерскаго чина. Въ райкѣ же дозволялось быть зрителямъ всякаго состоянія, исключая носящихъ ливрею. Но приставленные къ дверямъ придворные служители не возбраняли входа и гвардейскимъ Унтеръ-офицерамъ, лишь толькобъ они были въ французскихъ кафтанахъ, въ кошелькѣ и при шпагѣ. Зрители за мѣста ничего не платили. На такихъ условіяхъ я не пропускалъ ни одного представленія, ни русскаго, ни французскаго, ни итальянскаго, когда только свободенъ былъ отъ службы. Въ это время талантъ Дмитревскаго былъ еще во всей своей силѣ; онъ еще напоминалъ намъ славу Сумарокова въ его *Семирѣ* [63]; но Княжнинъ [64], зять Сумарокова, подалъ ему случай еще болѣе блистать своимъ даромъ въ роли Енея [65] и Рослава [66].

Любимое мое мѣсто было съ лѣвой стороны у самаго оркестра, гдѣ собирались обыкновенно любители словесности. Тутъ произносимы были строгіе приговоры актерамъ и драматическимъ авторамъ; тутъ я познакомился съ Михайломъ Никитичемъ Муравьевымъ и Ѳедоромъ Ильичемъ Козлятевымъ, котораго я не однажды вспомню въ моихъ запискахъ. Тогда оба они были Гвардіи Подпоручиками: одинъ въ Измайловскомъ, другой въ Семеновскомъ полку.

Между порицателями вкуса и строгими судьями, замѣтилъ я однажды незнакомаго мнѣ, малорослаго человѣка, повидимому довольно бойкаго. Онъ критиковалъ нещадно игру актера Плавильщикова [67]. Я принялъ смѣлость напомнить ему его молодость, еще малую опытность. „По крайней мѣрѣ, говорилъ я, онъ и теперь уже лучше всѣхъ своихъ сверстниковъ. Соглашусь съ вами, что

иногда онъ слишкомъ кричитъ, горячится, невпопадъ произноситъ слово, или размахиваетъ руками; но у него звонкій голосъ, выразительное, пригожее лице, свободная и благородная поступь. Притомъ же видишь, что онъ не хочетъ обезьянить Дмитревскаго, но самъ силится обдумывать игру свою, а это уже вѣрный признакъ природнаго таланта.“—Малорослый ни въ чемъ со мною не соглашался“.—„Сверхъ того, продолжалъ я, онъ лучше многихъ своихъ товарищей понимаетъ автора драмы, и красоты или недостатки сочиненія: онъ самъ былъ студентомъ, и упражняется въ словесности“.—Прекрасный словесникъ! подхватилъ незнакомецъ, пишетъ площадныя комедійки и выдаетъ дрянной журналъ! Я ничего не читалъ глупѣе стиховъ, напечатанныхъ въ послѣднемъ его листочкѣ. Тогда Плавильщиковъ издавалъ еженедѣльникъ подъ заглавіемъ *Утро* [68]. „Какія?“—спросилъ я.—Вялая Идиллія и Элегія на смерть какого-то доктора. Это ужасъ!

И это были мои стихи! Признаюсь, что я былъ пораженъ его словами. Они непрестанно отзывались въ ушахъ моихъ, и мѣшали мнѣ брать участіе въ игрѣ актеровъ. Едва я возвратился домой, какъ тотчасъ бросился читать критикованные стихи мои. Увы! Они уже и самому мнѣ нравились меньше. На другой день опять прочиталъ мои стихи, и нашелъ ихъ еще худшими! Съ той минуты я вразумился, что еще рано мнѣ выдавать мои произведенія, и положилъ хранить ихъ довремени подъ спудомъ.

Спустя уже нѣсколько лѣтъ послѣ того я нечаянно засталъ аристарха моего въ кабинетѣ Гаврилы Романовича Державина; съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ его выхода, чтобъ узнать объ его имени!—Это былъ Иванъ Ивановичъ Шильдъ, бывшій Оберъ-секретаремъ въ Сенатѣ.

Риѳмованіе мое не мѣшало мнѣ заниматься и переводами съ французскаго языка небольшихъ прозаическихъ сочиненій. Этотъ трудъ былъ для меня прибыленъ: я отдавалъ переводы мои книгопродавцамъ; они печатали ихъ своимъ иждивеніемъ, а мнѣ платили за нихъ по условію книгами. Такимъ образомъ я завелъ порядочную русскую библіотеку.

Чтобъ не наскучить дальнѣйшимъ описаніемъ мелочныхъ случаевъ, постараюсь скорѣе пробѣжать первую треть авторской моей жизни, или лучше сказать, одно къ ней приготовленіе. Между тѣмъ, повинуясь моему сердцу, не могу промолчать о двухъ моихъ знакомствахъ; они памятны мнѣ будутъ во всю жизнь мою. Но прежде, нежели начну говорить о первомъ, да позволено мнѣ будетъ отступить назадъ нѣсколькими годами.

Въ 1770 году, въ провинціальномъ городѣ Симбирскѣ, старшій братъ мой и я, десятилѣтній отрокъ, находились на свадебномъ пиру, подъ руководствомъ нашего учителя г. Манженя. Въ толпѣ пирующихъ, увидѣлъ я въ первый разъ *пятилѣтняго* мальчика въ шелковомъ перувьеневомъ камзольчикѣ съ рукавами, котораго русская нянюшка подводила за руку къ новобрачной и окружавшимъ ея барынямъ. Это былъ будущій нашъ Исторіографъ Карамзинъ [69]. Отецъ его, симбирскій помѣщикъ, отставной Капитанъ, Михайла Егоровичъ соединился тогда вторымъ бракомъ съ родною сестрою моего родителя, воспитанною по ея сиротству въ нашемъ семействѣ [70].

Съ того времени до зрѣлаго моего возраста я не имѣлъ случая видѣть его; зналъ только, что онъ въ отрочествѣ своемъ обучаемъ былъ нѣмецкому языку тамошнимъ пятидесятилѣтнимъ врачемъ, котораго прозвище я позабылъ, но очень помню, не потому, что онъ былъ съ горбомъ,

но по его привлекательной физіономіи. Онъ говорилъ тихо; въ глазахъ и на устахъ его обнаруживались кротость и человѣколюбіе. Я узналъ и полюбилъ его по случаю болѣзни младшаго брата моего, еще младенца, который отъ оспы нѣсколько дней не могъ раскрывать глазъ. Добрый старикъ думалъ утѣшить его, привозя къ нему разные дѣтскіе гостинцы; но эти вещи лишь болѣе раздражали больнаго, потому что не могъ ихъ видѣть. Тогда онъ обратился къ другому средству: привезъ къ нему свой маленькій клавесинъ, и въ каждое посѣщеніе игралъ на немъ разныя штучки, сидя подлѣ кровати младенца, желая тѣмъ сколько нибудь развлекать его и успокоивать.

Съ приближеніемъ юношескаго возраста, Карамзинъ отправленъ былъ въ Москву и отданъ въ учебное заведеніе г. Шадена, одного изъ лучшихъ профессоровъ Московскаго Университета, гдѣ и находился до вступленія въ настоящую службу [71]. По тогдашнему обыкновенію, или злоупотребленію, въ гвардейскихъ полкахъ, онъ записанъ былъ, такъ же какъ и я, еще малолѣтнымъ въ Преображенскій полкъ Подпрапорщикомъ. Съ того времени началось наше знакомство, и вотъ какимъ образомъ:

Однажды я, будучи еще и самъ Сержантомъ, возвращаюсь съ прогулки; слуга мой, встрѣтя меня на крыльцѣ, сказываетъ мнѣ, что кто-то ждетъ меня, пріѣхавшій изъ Симбирска. Вхожу въ горницу, и вижу румянаго, миловиднаго юношу, который съ пріятною улыбкою вручаетъ мнѣ письмо отъ моего родителя.

Стоило только услышать имя Карамзина, какъ онъ уже былъ въ моихъ объятіяхъ; стоило намъ сойтись два, три раза, какъ мы уже стали короткими знакомцами [72].

Едва ли не съ годъ мы были почти неразлучными; склонность наша къ словесности, можетъ быть, что-то

сходное и въ нравственныхъ качествахъ укрѣпляли связь нашу дѣнь отъ дня болѣе. Мы давали взаимный отчетъ въ нашемъ чтеніи (VI); между тѣмъ я показывалъ ему иногда и мелкіе мои переводы, которые были печатаемы особо, и въ тогдашнихъ журналахъ. Слѣдуя моему примѣру, онъ и самъ принялся за переводы. Первымъ опытомъ его былъ *Разговоръ Австрійской Маріи Терезіи съ нашей Императрицею Елисаветою въ Елисейскихъ поляхъ*, переложенный имъ съ нѣмецкаго языка [73].

Я совѣтовалъ ему показать его книгопродавцу Миллеру, который покупалъ и печаталъ переводы, платя за нихъ, по произвольной оцѣнкѣ и согласію съ переводчикомъ, книгами изъ своей книжной лавки. Не могу и теперь вспомнить безъ удовольствія, съ какимъ торжественнымъ видомъ добрый и милый юноша Карамзинъ вбѣжалъ ко мнѣ, держа въ обѣихъ рукахъ по два томика *Фильдингова* Томаса-Іонеса (Томъ-Джона), въ маленькомъ форматѣ, съ картинками, перевода Харламова [74]. Это было первымъ возмездіемъ за словесные труды его.

По кончинѣ отца своего онъ вышелъ въ отставку Поручикомъ, и уѣхалъ на родину [75]. Тамъ однажды мы сошлись на короткое время: я нашелъ его уже играющимъ ролю надежнаго на себя въ обществѣ: опытнымъ за вистовымъ столомъ; любезнымъ въ дамскомъ кругу, и ораторомъ передъ отцами семействъ, которые хотя и не охотники слушать молодежь, но его слушали. Такая жизнь не охладила однако въ немъ прежней любви его къ словесности. При первомъ нашемъ свиданіи съ глаза на глазъ онъ спрашиваетъ меня, занимаюсь ли я по прежнему переводами? Я сказываю ему, что недавно перевелъ изъ книги: *Картина Смерти*, сочиненія Каррачіоли, *Разговоръ выходца съ того свѣта съ живымъ дру-*

гомъ его. Онъ удивился странному моему выбору, и дружески совѣтовалъ мнѣ бросить эту работу, убѣждая тѣмъ, что по выбору перевода судятъ и о свойствахъ переводчика, и что я выборомъ своимъ конечно не заслужу выгоднаго о себѣ мнѣнія въ обществѣ. „А я, примолвилъ онъ, думаю переводить изъ Вольтера съ нѣмецкаго перевода". Что же такое?—*Бѣлаго Быка*.—Какъ! Эту дрянь, и еще не Вольтерову, а подложную! вскричалъ я: — и оба земляка поквитались.

Но разсѣянная свѣтская жизнь его недолго продолжалась. Землякъ же нашъ, покойный Иванъ Петровичъ Тургеневъ [76] уговорилъ молодаго Карамзина ѣхать съ нимъ въ Москву. Тамъ онъ познакомилъ его съ Николаемъ Ивановичемъ Новиковымъ, основателемъ, или по крайней мѣрѣ главною пружиною *Общества дружескаго типографическаго* [77]. При словѣ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ нельзя оставить безъ замѣчанія и лѣности, или равнодушія нашихъ авторовъ, особенно же издателей журналовъ. Никто изъ нихъ не сказалъ ни слова по случаю его кончины, и мы даже понынѣ знаемъ только объ немъ по однимъ слухамъ. Замѣчательномъ, повторяю, по заслугамъ его въ словесности и по чрезвычайному въ жизни его перевороту. Я не преминую сказать здѣсь въ своемъ мѣстѣ все, что знаю объ немъ, хотя для дѣтей нашихъ.

Въ этомъ-то *Дружескомъ Обществѣ* началось образованіе Карамзина, не только авторское, но и нравственное. Въ домѣ Новикова, онъ имѣлъ случай обращаться въ кругу людей степенныхъ, соединенныхъ дружбою и просвѣщеніемъ; слушать профессора Шварца [78], преподававшаго лекціи о богопознаніи, о высокихъ предназначеніяхъ человѣка. Между тѣмъ знакомился и съ молодыми

любословами, окончившими только учебный курсъ. Новиковъ употреблялъ ихъ для перевода книгъ съ разныхъ языковъ. Между ними по всей справедливости почитался отличнѣйшимъ Александръ Андреевичь Петровъ [79]. Онъ знакомъ былъ съ древними и новыми языками, при глубокомъ знаніи отечественнаго слова одаренъ былъ и глубокимъ умомъ и необыкновенною способностію къ здравой критикѣ; но къ сожалѣнію ничего не писалъ для публики а упражнялся только въ переводахъ, изъ коихъ извѣстны мнѣ первые два года еженедѣльника подъ названіемъ *Дѣтское Чтеніе* [80]; *Учитель* въ двухъ томахъ [81]; *Хризомандеръ*, мистическое сочиненіе [82], и *Багуатгета*[83], также родъ мистической поэмы, писанной на санскритскомъ языкѣ, и переведенной съ нѣмецкаго.

Карамзинъ полюбилъ Петрова, хотя они были не во всемъ сходны между собою: одинъ пылокъ, откровененъ, и безъ малѣйшей желчи; другой угрюмъ, молчаливъ, и подчасъ насмѣшливъ. Но оба питали равную страсть къ познаніямъ, къ изящному; имѣли одинакую силу въ умѣ, одинакую доброту въ сердцѣ; и это заставило ихъ прожить долгое время въ тѣсномъ согласіи подъ одною кровлею у Меньшиковой башни, въ старинномъ каменномъ домѣ принадлежащемъ *Дружескому Обществу* [84]. Я какъ теперь вижу скромное жилище молодыхъ словесниковъ: оно раздѣлено было тремя перегородками; въ одной стоялъ на столикѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гипсовый бюстъ мистика Шварца, умершаго незадолго предъ пріѣздомъ моимъ изъ Петербурга въ Москву [85]; а другая освящена была Іисусомъ на крестѣ, подъ покрываломъ чернаго крепа. Карамзинъ оплакалъ раннюю смерть своего товарища въ сочиненіи: *Цвѣтокъ надъ гробомъ Агатона* [86],

Послѣ свиданія нашего въ Симбирскѣ, какую перемѣну нашелъ я въ миломъ моемъ пріятелѣ! Это былъ уже не тотъ юноша, который читалъ все безъ разбора, плѣнялся славою воина, мечталъ быть завоевателемъ чернобровой, пылкой Черкешенки; но благочестивый ученикъ мудрости, съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенію въ себѣ *человѣка*. Тотъ же веселый нравъ, та же любезность, но между тѣмъ главная мысль, первыя желанія его стремились къ высокой цѣли. Тогда я почувствовалъ предъ нимъ всю мою незначительность и дивился, за что онъ любитъ меня еще попрежнему! Мы прожили недолго вмѣстѣ. Послѣ того еще нѣсколько разъ встрѣчались въ Москвѣ, и, наконецъ, разлучились уже на долгое время: онъ отправился въ чужіе края [87]; но не на счетъ Общества, какъ многіе о томъ разглашаютъ, а на собственномъ иждивеніи [88]. Со дня вступленія его въ Дружеское общество до путешествія, онъ перевелъ и выдалъ съ нѣмецкаго языка: два или три тома *Штурмовыхъ Размышленій*, подъ заглавіемъ, помнится мнѣ, *Бесѣды съ Богомъ* [89]; Галлерову поэму, *О происхожденіи зла* [90]; Лессингову трагедію, *Эмилія Галоти* [91]; и Шекспирову, *Юлія Цесаря* [92]; одну пѣснь (не напечатанную) изъ Клопштоковой поэмы: *Мессіада* [93]; съ французскаго: Les veillées du chateau [94], и за отсутствіемъ Петрова продолжалъ около года *Дѣтское Чтеніе*, въ которомъ напечаталъ первую повѣсть, имъ сочиненную [95], и первые опыты свои въ поэзіи [96].

Теперь договоримъ объ Новиковѣ. Онъ не имѣлъ, какъ и многіе изъ нашихъ писателей, классическаго образованія. Имя его стало извѣстно съ семидесятыхъ годовъ, по изданію имъ, одного за другимъ, двухъ еженедѣльниковъ: *Трутня* [97] и *Живописца* [98]. Я не равняю ихъ

съ Адиссоновымъ *Зрителемъ:* по крайней мѣрѣ они отличались отъ сборниковъ чужой и домашней всякой всячины, и болѣе отзывались *народностію*, хотя и менѣе объ ней твердили, нежели нынѣшніе наши журналы. Издатель въ листкахъ своихъ нападалъ смѣло на господствующіе пороки; каралъ взяточниковъ; обнаруживалъ разныя злоупотребленія; осмѣивалъ закоренѣлые предразсудки и не щадилъ невѣжества мелкихъ, иногда же и крупныхъ помѣщиковъ. Словомъ: старался, сколько могъ и умѣлъ, выдерживать главное свойство своихъ журналовъ и принаравливать ихъ къ духу того времени. Въ 1772 году онъ выдалъ *Опытъ Историческаго Словаря о Русскихъ Писателяхъ*, а потомъ двадцать томовъ старинныхъ рукописей, разнаго рода, подъ названіемъ *Древней Россійской Вивліоѳики* [99]. Одно это изданіе могло бы дать ему почетное мѣсто въ исторіи нашей словесности. Пожелаемъ, чтобъ кто нибудь изъ современныхъ трудолюбивыхъ и доброхотныхъ словесниковъ взялъ на себя выбрать изъ этихъ двадцати томовъ замѣчательныя только статьи; составить изъ нихъ нѣсколько отдѣленій, какъ-то историческое, политическое, словесность, смѣсь, и выдать ихъ подъ заглавіемъ: *Духъ или извлеченіе любопытныхъ статей изъ Древней Россійской Вивліоѳики.*

Потомъ Новиковъ издавалъ въ Петербургѣ около года *Ученыя Вѣдомости* [100], и тамъ же, а послѣ въ Москвѣ, ежемѣсячникъ: *Утренній Свѣтъ* [101], въ стихахъ и прозѣ, исключительно содержанія только важнаго, болѣе назидательнаго. Весь доходъ отъ этого изданія употребленъ былъ на заведеніе въ Петербургѣ народныхъ училищъ, коихъ тогда у насъ еще не было [102]. Въ нихъ обучали безденежно дѣтей всякаго состоянія русской грамматикѣ, первымъ основаніямъ исторіи, землеописанія,

катихизису, математикѣ и рисованію. Эти училища находились въ разныхъ частяхъ города, и отъ нихъ-то, съ учрежденія намѣстничествъ, начались въ каждомъ городѣ казенныя народныя училища.

Съ переселеніемъ Михайлы Матвѣевича Хераскова въ Москву, въ званіи куратора Московскаго университета [103], Новиковъ, послѣдуя за нимъ, взялъ на откупъ университетскую типографію [104], и завелъ Дружеское типографическое общество, составленное изъ людей благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ. По крайней мѣрѣ, изъ извѣстныхъ мнѣ, таковы были: Иванъ Петровичъ Тургеневъ [106], Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ [107], Ѳедоръ Петровичъ Ключаревъ [108] и Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ [109], переводчикъ съ нѣмецкаго языка *Юнговыхъ Ночей и Клопштоковой Мессіады.*

Я не соглашусь съ нѣкоторыми въ томъ, что Новиковъ значительнымъ образомъ дѣйствовалъ на успѣхи нашей словесности. Еще за нѣсколько лѣтъ до Типографическаго общества мы уже имѣли въ переводѣ съ греческаго языка Гомерову Илліаду и Одиссею; первую перевода Якимова, вторую Киріака Кондратовича; Творенія велемудраго Платона въ трехъ томахъ; Разговоры Лукіана Самосатскаго, и единственный греческій романъ: *Теагенъ* и *Хариклея*; послѣдними тремя обязаны мы были совокупнымъ трудамъ двухъ свояковъ, священника Іоанна Сидоровскаго и Коллежскаго Регистратора Матвѣя Пахомова; Эпиктетовъ Энхиридіонъ, его же Апоѳегмы и Кевитову Картину, Григорья Полетики; Діодора Сицилійскаго Историческую Библіотеку; Десять книгъ Павзанія о достопамятностяхъ Греціи; съ латинскаго: Квинта Курція Житіе Александра Великаго; Саллустія Югурѳинскую Войну и Заговоръ Катилины; Записки Юлія Цесаря о

походахъ его въ Галлію; Цицерона о Естествѣ боговъ; о Дружествѣ, о Должностяхъ и двѣнадцать отборныхъ рѣчей; Светонія о Августахъ; Веллея-Патеркула и Луція Флора Сокращеніе Римской Исторіи. Равно имѣли и съ новѣйшихъ языковъ переводы отличныхъ твореній, какъ-то: Монтескье о Разумѣ или духѣ законовъ; Политическія наставленія Барона Бильфельда; Юстія Основанія Царствъ, и всѣхъ лучшихъ романовъ Фильдинга, Аббата Прево и Лесажа. Все это переводимо и издаваемо было скромными любословами въ пятидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, безъ малѣйшаго шума, безъ ожиданія перстней, безъ нынѣшнихъ легкихъ и прибыльныхъ средствъ сбывать работу свою чрезъ подписки во всѣхъ губерніяхъ; безъ покровительства, наконецъ, журналистовъ-пріятелей.

Отъ Общества же типографическаго выходили сочиненія болѣе богословскія, церковныхъ учителей, мистическія, театральныя, и посредственные романы, разумѣется почти всѣ переведенные. Но мы обязаны хранить къ Новикову большую признательность за то, что онъ распространилъ книжную торговлю заведеніемъ въ губернскихъ городахъ книжныхъ лавокъ; поощрялъ университетскихъ студентовъ, семинаристовъ, и даже церковнослужителей къ упражненію въ переводахъ, печатая ихъ своимъ иждивеніемъ и платя переводчикамъ съ каждаго печатнаго листа условленную цѣну [110]. Такія выгоды освобождали ихъ отъ уничижительнаго притѣсненія необразованныхъ и корыстолюбивыхъ книгопродавцевъ.

Между тѣмъ какъ Дружеское типографическое общество въ полной безопасности процвѣтало; какъ члены его съ общаго согласія носили явно кафтаны одинакаго покроя и цвѣта, голубые съ золотыми петлицами: внезапно возстала противъ нихъ политическая буря. Фран-

цузскій переворотъ возбудилъ во всѣхъ правительствахъ подозрѣнія на всѣ постоянныя сборища, тайныя и явныя. Главнокомандующій въ Москвѣ, Князь Прозоровскій [111] получилъ тайное повелѣніе взять въ особенное вниманіе масонскую ложу, на которую содержатели типографіи имѣли большое вліяніе. Въ слѣдствіе того захвачены были въ ложѣ и въ домахъ Новикова и друзей его всѣ бумаги; сдѣланъ строжайшій осмотръ книжному магазину, библіотекѣ Филантропическаго Общества, и всѣ найденныя въ нихъ мистическія книги преданы были сожженію [112]. Самъ же Новиковъ отправленъ былъ въ Тайную канцелярію, а потомъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость [113]. Восшествіе на престолъ Императора Павла возвратило ему свободу, но не возвратило спокойствія духа [114].

Еще за годъ до его возвращенія жена его скончалась, оставя трехъ малолѣтныхъ сиротъ въ пустомъ домѣ, на произволъ судьбы. Несчастный отецъ нашелъ сына и одну изъ дочерей своихъ въ ужасной, рѣдко исцѣлимой болѣзни (эпилепсіи). Остальные годы унылой жизни проведены имъ въ маломъ помѣстьѣ, близко Москвы [115], въ сообществѣ Гамалеи, давняго его друга, и г-жи Шварцъ, вдовы знаменитаго профессора и мистика. Эта благочестивая женщина, съ самаго заточенія Новикова и до сего времени, посвятила себя на призрѣніе жалкихъ страдальцевъ, пережившихъ родителя. Онъ скончался въ царствованіе Александра, уже въ глубокой старости, вѣроятно около восьмидесяти лѣтъ [116].

Немногимъ прежде знакомства моего съ Карамзинымъ, началась у меня тѣсная связь и съ почтеннымъ Ѳедоромъ Ильичемъ Козлятевымъ. И это было эпохою, съ которой я началъ выбираться на прямой путь словесности.

Скоро мы сдѣлались почти неразлучными, не смотря на разность лѣтъ и состояній: онъ уже былъ Гвардіи Семеновскаго полка Подпоручикомъ, а я еще Сержантомъ, и гораздо его моложе.

У него была хорошая французская библіотека, увеличиваемая непрестанно старыми и новѣйшими сочиненіями и переводами. Тогда было цвѣтущее время для французской словесности: Вольтеръ [117] и Ж. Ж. Руссо, хотя уже и находились въ преклонныхъ лѣтахъ, но ихъ слава, ихъ присутствіе между нами, одушевляли ученый міръ и приводили его въ движеніе. Бюффонъ выдавалъ томъ за томомъ Естественную Исторію, во всемъ ея убранствѣ, украшенную всѣми прелестями живописнаго, иногда же важнаго или трогательнаго краснорѣчія, и въ то же время увлекалъ читателей блестящими гипотезами въ своихъ *Эпохахъ Натуры.* Даламберъ, Дидро, Реналь, Мармонтель, Тома и Лагарпъ были корифеями авторовъ второстепенныхъ. Козлятевъ познакомилъ меня съ ихъ твореніями, равно и съ французскими лучшими переводами греческихъ и латинскихъ классиковъ. По совѣту его сталъ я читать и учебныя книги: Квинтиліана объ Ораторскомъ искусствѣ и Курсъ словесности Аббата *Бате* и *Мармонтеля.* Не безъ пользы также для меня были: Библіотека образованнаго человѣка (Bibliothèque d'un homme de gout); Три вѣка французской словесности, Аббата *Сабатье,* Записки (mémoires) *Палисота* о французскихъ писателяхъ и Критическій журналъ Клемана. Послѣдніе три автора остерегали меня, одинъ противъ другаго, и въ то же время помогали мнѣ совокупно изучать французскую литературу.

Но и кромѣ такихъ пособій, одна бесѣда съ Козлятевымъ уже была для меня училищемъ изящнаго и вкуса.

Онъ одаренъ былъ умомъ, хотя не бѣглымъ, не блестящимъ, но основательнымъ, украшеннымъ просвѣщеніемъ и кротостію необыкновенною. Въ молодости моей часто я сердился на него за это прекрасное качество: въ кругу неслишкомъ ему знакомыхъ онъ готовъ былъ внимательно выслушивать всѣхъ и не сказать ни слова. Почитатель его достоинствъ, я дружески пенялъ ему, для чего онъ таитъ ихъ и тѣмъ подаетъ поводъ къ невыгодному объ немъ заключенію. Добрый Козлятевъ обыкновенно отвѣчалъ на то нѣжной улыбкою или пожатіемъ руки моей.

Слыша его строгія или безпристрастныя сужденія о стихахъ даже и первенствующихъ нашихъ поэтовъ, я началъ таить еще болѣе, особенно же отъ него, мои произведенія; еще болѣе сталъ чувствовать все ихъ несовершенство. Нѣкогда онъ признался мнѣ, что было время, когда онъ и самъ занимался переводами и стихотворствовалъ; что даже написалъ шутливую поэму: но вскорѣ одумался, все *свое* сжегъ и принялся читать *чужое*. Это спокойнѣе и прибыльнѣе, прибавилъ онъ съ кроткою своей улыбкою. Во все продолженіе долговременной нашей связи, онъ однажды только показалъ мнѣ переводъ свой элегіи Катулла на смерть Проперція, или на оборотъ — точно не помню; но ни подъ какимъ условіемъ не далъ мнѣ списать его.

Если пришлось мнѣ сказать о повышеніи меня чиномъ Гвардіи Прапорщика [118], такъ болѣе потому только, что оно разлучило меня съ любезнымъ менторомъ на долгое время: получа годовый отпускъ, я провелъ его у моихъ родителей, а въ слѣдующемъ году [119], по случаю открывшейся войны съ Швеціей, пошелъ въ походъ на границу Финляндіи и прожилъ четыре мѣсяца въ палаткѣ или въ

переходахъ съ мѣста на мѣсто, подъ шумомъ пѣсенъ и барабановъ. Гвардейскіе батальоны далѣе Фридрисгама не доходили. Мы видѣли непріятелей только въ положеніи унылыхъ плѣнниковъ.

Новая жизнь, новая даже природа, дикая, но Оссіяновская, вездѣ величавая и живописная: гранитныя скалы, шумные водопады, высокія мрачныя сосны, не могли мнѣ накороткѣ наскучить. Къ тому же сердце, еще не развращенное, повсюду найдетъ для себя кроткія наслажденія. Гдѣ они рѣдки, тамъ болѣе дорожатъ ими. Какъ я былъ обрадованъ, увидя однажды голубой цвѣточикъ между голыхъ и огромныхъ камней! Съ какимъ удовольствіемъ проваживалъ я поздніе вечера и первые часы утра въ низменной хижинѣ подъ соломенной кровлею!

Мы стояли въ лагерѣ подлѣ финской деревни. Это было въ началѣ или въ концѣ Августа. Чувствительный къ свѣжести осеннихъ ночей, часто я оставлялъ мою палатку, получая позволеніе отъ батальоннаго начальника ночевать на томъ дворѣ, гдѣ стояла походная моя повозка. Тѣсная хижина была и спальною моей и кабинетомъ. Тамъ я проваживалъ по нѣскольку часовъ въ глубокой тишинѣ, совершенно противоположной дневному шуму и лагерной, такъ сказать, суматохѣ. При мнѣ находился одинъ слуга, входившій ко мнѣ только по моему зову. Тамъ я бывалъ такъ доволенъ бытіемъ своимъ, что въ ту минуту не испугался бы хотя и навсегда остаться въ этой хижинѣ. Не знаю и самъ почему, но во мнѣ и понынѣ сохранились какія-то пріятныя впечатлѣнія, произведенныя однажды первыми часами утра въ этомъ же уединеніи.

Послѣ двухъ чашекъ кофія, едва я принялся за переводъ одного письма изъ *Новой Элоизы*, раздался въ ушахъ моихъ звукъ многихъ трубъ и барабанный бой,

смѣшанный съ громомъ литавръ. Гляжу въ окно, и вижу вдали, сквозь ряды палатокъ, лагерный караулъ подъ ружьемъ и кирасирскій полкъ, проходящій мимо его повзводно. Восходящее солнце, открытое поле, кругомъ безмолвіе, возмущенное только военною музыкою и ржаніемъ коней; колебаніе густаго гребня или щетиннаго хохла на шлемахъ усастыхъ всадниковъ: все это представляло мнѣ новую, величественную картину! Она еще не докончена.

Между тѣмъ, какъ полкъ уже проходилъ лагерь, приближаются къ моей хижинѣ двое нашихъ солдатъ, еще не одѣтыхъ, покрытыхъ только синими плащами; они на плечахъ своихъ несли шестъ съ висящимъ на немъ мѣднымъ котломъ: вѣроятно шли за водою. Дорога лежала мимо поля, по которому колыхался еще не сжатый хлѣбъ. Одинъ изъ носильщиковъ тотчасъ опускаетъ котелъ, поднявъ съ земли серпъ, начинаетъ съ веселымъ видомъ жать колосъ. Послѣ двухъ или трехъ хватокъ серпомъ, бросаетъ его наземь и, взложа ношу свою опять на плечо, идетъ съ товарищемъ своимъ далѣе: кажется, я угадывалъ его чувства, и отъ того во весь день смотрѣлъ на каждаго молодаго солдата съ бо́льшимъ участіемъ.

Въ концѣ года гвардейскіе баталіоны возвратились въ столицу. Я началъ жить попрежнему, видаясь ежедневно съ почтеннымъ Козлятевымъ; но въ слѣдующемъ году опять съ нимъ разлучился: съ весною открылась вторая *кампанія*. Онъ пошелъ въ походъ уже въ званіи Капитана. Грустно было мнѣ еще съ нимъ разставаться; но провидѣніе благоволило и въ настоящемъ случаѣ послать мнѣ отраду: знакомство съ Державинымъ и свиданіе съ Карамзинымъ, возвратившимся изъ путешествія [120].

КНИГА ТРЕТІЯ.

Поэзія Державина извѣстна мнѣ стала еще съ 1776 года. Около того времени первыя произведенія его вышли въ свѣтъ безъ имени автора, изъ типографіи Академіи Наукъ, подъ названіемъ: *Оды, сочиненныя и переведенныя при горѣ Читалагаѣ.* Это было, какъ я послѣ узналъ, плоды краткихъ досуговъ его въ военномъ стану, посреди уфимскихъ степей. Тогда онъ, въ числѣ гвардейскихъ офицеровъ, находился для разныхъ порученій при Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ [121], предводителѣ войскъ противъ бунтовщика и самозванца Пугачова.

Въ этой книжкѣ помѣщены были нѣсколько одъ разнаго содержанія, болѣе философическихъ, и посланіе Фридриха Втораго къ астроному Мопертію, переведенное въ прозѣ. Я упоминаю съ такою подробностію объ этой книжкѣ потому только, что нынѣ она рѣдка, и немногимъ извѣстна даже изъ литераторовъ. Въ стихахъ, помѣщенныхъ въ ней, при нѣкоторыхъ недостаткахъ, уже показывались замашки или вспышки врожденнаго таланта и его главныя свойства: благородная смѣлость, строгія правила и рѣзкость въ выраженіяхъ . Послѣ того въ разныя времена вышли также безъ его имени: *Посланіе* къ И. И. Шувалову, по случаю возвращенія его изъ чужихъ краевъ, писанное въ Казани [122]; оды: *На смерть Князя Мещерскаго; къ Сосѣду; къ Киргизкайсацкой Царевнѣ Фелицѣ*; стансы: *Успокоенное невѣріе*, диѳирамбъ *На выздоровленіе И. И. Шувалова*, и *Гребеневскій ключь*, посвященный М. М. Хераскову. Всѣ эти стихи, по моему мнѣнію, едва ли не лучшія и совершеннѣйшія изъ поэтическихъ произведеній Державина. Они были напечатаны въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ*

въ 1778 году и послѣдующихъ [123], а потомъ нѣкоторые изъ нихъ перепечатаны съ поправками въ *Собесѣдникѣ Любителей россійскаго слова* [124]. Въ немъ участвовала сама Императрица. Ея сочиненія выходили подъ названіемъ: *Были* и *Небылицы*. Издавался же онъ подъ надзоромъ Президента обѣихъ Академій Княгини Катерины Романовны Дашковой [125]. Кромѣ Фелицы, долго я не зналъ объ имени автора упомянутыхъ стихотвореній. Хотя самъ писалъ и худо, но по какому-то чутью находилъ въ нихъ болѣе силы, живописи, болѣе, такъ сказать, свѣжести, самобытности, нежели въ стихахъ извѣстныхъ мнѣ современныхъ нашихъ ноэтовъ. Къ удивленію должно замѣтить, что ни въ обществахъ, ни даже въ журналахъ того времени, не говорено было ничего объ этихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ. Малое только число словесниковъ— друзей Державина чувствовали всю ихъ цѣну. Извѣстность его началась не прежде, какъ послѣ первой оды къ *Фелицѣ* [126]. Наконецъ я узналъ объ имени прельстившаго меня поэта; узналъ и самого его лично; но только глядывалъ на него издали во дворцѣ, съ чувствомъ удовольствія и глубокаго уваженія. Вскорѣ потомъ посчастливилось мнѣ вступить съ нимъ и въ знакомство; вотъ какой былъ къ тому поводъ.

Во вторую кампанію шведской войны, я ѣздилъ на границу Финляндіи, для свиданія съ старшимъ братомъ моимъ [127]. Онъ служилъ тогда въ пѣхотномъ Псковскомъ полку Преміеръ-Маіоромъ. Въ продолженіи дороги и на мѣстѣ я велъ поденную записку; описывая въ ней между прочимъ красивое мѣстоположеніе, употребилъ я обращеніе въ стихахъ къ Державину, и назвалъ его единственнымъ у насъ живописцемъ природы. По возвращеніи моемъ, знакомецъ мой, П. Ю. Львовъ [128], пе-

реписалъ эти стихи для себя, и показалъ ихъ поэту. Онъ захотѣлъ узнать меня, нѣсколько разъ говорилъ о томъ Львову; но я совѣстился представиться знаменитому пѣвцу въ лицѣ мелкаго и еще никѣмъ непризнаннаго стихотворца, долго не могъ рѣшиться и все откладывалъ. Наконецъ, однимъ утромъ знакомецъ мой прислалъ собственноручную къ нему записку Державина. Онъ еще напоминалъ Львову о желаніи его сойтись со мною. Эта записка побѣдила мою застѣнчивость. И такъ, въ сопровожденіи Львова, отправился я къ поэту, съ которымъ желалъ и робѣлъ познакомиться.

Мы застали хозяина и хозяйку [129] въ авторскомъ кабинетѣ: въ колпакѣ и въ атласномъ голубомъ халатѣ, онъ что-то писалъ на высокомъ налоѣ; а она, въ утреннемъ бѣломъ платьѣ, сидѣла въ креслахъ посреди комнаты и парикмахеръ завивалъ ей волосы. Добросердечный видъ и привѣтливость обоихъ съ первыхъ словъ ободрили меня. Поговоря нѣсколько минутъ о словесности, о войнѣ и пр., я хотѣлъ, соблюдая приличіе, откланяться; но они оба стали унимать меня къ обѣду. Послѣ кофія я опять поднялся, и еще упрошенъ былъ до чая. Такимъ образомъ съ перваго посѣщенія я просидѣлъ у нихъ весь день, а чрезъ двѣ недѣли уже сдѣлался короткимъ знакомцемъ въ домѣ. И съ того времени рѣдко проходилъ день, чтобъ я не видѣлся съ этой любезной и незабвенной четою.

Державину минуло тогда пятдесятъ лѣтъ [130]. Онъ былъ еще Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ и кавалеромъ ордена Св. Владиміра третьей степени. Года за два предъ тѣмъ [131], онъ отрѣшенъ былъ отъ должности Губернатора Тамбовской губерніи, по случаю несогласія, происшедшаго между имъ и Генералъ-Гу-

бернаторомъ или Намѣстникомъ Графомъ Гудовичемъ [132]. Взаимныя ихъ жалобы отданы были на разсмотрѣніе Сената. Державинъ былъ оправданъ. Любопытная столица съ нетерпѣніемъ ожидала отъ премудрой *Фелицы* рѣшенія судьбы любимаго ея поэта.

Между тѣмъ Князь Потемкинъ-Таврическій, отправляясь въ армію, приготовлялся нѣсколько мѣсяцевъ къ великолѣпному угощенію Императрицы. Это было уже по взятіи Очакова [133]. Державину поручено было отъ Князя заблаговременно сочинить, по сообщенной ему программѣ, описаніе праздника. Знакомство наше началось вмѣстѣ съ этой работою. Почти въ моихъ глазахъ она была продолжаема и окончена. Праздникъ изумилъ всю столицу [134]; описаніе напечатано, но не полюбилось, какъ слышно было, Потемкину; вѣроятно за поэтическую характеристику хозяина, довольно вѣрную, но не у мѣста шутливую.

Съ первыхъ дней нашего знакомства, я уже пробѣжалъ толстую рукопись всѣхъ собранныхъ его стихотвореній, извѣстныхъ мнѣ и неизвѣстныхъ. Сверхъ того показаны мнѣ и тѣ, которыя, по хлопотамъ службы, долгое время лежали у него неоконченными. Главнѣйшія изъ нихъ были: *Водопадъ*, состоявшій тогда въ пятнадцати только строфахъ [135]; *Видѣніе Мурзы*, ода *На коварство*, *Прогулка въ Сарскомъ Селѣ*. Послѣдніе стихи, равно какъ и *Видѣніе Мурзы*, дописалъ онъ уже при появленіи *Московскаго Журнала* [136]; *Водопадъ*, гораздо послѣ, когда получено было извѣстіе о кончинѣ Князя Потемкина [137]; оду же *На коварство* еще позднѣе [138]. Немногимъ извѣстно, что и *Вельможа* напечатанъ былъ въ числѣ одъ, писанныхъ при *горѣ Читалагаѣ*, о коихъ я упоминалъ выше; но любители словесности

познакомились съ нею уже при второмъ появленіи, когда поэтъ прибавилъ въ этой одѣ нѣсколько строфъ, столь изобильныхъ сатирическою солью и яркими картинами. Возобновленіе ея послѣдовало по кончинѣ Князя Потемкина, при Генералъ-Прокурорѣ Графѣ Самойловѣ [139]. Общество находило въ ней много намековъ на счетъ того и другаго. Тогда поэтъ былъ уже Сенаторомъ [140].

Державинъ при всемъ своемъ геніи съ великимъ трудомъ поправлялъ свои стихи. Онъ снисходительно выслушивалъ совѣты и замѣчанія, охотно принимался за передѣлку стиха, но рѣдко имѣлъ въ томъ удачу. Вездѣ и непрестанно вниманіе его обращено было къ поэзіи. Часто я заставалъ его стоявшимъ неподвижно противъ окна и устремившимъ глаза свои къ небу. Что вы думаете? однажды спросилъ я.—Любуюсь вечерними облаками, отвѣчалъ онъ. И чрезъ нѣкоторое время послѣ того вышли стихи: *Къ дому любящему ученіе* (къ семейству Графа А. С. Строганова) [141], въ которыхъ онъ впервые назвалъ облака *краезлатыми*. Въ другой разъ замѣтилъ я, что онъ за обѣдомъ смотритъ на разварную щуку и что-то шепчетъ; спрашиваю тому причину. „А вотъ я думаю, сказалъ онъ, что если бы случилось мнѣ приглашать въ стихахъ кого нибудь къ обѣду, то при исчисленіи блюдъ, какими хозяинъ намѣренъ подчивать, можно бы сказать, что будетъ: *и щука съ голубымъ перомъ*". И мы чрезъ годъ или два услышали этотъ стихъ въ его посланіи къ Князю Александру Андреевичу Безбородкѣ [142].

Голова его была хранилищемъ запаса сравненій, уподобленій, сентенцій и картинъ для будущихъ его поэтическихъ произведеній. Онъ охотникъ былъ до чтенія, но читалъ безъ разборчивости. Говорилъ отрывисто и

некрасно. Кажется, будто заботился только о томъ, чтобъ высказать скорѣе. Часто посреди гостей, особенно же у себя, задумывался и склонялся къ дремотѣ; но я всегда подозрѣвалъ, что онъ притворялся, чтобъ не мѣшали ему заниматься чѣмъ нибудь *своимъ*, важнѣйшимъ обыкновенныхъ, пустыхъ разговоровъ. Но тотъ же самый человѣкъ говорилъ долго, рѣзко и съ жаромъ, когда пересказывалъ о какомъ либо спорѣ по важному дѣлу въ Сенатѣ, или о дворскихъ интригахъ, и просиживалъ до полуночи за бумагой, когда писалъ *голосъ*, заключеніе или проэктъ какого нибудь государственнаго постановленія. Державинъ, какъ поэтъ и какъ государственная особа, имѣлъ только въ предметѣ нравственность, любовь къ правдѣ, честь и потомство.

Со входомъ въ домъ его, какъ будто мнѣ открылся путь и къ парнассу. Дотолѣ бывъ знакомъ только съ двумя стихотворцами: Ермиломъ Ивановичемъ Костровымъ [143] и Дмитріемъ Ивановичемъ Хвостовымъ [144], я увидѣлъ въ обществѣ Державина вдругъ нѣсколько поэтовъ и прозаистовъ: пѣвца *Душеньки* [145] Ипполита Ѳедоровича Богдановича [146]; переводчика Телемака и Гумфрея Клингера, Ивана Семеновича Захарова [147]; Николая Александровича [148] и Ѳедора Петровича Львовыхъ [149]; Алексѣя Николаевича Оленина [150], столь извѣстнаго по его изобрѣтательному таланту въ рисованьѣ и свѣдущему въ художествахъ и древности. О первомъ не стану повторять того, что уже помѣщено было Карамзинымъ по пересказамъ моимъ въ біографіи Богдановича, напечатанной въ *Вѣстникѣ Европы* [151]; прибавлю только, что я познакомился съ нимъ въ то время, когда онъ уже мало занимался литературою, но сдѣлался невольнымъ данникомъ большаго свѣта. По славѣ *Душеньки* многіе, хотя

и не читали этой поэмы, хотѣли, чтобъ авторъ ея дремалъ за ихъ поздними ужинами. Всегда въ французскомъ кафтанѣ, кошелекъ на спинѣ, и тафтяная шляпка (клакъ) подъ мышкою; всегда по вечерамъ въ концертѣ или на балѣ въ знатномъ домѣ, Богдановичъ, если не игралъ въ вистъ, то вездѣ слова два о дневныхъ новостяхъ, или о дворѣ, или заграничныхъ происшествіяхъ, но никогда съ жаромъ, никогда съ большимъ участіемъ.—Онъ не любилъ не только докучать, даже и напоминать о стихахъ своихъ: но въ тайнѣ сердца всегда чувствовалъ свою цѣну, и былъ довольно щекотливъ къ малѣйшимъ замѣчаніямъ на счетъ произведеній пера его. Впрочемъ чуждъ злоязычія, строгій блюститель нравственныхъ правилъ и законовъ общества, скромный и вѣжливый въ обращеніи, онъ всѣми благоразумными и добрыми людьми былъ любимъ и уважаемъ.

Чрезъ Державина же я сошелся и съ Денисомъ Ивановичемъ Фонъ-Визинымъ. По возвращеніи изъ бѣлорусскаго своего помѣстья, онъ просилъ Гаврила Романовича познакомить его со мною. Назначенъ былъ день нашего свиданія. Въ шесть часовъ по полудни пріѣхалъ Фонъ-Визинъ. Увидя его въ первый разъ, я вздрогнулъ и почувствовалъ всю бѣдность и тщету человѣческую. Онъ вступилъ въ кабинетъ Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами изъ Шкловскаго кадетскаго корпуса, пріѣхавшими съ нимъ изъ Бѣлоруссіи. Уже онъ не могъ владѣть одною рукою, равно и одна нога одеревенѣла. Обѣ поражены были параличемъ. Говорилъ съ крайнимъ усиліемъ, и каждое слово произносилъ голосомъ охриплымъ и дикимъ; но большіе глаза его быстро сверкали. Первый, брошенный на меня взглядъ привелъ меня въ смятеніе. Разговоръ не замѣшкался. Онъ при-

ступилъ ко мнѣ съ вопросами о своихъ сочиненіяхъ: знаю ли я *Недоросля?* читалъ ли *Посланіе къ Шумилову*, *Лису Казнодѣйку;* переводъ его *Похвальнаго Слова Марку Аврелію?* и такъ далѣе; какъ я нахожу ихъ? Казалось, что онъ такими вопросами хотѣлъ съ перваго раза вывѣдать свойства ума моего и характера. Наконецъ спросилъ меня и о чужомъ сочиненіи: что я думаю объ *Душенькѣ?*—Она изъ лучшихъ произведеній нашей поэзіи, отвѣчалъ я.—Прелестна! подтвердилъ онъ, съ выразительною улыбкою. Потомъ Фонъ-Визинъ сказалъ хозяину, что онъ привезъ показать ему новую свою комедію: *Гофмейстеръ* [152]. Хозяинъ и хозяйка изъявили желаніе выслушать эту новость. Онъ подалъ знакъ одному изъ своихъ вожатыхъ, и тотъ прочиталъ комедію однимъ духомъ. Въ продолженіи чтенія, авторъ глазами, киваньемъ головы, движеніемъ здоровой руки подкрѣплялъ силу тѣхъ выраженій, которыя самому ему нравились. Игривость ума не оставляла его и при болѣзненномъ состояніи тѣла. Не смотря на трудность разсказа, онъ заставлялъ насъ не однажды смѣяться. По словамъ его, во всемъ уѣздѣ, пока онъ жилъ въ деревнѣ, удалось ему найти одного только литератора, городскаго Почтмейстера. Онъ выдавалъ себя за жаркаго почитателя Ломоносова. Которую же изъ одъ его, спросилъ Фонъ-Визинъ, признаете вы лучшею? — Ни одной не случилось читать, отвѣтствовалъ ему Почтмейстеръ. „За то, продолжалъ Фонъ-Визинъ, доѣхавъ до Москвы, я уже не зналъ, куда мнѣ дѣваться отъ молодыхъ стихотворцевъ. Отъ утра до вечера они вокругъ меня роились. Однажды докладываютъ мнѣ: „пріѣхалъ сочинитель“;—принять его, сказалъ я, и чрезъ минуту входитъ авторъ съ пукомъ бумагъ. Послѣ первыхъ привѣтствій и огово-

рокъ, онъ проситъ меня выслушать трагедію его *въ новомъ вкусѣ*. Нечего дѣлать; прошу его садиться и читать. Онъ предваряетъ меня, что развязка драмы его будетъ совсѣмъ необыкновенная: у всѣхъ трагедіи оканчиваются добровольнымъ или насильственнымъ убійствомъ, а его героиня или главное лице — умретъ естественною смертію.“ — „И въ самомъ дѣлѣ, заключаетъ Фонъ-Визинъ, героиня его отъ акта до акта чахла, чахла и наконецъ издохла“.

Мы разстались съ нимъ въ одиннадцать часовъ вечера, а на утро онъ уже былъ въ гробѣ! [153)]

Между извѣстными того времени поэтами, посѣщавшими Державина, къ удивленію моему ни однажды не сходился я съ Княжнинымъ и Петровымъ. Перваго по крайней мѣрѣ видалъ я въ театрѣ, а послѣдняго никогда не зналъ, ходя и живалъ съ нимъ въ одномъ городѣ. Оды его и тогда были при дворѣ и у многихъ словесниковъ въ большомъ уваженіи; но публика знала его едва ли не по наслышкѣ, а Державинъ и приверженные къ нему поэты, хотя и не отказывали Петрову въ лирическомъ талантѣ, но всегда останавливались болѣе на жесткости стиховъ его, чѣмъ на изобиліи въ идеяхъ, на возвышенности чувствъ и силѣ ума его. Что же касается до меня, я желалъ бы большаго благозвучія стихамъ его, но всегда почиталъ въ немъ одного изъ первокласныхъ и *ученѣйшихъ* нашихъ поэтовъ. По моему мнѣнію лучшія изъ его произведеній двѣ оды: одна на сожженіе турецкаго флота при Чесмѣ, другая къ Графу Г. Г. Орлову, начинающаяся стихомъ:

Защитникъ строгаго, Зинонова закона....

и элегія или пѣснь на кончину Князя Потемкина. Онъ

истощилъ въ ней всѣ красоты поэзіи и ораторскаго искусства. Менѣе всего онъ успѣлъ въ сатирическомъ и шутливомъ родѣ. Въ нѣжномъ писалъ онъ мало, но съ чувствомъ. Въ примѣръ тому можно привести на память стихи его на рожденіе дочери. Они оканчиваются слѣдующимъ обращеніемъ къ его супругѣ:

О ангелъ! стражъ семьи! ты вѣчно для меня
Одна въ подсолнечной красавица, Прелеста,
Мать истинная чадъ,
Живой источникъ мнѣ отрадъ,
Всегда любовница, *всегда* моя *невѣста*.

Какое глубокомысліе, какая нѣжность, истина и простота въ послѣднемъ стихѣ!

Н. А. и Ѳ. П. Львовы, А. Н. Оленинъ и П. А. Вельяминовъ [154] составляли почти ежедневное общество Державина. Здѣсь же познакомился я съ Васильемъ Васильевичемъ Капнистомъ [155]. Онъ по нѣскольку мѣсяцевъ проживалъ въ Петербургѣ, пріѣзжавъ изъ Малороссіи, его отчизны, и веселымъ остроуміемъ, вопреки меланхолическому тону стиховъ своихъ, оживлялъ нашу бесѣду.

Но я еще болѣе находилъ удовольствія быть одному съ хозяиномъ и хозяйкою. Катерина Яковлевна, первая супруга Державина, дочь кормилицы Императора Павла и Португальца Бастидона, камердинера Петра Третьяго, съ пригожествомъ лица соединяла образованный умъ и прекрасныя качества души, такъ сказать, любивой и возвышенной. Она плѣнялась всѣмъ изящнымъ, и не могла скрывать отвращенія своего отъ всего низкаго. Каждое движеніе души обнаруживалось на миловидномъ лицѣ ея. По горячей любви своей къ супругу, она съ живѣйшимъ участіемъ принимала къ сердцу все, что ни относилось до его благосостоянія. Авторская слава его, успѣхи, не-

удовольствія по службѣ, были будто ея собственныя. Однажды она провела со мною около часа одинъ на одинъ. Кто же повѣритъ мнѣ, что я во это все время только что слушалъ, и о чемъ же? Она разсказывала мнѣ о разныхъ неудовольствіяхъ, претерпѣнныхъ мужемъ ея въ бытность его Губернаторомъ въ Тамбовской губерніи; говоря же о томъ, не однажды отирала слезы на глазахъ своихъ.

Воспитаніе ея было самое обыкновенное, какое получали тогда въ приватныхъ учебныхъ заведеніяхъ; но она по выходѣ въ замужство пристрастилась къ лучшимъ сочиненіямъ французской словесности. Въ обществѣ друзей своего супруга, она пріобрѣла вѣрный вкусъ и здравое сужденіе о красотахъ и недостаткахъ сочиненія. Отъ нихъ же, а болѣе отъ Н. А. Львова, и А. Н. Оленина, получила основательныя свѣдѣнія въ музыкѣ и архитектурѣ.

Въ примѣръ добраго ея сердца разскажу еще одинъ случай: жена, мужъ и я сидѣли въ его кабинетѣ; они между собою говорили о домашнихъ дѣлахъ, о старинѣ, дошли, наконецъ, до Казани, отчизны поэта. Катерина Яковлевна вспомнила покойную свекровь свою, начала хвалить ея добрыя качества, ея къ нимъ горячность; наконецъ стала тужить, для чего они откладывали свиданіе съ нею, когда она въ послѣднемъ письмѣ своемъ такъ убѣдительно просила ихъ пріѣхать навсегда съ нею проститься. Поэтъ вздохнулъ и сказалъ женѣ: „я все откладывалъ въ ожиданіи мѣста (губернаторскаго), думалъ, уже получа его, испросить отпускъ и съѣздить въ Казань.“ При этомъ словѣ оба стали обвинять себя въ честолюбіи, хвалить покойницу, и оба заплакали. Я съ умиленіемъ смотрѣлъ на эту добросердечную чету. Молодая супруга, пятидесятилѣтній супругъ оплакиваютъ —

одна свекровь — другой мать свою — и чрезъ нѣсколько лѣтъ по ея смерти! [156]

Державинъ любилъ вспоминать свою молодость. Вотъ что я отъ него самого слышалъ: Отецъ его помѣщикъ Уфимской провинціи, составлявшей тогда часть Казанской губерніи. Самъ же онъ, обучаясь въ Казанской гимназіи, обратилъ па себя вниманіе Директора ея Михайла Ивановича Веревкина [157] успѣхами въ рисованьѣ и черченіи плановъ, особенно же, работы его, портретомъ Императрицы Елисаветы, снятымъ простымъ перомъ съ гравированнаго эстампа. Портретъ представленъ былъ Главному Куратору Московскаго университета Ивану Ивановичу Шувалову. Державинъ взятъ былъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ другими отличными учениками, и записанъ, по именному указу, Гвардіи въ Преображенскій полкъ рядовымъ солдатомъ. Отецъ его, хотя былъ не изъ бѣдныхъ дворянъ, но по тогдашнему обыкновенію, при отпускѣ сына, не слишкомъ надѣлилъ его деньгами, почему онъ и принужденъ былъ пойти на хлѣбы къ семейному солдату: это значило имѣть съ хозяиномъ общій обѣдъ и ужинъ за условленную цѣну, и жить съ нимъ въ одной свѣтлицѣ, раздѣленной перегородкою. Человѣкъ умный и добрый всегда поладитъ съ выпавшимъ жребіемъ на его долю: солдатскія жены, видя его часто съ перомъ, или за книгою возъимѣли къ нему особенное уваженіе, и стали поручать ему писать грамотки къ отсутствующимъ роднымъ своимъ. Онъ служилъ имъ нѣсколько мѣсяцевъ безкорыстно перомъ своимъ; но нотомъ сдѣлалъ имъ предложеніе, чтобъ онѣ, за его имъ услуги, уговорили мужей своихъ отправлять въ очередь его ротную службу; стоять за него на ротномъ дворѣ въ караулѣ, ходить за провіантомъ, разгребать снѣгъ около съѣзжей или усы-

пать пескомъ учебную площадку. И жены, и мужья на то согласились.

Къ числу примѣчательныхъ случаевъ въ солдатской жизни Державина поспѣшимъ прибавить, что авторъ *Оды къ Фелицѣ* стоялъ на часахъ въ Петергофскомъ дворцѣ, въ ту самую минуту, когда Екатерина отправилась въ Петербургъ для совершенія отважнаго дѣла: получить верховную власть или погибнуть [158].

Въ то же время началъ онъ и стихотворствовать. Кто бы могъ ожидать, какой былъ первый опытъ творца *Водопада?* Переложеніе въ стихи, или лучше сказать, на риѳмы площадныхъ прибасокъ на счетъ каждаго гвардейскаго полка! Потомъ обратился онъ уже къ высшему риѳмованію и переложилъ въ стихи нѣсколько начальныхъ страницъ Телемака съ русскаго перевода; когда же узналъ правила поэзіи, принялъ въ образецъ Ломоносова. Между тѣмъ читалъ въ оригиналѣ Геллерта и Гагедорна. Кромѣ нѣмецкаго, онъ не зналъ другихъ иностранныхъ языковъ. Древніе классическіе поэты, итальянская и французская словесность извѣстны ему стали въ послѣдующіе годы по однимъ только нѣмецкимъ и русскимъ переводамъ.

Въ продолженіи Унтеръ-офицерской службы его случилось ему быть въ Москвѣ; тогда Сумароковъ, еще въ полномъ блескѣ славы своей, разсорился съ содержателемъ вольнаго театра и главною московскою актрисою Онъ жаловался на нихъ начальствующему въ столицѣ, Фельдмаршалу Графу Петру Семеновичу Салтыкову [159]. Не получа же отъ него удовлетворенія, принесъ жалобу на самого его Императрицѣ. Екатерина благоволила удостоить его отвѣтомъ, но въ рескриптѣ своемъ дала ему почувствовать, что для нее пріятнѣе *видѣть изображе-*

ніе страстей въ драмахъ его, нежели читать въ письмахъ (VII). Съ этого рескрипта пошли по рукамъ списки, всѣ толковали его не въ пользу Сумарокова. Раздраженный поэтъ излилъ горесть и желчь свою въ элегіи (VIII), въ которой осбенно замѣчателенъ былъ слѣдующій стихъ

„Екатерину зрю, проснись Елизавета!

Элегія была тогда же напечатана, несмотря на этотъ стихъ и многіе колкіе намеки на счетъ Фельдмаршала.

Вмѣстѣ съ нею выпустилъ онъ еще эпиграмму (IX) на московскихъ вѣстовщиковъ:

„На мѣсто соловьевъ кукушки здѣсь кукуютъ
И гнѣвомъ милости Діанины толкуютъ.„

Державинъ, поэтъ еще неизвѣстный, вступясь за Москвичей, сдѣлалъ на эту эпиграмму пародію и распустилъ ее по городу [160]. Онъ выставилъ подъ ней только начальныя буквы имени своего и прозванья. Сумароковъ хлопочетъ, какъ бы по нихъ добраться до сочинителя. Указываютъ ему на одного секретаря риѳмотворца: онъ скачетъ къ неповинному незнакомцу и приводитъ его въ трепетъ своимъ негодованіемъ.

Въ скоромъ времени послѣ того смѣлый Державинъ успѣлъ познакомится съ Сумароковымъ; однажды у него обѣдалъ и мысленно утѣшался тѣмъ, что хозяинъ нижѐ подозрѣвалъ, что противъ него сидитъ и пируетъ тотъ самый, который столько раздражилъ желчь его.

Въ дополненіе характеристики достойно уважаемаго нами поэта, сообщу еще одну быль, расказанную мнѣ Елизаветой Васильевной Херасковой[161], супругою творца Россіяды, нынѣ столь нагло уничижаемаго по слухамъ и эгоизму молодымъ поколѣніемъ.

Въ семьсотъ семдесятъ пятомъ году, когда дворъ находился въ Москвѣ, у Хераскова былъ обѣдъ. Между прочими гостьми находился Иванъ Перфильевичъ Елагинъ [162] извѣстный по двору и литературѣ. За столомъ разсуждали объ одахъ, вышедшихъ на случай прибытія Императрицы. Началась всѣмъ имъ оцѣнка, большею частію не въ пользу лириковъ, и всѣхъ болѣе критикована была ода *какого-то* Державина. Это были точныя слова критика. Хозяйка толкаетъ Елагина въ ногу: онъ не догадывается и продолжаетъ говорить объ одѣ. Державинъ, бывшій тогда уже Гвардіи офицеромъ [163], молчитъ на концѣ стола и весь рдѣетъ. Обѣдъ окончился. Елагинъ смутился, узнавъ свою неосторожность. Хозяева ищутъ Державина, но уже простылъ и слѣдъ его.

Проходитъ день, два, три. Державинъ противъ обыкновенія своего не показывается Херасковымъ. Между тѣмъ, какъ они тужатъ и собираются навѣстить оскорбленнаго поэта, Державинъ съ бодрымъ и веселымъ видомъ входитъ въ гостиную: обрадованные хозяева удвоили къ нему ласку свою и спрашиваютъ его, отчего такъ долго съ нимъ не видались?—„Два дня сидѣлъ дома съ закрытыми ставнями, отвѣчаетъ онъ, все горевалъ объ моей одѣ: въ первую ночь даже не смыкалъ глазъ моихъ, а сегодня рѣшился ѣхать къ Елагину, заявить себя сочинителемъ осмѣянной оды и показать ему, что и дурной лирикъ можетъ быть человѣкомъ порядочнымъ, и заслужить его вниманіе; такъ и сдѣлалъ. Елагинъ былъ растроганъ, осыпалъ меня ласками, упросилъ остаться обѣдать и я прямо оттуда къ вамъ.“

Заключу, наконецъ, двумя чертами его простодушія, которое и посреди соблазновъ, окружавшихъ вельможъ, никогда и ничѣмъ не было въ немъ заглушаемо.

Державинъ уже былъ Статсъ-Секретаремъ. Однажды входятъ въ кабинетъ его съ докладомъ, что какой-то живописецъ, изъ Русскихъ, проситъ позволенія войти къ нему. Державинъ, принявъ его за челобитчика, приказываетъ тотчасъ впустить его. Входитъ румяный и слегка подгулявшій живописецъ, начинаетъ высокопарною рѣчью извинять свою дерзость, происходящую, по словамъ его, *единственно отъ непреодолимаго желанія насладиться лицезрѣніемъ великаго мужа, знаменитаго стихотворца* и пр. Потомъ бросается цѣловать его руки. Державинъ хотѣлъ отплатить ему поцѣлуемъ въ щеку. Живописецъ повисъ къ нему на шею, и насилу выпустилъ его изъ своихъ объятій. Наконецъ онъ вышелъ изъ кабинета, утирая слезы восторга, поднимая руки къ небу и осыпая хозяина хвалами. Я примѣтилъ, что это явленіе не непріятно было для простодушнаго поэта.

Чрезъ два или три дня, живописецъ опять приходитъ, и возобновляется прежняя сцена; хозяинъ съ тѣмъ же покорствомъ выноситъ докуки гостя, который сталъ еще смѣлѣе. Черезъ день тоже. Хозяинъ уже съ печальнымъ лицемъ проситъ у пріятелей совѣта, какъ бы ему освободиться отъ возливаго своего поклонника? Послѣдовалъ единогласный приговоръ: *отказывать*.

Въ другой разъ, около того же времени, я иду съ нимъ по Невской набережной. Чей это великолѣпный домъ? спрашиваетъ меня, проходя мимо дома Принцессы Барятинской-Гольстейнъ-Бекъ [164]. — Я сказываю. — Да она въ Италіи, кто же теперь занимаетъ его? — Иванъ Петровичъ Осокинъ. — Осокинъ! подхватилъ онъ, зайдемъ, зайдемъ къ нему!... и съ этимъ словомъ, не ожидая моего согласія, поворотилъ на дворъ, и уже всходитъ на лѣстницу.

Мнѣ легко было за нимъ слѣдовать потому, что я давно былъ знакомъ съ Осокинымъ. Хозяинъ изумился, оторопѣлъ, увидя у себя новаго вельможу, съ которымъ уже нѣсколько лѣтъ нигдѣ не встрѣчался. Державинъ бросается цѣловать его, напоминаетъ ему объ ихъ молодости, объ старинномъ знакомствѣ. Хозяинъ же съ почтительнымъ молчаніемъ или съ короткими отвѣтами кланяется и подноситъ намъ кубки шампанскаго. Черезъ полчаса мы съ нимъ разстались, и вотъ развязка внезапнаго нашего посѣщенія.

Отецъ Осокина, изъ купеческаго сословія, имѣлъ суконную фабрику въ Казани: сынъ его по какимъ-то домашнимъ дѣламъ проживалъ въ Петербургѣ; по склонности своей къ чтенію книгъ на русскомъ языкѣ, онъ познакомился съ именитыми того времени словесниками: съ піитою и филологомъ Тредіаковскимъ, съ Киріакомъ Кондратовичемъ и ихъ учениками. Онъ заводилъ для нихъ пирушки, приглашая всякой разъ и земляка своего Державина, который тогда былъ Гвардіи Капраломъ. Кондратовичъ привозилъ иногда и дочь свою. Она восхищала хозяина и гостей игрою на гусляхъ и была душею бесѣды. Молодой Осокинъ (Иванъ Петровичъ) и самъ стихотворствовалъ. Я читалъ его пастушескую пѣсню, отысканную добрымъ Державинымъ въ своихъ бумагахъ.

Поэтъ, на обратномъ пути, разсказывая мнѣ объ этомъ старинномъ своемъ знакомствѣ, не позабылъ прибавить, что Осокинъ тогда помогалъ ему въ нуждахъ, и нерѣдко ссужалъ его деньгами. Почитатели Державина! я не въ силахъ былъ говорить вамъ объ его геніи: по крайней мѣрѣ въ двухъ или трехъ чертахъ показалъ его сердце.

Уже сказано мною, что въ томъ же году порадованъ

я былъ свиданіемъ съ Карамзинымъ, прибывшимъ на корабле изъ Лондона. Я познакомилъ его съ Державинымъ, который извѣстенъ ему былъ по одной *первой* одѣ его къ *Киргискайсацкой Царевнѣ* Фелицѣ. Но свиданіе наше было кратковременное; чрезъ три недѣли онъ отправился на житье въ Москву, съ намѣреніемъ выступить опять на литературное поприще, изданіемъ журнала: уступя его желанію, я ввѣрилъ ему рукописное собраніе всѣхъ моихъ бездѣлокъ, еще не напечатанныхъ, для подкрѣпленія на первый случай журнальнаго его запаса.

Съ началомъ 791 года появился журналъ Карамзина подъ именемъ *Московскаго*, и обратилъ на себя вниманіе первостепенныхъ нашихъ авторовъ [165]. Всѣ отдали справедливость новому, легкому, пріятному и живописному слогу *Писемъ Русскаго Путешественника*, *Натальи Боярской дочери* и другихъ небольшихъ повѣстей. Этотъ журналъ, сверхъ многихъ собственныхъ сочиненій издателя, помѣщалъ стихотворенія Хераскова, Державина, Нелединскаго - Мелецкаго [166], Николева [167], Ѳедора Львова и другихъ молодыхъ стихотворцевъ. Въ первыхъ трехъ частяхъ его напечатаны были и мои стихотворенія, выбранныя издателемъ безъ моего назначенія, а по собственному его произволу, изъ взятаго имъ моего бумажника. Всѣ они были едва ли не ниже посредственныхъ; но съ четвертой части начался уже новый періодъ въ моей поэзіи: пѣсня моя *Голубокъ* [168], и сказка *Модная жена* [169], пріобрѣли мнѣ нѣкоторую извѣстность въ обѣихъ столицахъ. Любители музыки сдѣлали на пѣсню мою нѣсколько голосовъ. Она полюбилась прекрасному полу; а сказка поэтамъ и молодежи. Съ той поры и въ обществѣ Державина уже я пересталъ быть авскультантомъ и вступилъ, такъ сказать, въ собратство съ его

членами; но ничье одобреніе столько не льстило моему самолюбію, какъ одинъ привѣтливый взглядъ Карамзина или Козлятева.

Въ то же время я началъ изучать басенниковъ и выдалъ, подражая болѣе Лафонтену и Флоріану, нѣсколько басенъ. Мнѣ посчастливилось также и этими опытами угодить обществу и многимъ изъ литераторовъ.

Семьсотъ девяносто четвертый годъ былъ моимъ лучшимъ піитическимъ годомъ. Я провелъ его посреди моего семейства, въ приволжскомъ городкѣ Сызранѣ, или въ странствованіи по Низовому краю. Здоровъ, независимъ, обезпеченъ во всѣхъ моихъ неприхотливыхъ нуждахъ, я не скучалъ отсутствіемъ шуиныхъ забавъ и докучливыхъ, холодныхъ посѣщеній. Для меня достаточно было одной моей семьи и двоюроднаго моего брата Платона Петровича Бекетова: [170)] съ нимъ я вмѣстѣ учился въ Казани и Симбирскѣ; вмѣстѣ служилъ въ Гвардіи и, къ счастію моему, вмѣстѣ доживаю теперь и старость.

Сызранъ выстроенъ былъ худо, но красивъ по своему мѣстоположенію. Онъ лежитъ при заливѣ Волги и раздѣляется рѣкою Крымзою, которая въ первыхъ дняхъ Мая бываетъ къ большомъ разливѣ. Каждое воскресенье, въ хорошую погоду, видѣлъ я ее изъ моихъ оконъ покрытою лодками: зажиточные купцы съ семействомъ и друзьями катались въ нихъ взадъ и впередъ, подъ веселымъ напѣвомъ бурлацкихъ пѣсенъ. На дочеряхъ и женахъ вѣяли бѣлыя кисейныя фаты или покрывала, сверкалъ жемчугъ, сіяли золотыя повязки, кокошники и парчовыя тѣлогрѣи. Прогулка ихъ оканчивалась иногда заливомъ Волги. Тамъ они бывало тянутъ тоню, и сами себѣ готовятъ на муравѣ уху изъ живой рыбы.

Это мѣсто было и моимъ любимымъ гульбищемъ. Въ

ясное утро, съ первыми лучами солнца, я переѣзжалъ на дрожкахъ — когда нѣтъ разлива — рѣку Крымзу прямо противъ монастыря и, взобравшись на высокій берегъ, хаживалъ туда и сюда, безъ всякой цѣли; но вездѣ наслаждался живописными видами, голубымъ небомъ, кроткимъ сіяніемъ солнца, внѣшнимъ и внутреннимъ спокойствіемъ. Вездѣ давалъ волю моимъ мечтамъ, начиная мою прогулку всегда съ готовою въ головѣ работою. Потомъ спускался на Воложку или къ заливу Волги. Тамъ выбиралъ изъ любаго садка лучшихъ стерлядей, и привозилъ ихъ въ ведрѣ къ семейному обѣду. Потомъ клалъ на бумагу стихи, придуманные въ моей прогулкѣ. Если самъ бывалъ ими доволенъ, то читывалъ ихъ сестрамъ моимъ, Платону Петровичу Бекетову, или Игнатью Ивановичу Соловцову, которые гащивали у насъ попеременно. Наступаетъ новое удовольствіе: переписывать стихи мои набѣло для отсылки къ Карамзину. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ отъ него отзыва! Съ какою радостію получалъ его! Съ какимъ удовольствіемъ видѣлъ стихи мои уже въ печати! Каждое письмо моего добраго друга было поощреніемъ для дальнѣйшихъ стихотворныхъ занятій. Здѣсь-то, въ роскошную пору весны, въ тонкомъ сумракѣ тихаго вечера мелькнули передо мной безмолвные призраки Ермака и двухъ шамановъ [171].

Въ продолженіи того же года я отлучался въ Царицынъ для свиданія въ послѣдній разъ съ роднымъ моимъ дядею Никитой Аѳанасьевичемъ Бекетовымъ [172]. Онъ жилъ въ селѣ своемъ *Отрадѣ* [173], въ тридцати верстахъ отъ города, а въ пятнадцати отъ Сарепты, извѣстнаго поселенія евангелическаго братства. Всю дорогу совершилъ я по величавой Волгѣ. Не могу и теперь вспомнить безъ удовольствія тѣхъ дней, которые про-

велъ я въ плывучемъ домѣ, — особенно же каждаго утра! Время было прекрасное: начало лѣта. Въ каютѣ моей помѣщались только столикъ, одинъ стулъ, кровать, а надъ нею полка съ моими книгами. По восходѣ солнца выходилъ я изъ тѣсной моей спальной на палубу съ Аріостомъ въ рукахъ (съ французскимъ переводомъ Неистоваго Роланда); за мною выносили стулъ, столикъ и ставили на немъ серебряный приборъ для кофія. — Я самъ варилъ его. Судно наше тянулось плавно, или неслось быстро на парусахъ, въ полной безопасности отъ мелей и бури. Между тѣмъ на обоихъ берегахъ непрестанно перемѣнялись для глазъ моихъ предметы; съ каждою минутою новыя сцены: то мелькали мимо насъ города, то пріосѣняли навислыя горы; индѣ дремучій лѣсъ или миловидные кустарники; здѣсь татарская мечеть, тамъ церковь или кирка среди большихъ селеній. Съ наступленіемъ вечера, я спускался въ каюту, и ожидалъ вдохновенія музы. Въ этомъ-то уголкѣ написаны: ода *Къ Волгѣ* [174] и сказка *Искатели фортуны* [175].

Другая отлучка моя изъ Сызрана была въ томъ же году въ Астрахань, уже сухимъ путемъ, но не меньше пріятнымъ. Проѣхавъ нѣсколько русскихъ и татарскихъ деревень и селъ, вступаешь въ поселенія выходцевъ европейскихъ, большею частію изъ Германіи. Они простираются на разстояніи трехъ сотъ верстъ отъ Саратова до Камышина. Чѣмъ ближе къ Астрахани, тѣмъ чаще встрѣчаются кочевья Калмыковъ. Дорога мѣстами лежитъ на нѣсколько верстъ подлѣ самой Волги, такъ что колеса почти захватываютъ воду, потомъ взбираешься на крутой берегъ. Краснаго лѣса тамъ нѣтъ: изрѣдка мелкій или кустарники; за то поля усѣяны тюльпанами. Иногда думаешь быть внѣ Россіи: ибо видишь другихъ

людей, другіе обычаи, даже другихъ животныхъ. Часто я внезапно бывалъ пораженъ протяжнымъ и продолжительнымъ скрыпомъ татарскихъ арбъ или телѣжекъ на двухъ немазанныхъ колесахъ; на нихъ отправляется виноградъ въ Москву и другія губерніи. Порою встрѣчался мнѣ вооруженный Калмыкъ, скачущій во всю прыть на борзомъ конѣ, держа на рукѣ сокола или ястреба. Тамъ, въ туманный вечеръ, въ видѣ зыблющихся холмовъ, покоился на травѣ табунъ вельблюдовъ; за нимъ открывался рядъ кибитокъ, при коихъ противъ пылающаго хвороста рѣзвились нагіе Калмычата.

Городъ Астрахань представляетъ также картину достойную любопытства. Можно прожить въ немъ недѣли двѣ не скучно. Съ противоположнаго берега онъ виденъ въ значительномъ протяженіи на высокихъ холмахъ, какъ бы увѣнчанныхъ садами виноградными. Доѣхавъ до Волги, находишь лагерь кибитокъ, и около нихъ Калмыковъ и прибывшихъ по торговымъ дѣламъ Бухарцевъ и Хивинцевъ. Всѣ они по привычкѣ живутъ внѣ города. Промышленные Татары тотчасъ предлагаютъ свои лодки для переправы чрезъ Волгу въ городъ, входишь въ нихъ вмѣстѣ съ Калмыкомъ, Армяниномъ, Индійцемъ и оглушаешься шумнымъ говоромъ на разныхъ незнаемыхъ языкахъ. Каждый попутчикъ имѣетъ особый обликъ, отличную одежду. Въ одномъ городѣ видишь разные обычаи, гостиные дворы трехъ народовъ, свободное отправленіе службы трехъ вѣроисповѣданій: христіанскаго, магометанскаго и идолопоклонническаго. Монахъ сталкивается съ факиромъ; лама пріятельски разговариваетъ съ муллою, лютеранинъ съ католикомъ.

Поэту не безполезно путешествовать — одна недѣля въ пути можетъ обогатить его запасомъ идей и картинъ

по крайней мѣрѣ на полгода. Всегда подъ открытымъ небомъ, свидѣтель великолѣпнаго восхожденія солнца, вечернихъ сценъ, озлащаемыхъ послѣдними его лучами; безмолвной величественной ночи, усѣянной звѣздами, или освѣщаемой полною и кроткою луною: онъ вдыхаетъ въ себя большее благоговѣніе къ Непостижимому. Будучи одинокъ, никѣмъ не развлеченъ, наблюдатель и нравственнаго и физическаго міра, онъ входитъ самъ въ себя, съ большею живостію принимаетъ всякое внечатлѣніе, и запасается, не думая о томъ, матеріалами для будущихъ, какъ и прежде сказалъ, своихъ произведеній. Самое надъ нимъ пространство, недосягаемое и безпредѣльное, возвышаетъ въ немъ душу и расширяетъ сферу его воображенія.

Всякой разъ, когда я ни бывалъ въ дорогѣ, въ весеннюю или лѣтнюю пору, прихаживало мнѣ на мысль, что я родился живописцемъ, а не поэтомъ, —по крайней мѣрѣ поэтомъ въ живописи: каждое замѣчательное мѣстоположеніе, всѣ живописныя сцены утра, вечера или ночи заставляли меня вздохнуть, для чего я не живописецъ, и не могу тотчасъ остановиться и перенести все видѣнное на холстъ или бумагу.

Никогда не забуду меланхолическаго, но какъ-то пріятнаго впечатлѣнія, испытаннаго мною однажды въ положеніи путника. Съ наступленіемъ вечера въѣзжаю я въ околицу большаго селенія, и нагоняю толпу поселянъ обоего пола, возвращающихса съ полевой работы. Чрезъ всю деревню я велѣлъ ѣхать шагомъ, чтобъ не разлучиться мнѣ съ ними. Долго слѣдовали они за мною и оглушали меня своими пѣснями, потомъ разсыпались въ разныя стороны; между тѣмъ я продолжаю путь мой, и веселыя пѣсни еще отзываются въ ушахъ моихъ. Дости-

гаю до конца селенія, и вижу поселянина, въ глубокой старости, сидящаго на завалинкѣ послѣдней хижины и держащаго на колѣняхъ своихъ младенца. Вѣроятно это былъ внукъ его. Старикъ глядѣлъ спокойно; послѣдніе лучи солнца падали на обнаженное темя его.

Путешествіе, младенецъ въ противоположности съ старцемъ, поющая молодость, закатъ солнца — все это представило мнѣ яркую картину жизни во всѣхъ возрастахъ и конецъ ея.

Я не однажды разсказывалъ объ этой сценѣ знакомымъ мнѣ рисовальщикамъ и живописцамъ: мнѣ хотѣлось возбудить въ нихъ желаніе составить изъ моего описанія иносказательную картину, но разсказъ мой не подѣйствовалъ на ихъ сердце.

Піитическій мой годъ уже приближался къ концу, и я по возращеніи моемъ въ Сызранъ прожилъ въ немъ только до зимняго пути. Въ продолженіи моего тамъ пребыванія, написаны были: *Гласъ Патріота* [176], *Чужой толкъ* [177], *Ермакъ* [178]; изъ сказокъ: *Воздушныя башни* [179], *Причудница* [180], и *Посланіе къ Державину* [181], по случаю кончины незабвенной его супруги, оставившей преждевременно міръ нашъ въ Апрѣлѣ того же года [182].

Гласъ Патріота былъ данью обрадованнаго сердца, по слуху о покореніи Варшавы. Я сочинилъ эти стихи предъ отъѣздомъ моимъ въ Астрахань, но еще на дорогѣ узналъ къ моей досадѣ о несправедливости слуха. Однако по привычкѣ моей сообщать всякое мое произведеніе Карамзину и Державину, отправилъ я уже изъ Астрахани къ послѣднему и *Гласъ Патріота* вмѣстѣ съ *Посланіемъ*, о которомъ сказано выше. Они доходятъ до него въ то самое время, когда получено извѣ-

стіе о разбитіи польскихъ войскъ и взятіи въ полонъ самого ихъ предводителя. Державинъ тотчасъ, перемѣня въ стихахъ моихъ имена Варшавы, Собіески на прозвище Костюшки, показываетъ мои стихи Свѣтлѣйшему Князю Зубову[183], а онъ представляетъ ихъ Императрицѣ, которая усомнилась, чтобы слухъ о такомъ важномъ событіи, могъ въ одно время дойти до двора и Низоваго нашего края. Тогда Державинъ принужденъ былъ признаться Князю въ сдѣланной имъ перемѣнѣ, при чемъ показалъ и самое мое письмо. Императрица приказала напечатать мои стихи на счетъ своего кабинета.

На возратномъ пути моемъ въ Петербургъ, узналъ я въ Москвѣ отъ Карамзина о прекращеніи Московскаго журнала[184]. Издатель его занялся печатаніемъ *Писемъ Рускаго Путешественника* и собраніемъ всѣхъ повѣстей, сказокъ и мелкихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ подъ заглавіемъ: *Мои Бездѣлки*[185]. Послѣдуя примѣру его, выдалъ и я въ 795 году въ первый разъ Собраніе моихъ стихотвореній подъ именемъ: *И Мои Бездѣлки*[186]. Это изданіе достопамятно для меня тѣмъ, что пріобрѣло мнѣ лестное знакомство съ почтеннымъ Оберъ-Камергеромъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ. Меценатъ Ломоносова еще обращалъ привѣтливый взглядъ и къ позднѣйшему поколѣнію нашихъ поэтовъ.

Съ пресѣченіемъ *Московскаго Журнала* охолодѣло во мнѣ соревнованіе. Съ того времени до изданія Карамзинымъ *Вѣстника Европы*[187] я не написалъ ничего, чѣмъ бы самъ былъ доволенъ, не исключая и *Освобожденной Москвы*[188], хотя нѣкоторые и ставили эту поэмку на счету лучшихъ моихъ стихотвореній. Она давно бродила у меня въ головѣ; но я откладывалъ приняться за нее до пріѣзда моего въ Сызранъ, въ надеждѣ насла-

диться тамъ опять пiитическою жизнiю; судьба расположила иначе: пожаръ истребилъ городъ [189], остались только слѣды нашего дома. Отецъ мой принужденъ былъ съѣхать на житье въ свою деревню, въ двадцати пяти верстахъ отъ города, и тамъ-то написаны были *Освобожденная Москва* и *Посланiе къ Карамзину*:

„Не скоро ты, мой другъ, дождешься пѣсней новыхъ и пр.

написаны въ ветхомъ и тѣсномъ домѣ, въ продолженiи жестокой болѣзни сестры моей. Пронзительный вопль ея почти каждый день, раздирая мое сердце, заставлялъ бросать перо и бѣжать изъ дома.

Послѣ того въ четыре года, вышли отъ меня только подражанiе *Посланiю Попа къ Доктору Арбутноту* [190], и посредственные стихи на случай *освобожденiя отъ податей потомства Ломоносова* [191]. Во все это время, находясь въ гражданской службѣ, я уже не имѣлъ досуга предаваться поэзiи. Притомъ же и самъ хотѣлъ на время забыть ее, чтобы сноснѣе для меня былъ запутанный, варварскiй слогъ нашихъ толстыхъ экстрактовъ и апелляцiонныхъ челобитенъ.

Наконецъ, получа отставку, я переселился въ Москву, купилъ у Профессора Лангера за пять тысячь восемь сотъ рублей деревянный домикъ съ маленькимъ садомъ, близь Красныхъ Воротъ, въ приходѣ Харитонiя въ Огородникахъ, передѣлалъ его снаружи и внутри, сколько можно было получше; украсилъ небольшимъ числомъ эстамповъ, достаточною для меня библiотекою, и возобновилъ авторскую жизнь, уже не въ городкѣ, а въ роскошной столицѣ, имѣя только три тысячи рублей постояннаго, годоваго дохода.

Съ весны до глубокой осени, въ хорошую погоду,

каждое утро и каждый вечеръ обхаживалъ я мой садикъ, занимаясь его отдѣлкою или поправкою; иногда же чтеніемъ подъ густою тѣнью двухъ старыхъ липъ, прозванныхъ *Филемономъ* и *Бавкидою* [192]. Между тѣмъ посвящалъ часа по два моему кабинету, ѣзжалъ на дрожкахъ за городъ любоваться живописными окрестностями или хаживалъ по разнымъ частямъ города.

Но не проходилъ ни одинъ день, чтобъ я не видался съ Карамзинымъ, а по зимамъ и съ Козлятевымъ. Помнится мнѣ, онъ вышелъ въ отставку на одномъ году со мною и проживалъ въ Москвѣ каждую зиму.

Кромѣ ихъ я также съ удовольствіемъ проводилъ вечера у Настасьи Ивановны Плещеевой [193]. Въ ея-то сельскомъ уединеніи развивались авторскія способности юнаго Карамзина. Она питала къ нему чувства нѣжнѣйшей матери. Нерѣдко посѣщалъ я и почтеннаго моего земляка Ивана Петровича Тургенева, тогдашняго Директора Московскаго Университета; равно и патріарха современныхъ поэтовъ, Михайла Матвѣевича Хераскова.

Можетъ быть' немногимъ извѣстно, что первые дни жизни его ознаменованы такимъ случаемъ, который могъ бы имѣть важныя для него послѣдствія: на третьемъ году отъ рожденія, онъ былъ украденъ изъ отцовскаго дома. Это случилось въ деревнѣ, въ отсутствіе родителей. Оплошная нянька взволновала весь домъ. Пошли распросы и пересказы; узнаютъ о проходившихъ чрезъ деревню Цыганахъ; нагоняютъ ихъ на большой дорогѣ, и вырываютъ младенца изъ рукъ воровки. Я пишу слышанное отъ самого поэта. Часомъ послѣ, и творецъ Россіяды вмѣсто вершинъ парнасса прожилъ и умеръ бы безвѣстнымъ въ цыганскомъ таборѣ, посреди нищеты и разврата.

По кончинѣ Сумарокова Херасковъ считался у насъ первымъ поэтомъ; но въ послѣдствіи времени Державинъ, сильнымъ и оригинальнымъ стихотворствомъ своимъ, взялъ надъ нимъ преимущество, хотя и уступалъ ему во вкусѣ, разнообразіи, правильности и чистотѣ языка. Херасковъ, не смотря на соперничество, сохранялъ съ нимъ постоянную связь, и пользовался уваженіемъ публики до конца своей жизни. Молодые поэты вмѣняли себѣ въ обязанность стараться получить доступъ къ нему и заслужить его вниманіе. Около того времени, онъ выдалъ еще двѣ небольшія поэмы: *Пилигримы*[194], и *Царь* или *Спасенный Новгородъ* [195]. За годъ же до кончины своей заключилъ литературное свое поприще сказкою, или повѣстью, *Бахаріана* [196], писанною бѣлыми стихами. Онъ и въ самую глубокую старость, едвали не восьмидесяти лѣтъ [197], всякое утро посвящалъ музамъ, въ остальные же часы, кромѣ вечеровъ, любилъ читать, по большей части на французскомъ языкѣ. Я заставалъ его почти всегда за книгою. Однажды нашелъ его читающимъ Лагарповъ *Лицей* или *Курсъ Литературы*. Первыя слова его были ко мнѣ: „Не такъ бы я писалъ мои трагедіи, если бы сорокью годами прежде прочиталъ эту книгу.“ — Надобно было видѣть разрушеніе во всѣхъ чертахъ лица и во всемъ составѣ, слышать дрожащій голосъ его, чтобы понять, какъ въ эту минуту онъ меня тронулъ!

Говоря о Херасковѣ, трудно было бы мнѣ промолчать о почтенной его супругѣ. Елизавета Васильевна, по отцѣ Неронова, умѣла плѣнить нашего поэта своею любезностію, которую она сохранила до самой смерти, и талантомъ своимъ въ поэзіи. Она въ молодости своей много писала стиховъ, изъ коихъ мнѣ извѣстна одна только поэмка, подъ заглавіемъ: *Потопъ*, напечатанная въ семи-

десятыхъ годахъ въ *Вечерахъ*, петербургскомъ журналѣ [198]. Тогда требовали болѣе плавности, чистоты въ языкѣ, нежели силы въ мысляхъ и выраженіи. По справедливоти можно назвать ее во всѣхъ отношеніяхъ достойною подругою поэта. Она облегчала его во всѣхъ заботахъ по хозяйству, была лучшимъ его совѣтникомъ по кабинетскимъ занятіямъ и душею вечернихъ бесѣдъ въ кругу ихъ друзей и знакомцевъ.

По кончинѣ супруга, она не мѣшкавъ написала духовную, избравъ Якова Ивановича Булгакова [199], Князя Николая Никитича Трубецкаго [200] и меня въ свои душеприкащики. Вскорѣ потомъ впала въ продолжительную болѣзнь и скончалась. Я съ умиленіемъ бывалъ свидѣтелемъ ея покорности и равнодушія, съ какимъ она готовилась разстаться съ міромъ. Подкрѣплю сказанное мною примѣромъ: во время ея болѣзни хаживалъ къ ней молодой человѣкъ, сынъ ея знакомца. Часто случалось имъ провожать вдвоемъ цѣлые вечера. Чѣмъ же они занимались? Задавали другъ другу риѳмы (bouts-rimés). Онъ показывалъ мнѣ однажды четверостишіе, сочиненное больною на смертномъ одрѣ, на заданныя отъ него риѳмы. Содержаніе стиховъ было размышленіе о жизни. Она уподобляла свою одной изъ заданныхъ ей риѳмъ, догающей *свѣчкѣ*.

Одиночество мое оживлялось довольно часто бесѣдою и молодыхъ писателей: Василья Львовича Пушкина [201]; Владимира Васильевича Измайлова [202] и Василья Андреевича Жуковскаго [203]. Признательность моя наименовала только тѣхъ, которыхъ постоянная пріязнь ко мнѣ и понынѣ услаждаетъ мои воспоминанія.

Кажется, будто мнѣ суждено было тогда только воспламеняться поэзіей, когда Карамзинъ издавалъ журналы

Съ появленіемъ *Вѣстника Европы* въ 1802 году [204], я обратился опять къ музамъ; но развлеченный невольно городской жизнью, хотя и не былъ раболѣпнымъ данникомъ свѣта; ослабѣвая при томъ въ здоровьѣ, я уже началъ терять живость воображенія, и занимался болѣе подражаніемъ иноземнымъ басенникамъ.

Вскорѣ за тѣмъ, я занемогъ продолжительною и важною болѣзнію. Нѣсколько недѣль былъ въ совершенномъ разслабленіи. Тянувъ томную жизнь со дня на день, считая каждый послѣднимъ, я имѣлъ одну только отраду сидѣть съ утра до вечера въ бесѣдкѣ моего садика и читать новости французской литературы. Такое занятіе было для меня полезнѣе моихъ знакомцевъ: углубясь въ чтеніе, я забывалъ тогда хотя на краткое время объ моемъ положеніи; а ихъ печальный и сомнительный видъ напоминалъ объ немъ при самомъ входѣ; притомъ же мнѣ тяжело было говорить съ ними; отъ пяти словъ занималось дыханіе.

Съ первыхъ дней болѣзни, столь быстрый переходъ отъ полноты жизни къ чрезвычайному изнеможенію ужаснулъ меня; но потомъ, мало по малу свыкаясь съ мыслію о смерти, я сталъ спокойнѣе, покорилъ себя Провидѣнію и всѣмъ сердцемъ благодарилъ его за каждый день, въ который оно допустило меня посреди цвѣтовъ и зелени еще насладиться сіяніемъ солнца и чистою лазурью неба.

Въ продолженіи осени я началъ оправляться и въ этомъ состояніи написалъ басни: *Пѣтухъ, котъ* и *мышенокъ* [205], *Царь и два пастуха* [206], *Летучія рыбы* [207], *Воспитаніе льва* [208], *Каретныя лошади* [209]. Помнится мнѣ, въ то же время вышла отъ меня стихотворная бездѣлка подъ заглавіемъ: *Путешествіе N. N. въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія.* Эти стихи раздѣлены были

на три части, каждая въ листочикъ, и напечатаны, съ согласія путешественника, только для круга короткихъ нашихъ знакомцевъ [210].

Съ наступившимъ 1803 годомъ Карамзинъ пересталъ издавать *Вѣстникъ Европы*, бывъ побужденъ къ тому новою обязанностію Исторіографа. Съ удовольствіемъ вспоминаю, что нѣкоторымъ образомъ и я имѣлъ вліяніе на его исторію, на его собственную и отечественную славу. Онъ уже давно занимался прохожденіемъ всемірной исторіи среднихъ временъ; съ прилежаніемъ читалъ всѣхъ классическихъ авторовъ, древнихъ и новыхъ; наконецъ прилѣпился къ отечественнымъ лѣтописямъ; въ то же время приступилъ и къ легкимъ опытамъ въ историческомъ родѣ. Таковыми назову: *О московскомъ мятежѣ за Морозова, въ царствованіе Алексѣя Михайловича* [211]; *Путешествіе къ Троицѣ* [212]; *О бывшей Тайной канцеляріи* [213], и пр. Между тѣмъ онъ часто говаривалъ мнѣ, что ему хотѣлось бы писать отечественную исторію; но въ положеніи частнаго человѣка не смѣетъ о томъ и думать: пришлось бы отстать отъ журнала, составляющаго значительную часть годоваго его дохода. Я совѣтовалъ ему просить званія Исторіографа; онъ считалъ это невозможнымъ, говоря, что по обычаю моему все вижу въ розовомъ цвѣтѣ. Въ продолженіи времени нѣсколько разъ возобновлялась рѣчь о томъ же, и я все говорилъ ему одно и то же: проситься въ Исторіографы. Наконецъ онъ уступилъ моимъ совѣтамъ, избравъ ходатаемъ своимъ Михаила Никитича Муравьева [214], бывшаго тогда Статсъ-Секретаремъ и Попечителемъ Московскаго Университета. Докладъ не замѣшкался, и въ концѣ того же года послѣдовалъ высочайшій указъ о наименованіи Карамзина Исторіографомъ. Въ слѣдъ за-

тѣмъ изъ отставныхъ Поручиковъ онъ пожалованъ въ чинъ Надворнаго Совѣтника, и назначено ему по двѣ тысячи рублей ежегоднаго пансіона.

Журналъ его *Вѣстникъ Европы* по всей справедливости можетъ назваться лучшимъ нашимъ журналомъ. Онъ удовлетворяетъ читателямъ обоихъ половъ, молодымъ и престарѣлымъ, степеннымъ и веселымъ. Строгій вкусъ присутствовалъ при выборѣ почти каждой статьи его. *Марѳа Посадница*, историческая повѣсть, помѣщенная во второмъ годѣ журнала [215], превзошла всѣ произведенія издателя. Въ ней открылся талантъ его уже въ полномъ блескѣ и зрѣлости. Прибавимъ къ тому, что Карамзинъ началъ писать эту повѣсть во время жестокой болѣзни своей супруги [216], посреди заботъ и душевныхъ страданій, а дописалъ въ первыхъ мѣсяцахъ ея кончины. Не доказываетъ ли это всю силу таланта и ума его?

Никто изъ журналистовъ нашихъ, старыхъ и современныхъ, не былъ богатѣе и разнообразнѣе Карамзина въ собственныхъ сочиненіяхъ. Мы видѣли въ немъ и политика, и патріота, и критика и моралиста. Онъ имѣлъ неоспоримо большое вліяніе на успѣхи нашей словесности. Въ *Письмахъ Русскаго Путешественника* онъ познакомилъ наше юношество съ нѣмецкою литературою; пріохотилъ его къ сочиненіямъ новѣйшихъ германскихъ писателей и направилъ къ прилежному изученію нѣмецкаго языка, который пришелъ было у насъ въ совершенное пренебреженіе. Онъ показалъ намъ образецъ и въ ученыхъ разборахъ сочиненій. До его критическаго разсмотрѣнія поэмы: *Душенька* [217], не было у насъ ничего порядочнаго въ этомъ родѣ.

Въ доказательство того приведемъ одинъ случай. Когда Херасковъ издалъ Россіяду [218], общество Новикова,

состоявшее большею частію изъ друзей-почитателей первенствовавшаго тогда поэта, вознамѣрилось написать разборъ его поэмы:—разумѣется, выставить ея лучшую сторону. И что же? Избранные имъ сочинители неоднократно сбирались въ домъ Новикова. Писали, чертили, переправляли и наконецъ при всемъ своемъ усердіи сознались въ своемъ безсиліи, и предоставили этотъ трудъ совершить Нѣмцу, Директору Казанской гимназіи. Юлій Ивановичъ Фонъ-Каницъ, не имѣвшій съ ними никакого сношенія, самопроизвольно сочинилъ на нѣмецкомъ языкѣ этотъ разборъ и помѣстилъ его въ Рижскомъ Журналѣ. Тогда тотчасъ поспѣлъ переводъ, и напечатанъ въ Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ, котораго издателемъ былъ г. *Брайко,* чиновникъ Иностранной Коллегіи.

Это я слышалъ отъ самаго члена общества, Ивана Петровича Тургенева.

Исторію нашей словесности можно раздѣлить на два періода. Первый, по моему мнѣнію, продолжается до послѣдняго десятилѣтія царствованія Екатерины Второй. Въ началѣ его три словесника покушались приближить (а не приблизить), книжный языкъ къ употребляемому въ обществахъ. Князь Кантеміръ [219] началъ, и съ довольнымъ успѣхомъ; Тредьяковскій хотѣлъ перещеголять его, и за недостаткомъ разборчивости, составилъ такой слогъ, которымъ смѣшилъ даже и современниковъ.

Потомъ Ломоносовъ, одаренный превосходнымъ геніемъ, очистилъ книжный языкъ отъ многихъ словъ, обветшалыхъ и непріятныхъ для слуха; подчинилъ его законамъ исправленной имъ грамматики; предложилъ въ риторикѣ своей правила для соблюденія плавнаго словотеченія; и хотя совѣтовалъ пользоваться чтеніемъ церковныхъ книгъ, но самъ началъ писать чистымъ русскимъ языкомъ, по-

нятнымъ каждому состоянію, и заслужилъ славу перваго преобразователя отечественнаго слова.

Учениками школы его были всѣ того времени писатели и переводчики Спб. Академіи Наукъ и Московскаго Университета; равно и прозаическіе писатели и переводчики. Изъ числа послѣднихъ отличались плавностію или исправностію слога Семенъ Андреевичъ Порошинъ [220], Иванъ Логиновичъ Кутузовъ [221], Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, Денисъ Ивановичъ Фонъ или Фанъ-Визинъ, и гораздо послѣ ихъ Александръ Семеновичъ Шишковъ [222], нынѣшній Президентъ Россійской Академіи и Министръ Просвѣщенія.

Въ послѣдствіи времени захотѣли сами быть начальниками школы Елагинъ и Фонъ-Визинъ. Первый обратился къ *славянчизнѣ*: перевелъ почти по славянски *Похвальное слово Марку Аврелію*, извѣстнаго французскаго оратора *Тома* [223]; другой, хотя и съ большимъ вкусомъ, полагалъ, будто въ высокомъ слогѣ надлежитъ мѣшать русскія слова съ славянскими и для благозвучія наблюдать нѣкоторый размѣръ, называемый у Французовъ *кадансированною прозою*; по этой методѣ переложилъ онъ Іосифа, прозаическую поэму г. Битобе [224], и то же самое *Похвальное слово Марку Аврелію* [225]. Послѣдователи ихъ захотѣли перещеголять своихъ учителей, и уже начали еще болѣе употреблять славянскіе рѣченія и обороты. Мы находимъ въ ихъ сочиненіяхъ: *тако мнѣ глаголющу*; *возставшу солнцу* и пр. тому подобное. Усерднѣйшіе изъ нихъ славянофилы были М. Поповъ [226], поэтъ, прозаическій авторъ и переводчикъ съ французскаго языка Тассовой поэмы, Освобожденный Іерусалимъ; Сенаторъ И. С. Захаровъ [227]; особенно же

Г. Якимовъ [228], Пахомовъ и священникъ Сидоровскій [229], о трудахъ коихъ уже сказано выше.

Въ такомъ состояніи находилась наша словесность, когда Карамзинъ, еще въ цвѣтѣ лѣтъ, возвратясь изъ Парижа и Лондона, выступилъ на авторское поприще. Обдуманная система уже предшествовала его начину: вникая въ свойство языка и въ тогдашній механизмъ нашего слога, онъ находилъ въ послѣднемъ какую-то пестроту, неопредѣлительность и вялость или запутанность, происходящія отъ раболѣпнаго подражанія синтаксису не только славянскаго, но и другихъ, древнихъ и новыхъ, европейскихъ языковъ, и по зрѣломъ размышленіи пошелъ своей дорогой и началъ писать языкомъ, подходящимъ къ разговорному образованнаго общества семидесятыхъ годовъ, когда еще родители съ дѣтьми, Русскій съ Русскимъ не стыдились говорить на природномъ своемъ языкѣ; въ составленіи частей періода употреблять возможную сжатость, и притомъ воздерживаться отъ частыхъ союзовъ и мѣстоименій: *который* и *которыхъ*, а въ добавокъ еще и *коихъ*, наконецъ наблюдать естественный порядокъ въ словорасположеніи. Объяснимъ это примѣромъ. Елагинъ, помнится мнѣ, третью книгу Россійской Исторіи начинаетъ такъ: „Неизмѣримой вѣчности въ пучину отшедшій Князя Владиміра духъ“.... Держась естественнаго порядка въ словорасположеніи, слѣдовало бы поставить: „Духъ Князя Владиміра, отшедшій въ пучину вѣчности неизмѣримой“, хотя и такимъ образомъ изложенная часть періода была бы надута и нетерпима образованнымъ вкусомъ.

Съ того времени такъ называемый высокій, полуславянскій слогъ и растянутый, вялый средняго рода, стали мало по малу выходить изъ употребленія. Нынѣ

первый раздается только съ каѳедры, а послѣдняго придерживаются еще немногіе словесники, которымъ, по укоренившейся привычкѣ или по старости лѣтъ, уже трудно писать иначе. Молодые же профессора въ изящныхъ письменахъ, студенты Московскаго Университета и лучшіе писатели приняли въ образецъ себѣ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, слогъ нашего Исторіографа. Потомство конечно признаетъ его вторымъ преобразователемъ нашего слога, и отъ него будутъ считать вторый періодъ нашей словесности.

Нѣкоторые обвиняли Карамзина въ галлицизмахъ: напротивъ того, никто болѣе его не остерегался отъ нихъ. Я имѣлъ терпѣніе нарочно сличать переводъ его статьи изъ Натуральной Исторіи Графа Бюфона, напечатанной въ *Пантеонѣ Иностранной Словесности*, подъ заглавіемъ: *Первый взглядъ человѣка на природу*, съ двумя переводами той же статьи въ *Духѣ Бюфона* и его же *Естественной Исторіи*, изданной отъ Академіи Наукъ. Въ переводѣ Карамзина не нашелъ ни одного галлицизма, а въ послѣднихъ двухъ читатель встрѣтится съ нимъ едва ли не на каждой страницѣ.

Скажу, наконецъ, что Карамзинъ же познакомилъ насъ и съ Шлецеромъ [230]. Онъ первый сталъ говорить объ критическомъ изданіи нашего Нестора; обратилъ вниманіе земляковъ своихъ на историческія изслѣдованія и на самую отечественную исторію. Онъ подалъ имъ въ руки самъ на себя орудіе; но они не умѣли владѣть имъ, и безсильная зависть оставила только слѣды желчи, не болѣе!

Чувствую, что дружба и праведное негодованіе отклонили меня отъ моего предмета; но я пишу въ то самое время, когда Карамзинъ выдалъ девять (нынѣ одиннадцать) томовъ Исторіи Государства Россійскаго [231], съ поспѣш-

ностію переведенныхъ на языки французскій, италіанскій и нѣмецкій, заслужившихъ отъ европейскихъ журналистовъ лестные отзывы. Одни говорили, что Карамзинъ заслужилъ быть на ряду съ знаменитѣйшими историками нашего времени; другіе, что исторія его исполнена глубокомысліемъ, философіей; что повсюду сверкаютъ въ ней сильныя черты краснорѣчія. Однимъ нравилось въ авторѣ благородное негодованіе на жестокость деспота (X); другимъ, его добродушіе, народливость (XI), придающая какую-то прелесть его творенію. Я пишу въ то время, когда, вопреки вышесказанному, не чужой, а нашъ согражданинъ, землякъ и нѣкогда почитатель Карамзина, при самомъ появленіи первыхъ четырехъ томовъ Исторіи, написалъ въ разныя времена и въ разныхъ формахъ нѣсколько строчекъ на счетъ одного только вступленія въ исторію; напалъ, какъ на ученика, безъ соблюденія приличнаго уваженія къ званію и авторскимъ заслугамъ Исторіографа, но не простирая далѣе своихъ подвиговъ, опустилъ утомленную свою - руку; когда примѣръ его отважилъ Арцибашева, доселѣ извѣстнаго по переводу Шлецерова введенія въ россійскую исторію, изданнаго имъ подъ названіемъ Приступа къ Русской Исторіи, уже не иронически, но грубыми укоризнами, отплатить Карамзину, своему также соотечественнику, за многолѣтніе труды его, за то, что онъ возбудилъ вниманіе къ нашей словесности въ ученомъ свѣтѣ; когда прочіе наши журналисты, кромѣ одного, ни слова за него не говорили, даже боялись принимать въ свои журналы писанное въ его защиту; когда, кромѣ Владиміра Измайлова, Князя Вяземскаго, Александра Пушкина, и Иванчина Писарева (Николая) [232] никто изъ нашихъ литераторовъ, даже и между приверженныхъ из-

давна къ Исторіографу, не возсталъ противъ его хулителей!! Заключу, наконецъ, тѣмъ, что выходки перваго, такъ называемаго, критика Исторіи Карамзина, подъ именемъ *Кіевскаго корреспондента* и *Лужницкаго старца* [232] напечатаны были въ журналѣ: *Вѣстникъ Европы* издаваемомъ Каченовскимъ [233], Профессоромъ Императорскаго Московскаго Университета, а другаго въ Казанскомъ Вѣстникѣ, состоявшемъ подъ покровительствомъ Казанскаго Университета.

Какая замѣтная черта для будущей исторіи отечественной словесности нашего времени!

Съ переходомъ Вѣстника Европы въ другія руки, я писалъ уже рѣдко и мало. Карамзинъ пересталъ на меня дѣйствовать: предавшись весь исторіи, онъ уже не принималъ участія въ поэзіи: даже охолодѣлъ къ тогдашней нашей литературѣ.

Между тѣмъ къ двумъ частямъ стихотвореній моихъ прибавилась третья и послѣдняя [234]. Она разбираема была въ Вѣстникѣ Европы 1806 года продолжателемъ сего журнала. Полное изданіе моихъ стихотвореній разбирали въ разныя времена: Петръ Ивановичъ Макаровъ въ журналѣ своемъ *Меркурій* 1803 года; Александръ Өедоровичъ Воейковъ въ Спб. журналѣ: *Цвѣтникъ* 1810 года; Владиміръ Васильевичъ Измайловъ въ *Музеумѣ* 1815 года, и наконецъ Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій *въ моей Біографіи*, помѣщенной имъ въ *послѣднемъ* собраніи моихъ стихотвореній, изданныхъ съ моего согласія Обществомъ Любителей Словесности, извѣстнаго болѣе подъ именемъ *Соревнователей* [235], подъ титуломъ: Стихотворенія И. И. Дмитріева, изданіе *шестое*, исправленное и уменьшенное самимъ *авторомъ*, 2 части 1823 года Спб. въ тип. Н. И. Греча.

Я благодаренъ всѣмъ моимъ рецензентамъ: продолжатель Вѣстника Европы (XII) взялъ на себя обязанность говорить только объ моихъ недостаткахъ, погрѣшностяхъ противъ чистоты слога, грамматики и вкуса; врачевалъ меня не только отъ авторскаго самолюбія, но даже и отъ спѣси, по его мнѣнію *сенаторской*. Надобно пояснить, что я незадолго предъ тѣмъ вступилъ въ гражданскую службу и удостоился получить званіе Сенатора. Прочіе же господа рецензенты снисходительнымъ своимъ отзывомъ поощряли меня къ дальнѣйшимъ подвигамъ; но они уже дошли до своего предѣла: авторская моя жизнь кончилась.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

На прощаньѣ скажу еще нѣсколько словъ о себѣ и объ томъ, какъ я самъ оцѣнивалъ авторскія мои способности, и въ чемъ полагаю истинное свойство и назначеніе поэта.

Я началъ писать, не знавъ еще правилъ стихотворства, съ 1777 и продолжалъ до 1810 года. Изъ этого круга времени, конечно должно исключить четырнадцать лѣтъ, въ продолженіи коихъ стихотворствовалъ я, бывши знакомъ только съ двумя стихотворцами, но и тѣмъ стыдился показывать мои *риѳмы*. Посылалъ ихъ въ журналы

отъ безъимяннаго, и, кромѣ одного поучительнаго случая, описаннаго мною въ началѣ моихъ записокъ, ни по слухамъ, ни по журналамъ, не зналъ, какъ объ стихахъ моихъ судятъ. Стихотворствовалъ при томъ нѣсколько лѣтъ посреди черствой службы, въ малыхъ чинахъ, между строями и караулами, въ обращеніи съ товарищами почти необразованными; въ уголкѣ тѣснаго, низменнаго домика, чрезъ перегородку, раздѣляющую меня съ братомъ, въ шуму входящихъ и выходящихъ; не бывъ почти никогда, нижѐ на двѣ минуты, въ совершенномъ уединеніи.

Вся моя забота была только объ томъ, чтобъ стихи мои были менѣе шероховаты, чѣмъ у многихъ. Одну только плавность стиха и богатую риѳму я считалъ красотой и совершенствомъ поэзіи. Но въ то время у насъ едва ли не также думали не только читатели, но и самые первостепенные стихотворцы. Отъ того стихи мои были вялы, безцвѣтны, безъ характера, жалкія подражанія: почему напослѣдокъ и преданы отъ меня забвенію, и не вошли въ первое изданіе *И моихъ Бездѣлокъ.*

Равномѣрно должно исключить еще восемь лѣтъ, проведенныхъ мною въ гражданской службѣ. Тогда я не только не имѣлъ досуга, но даже и боялся развлекать себя стихотворствомъ. Это была четырехлѣтняя бытность моя Оберъ-Прокуроромъ, и столько же Сенаторомъ. И такъ выходитъ, что дѣятельная піитическая жизнь моя продолжалась только одиннадцать лѣтъ.

Но упомянутыя четырнадцать лѣтъ моего риѳмованія имѣли вліяніе и на послѣдующія мои произведенія. Привыкнувъ въ молодости писать урывками, я не могъ уже и въ зрѣломъ возрастѣ высидѣть за бумагой около часа: нетерпѣливъ былъ обдумывать предпринимаемую работу. При малѣйшемъ упорствѣ риѳмы, при малѣйшемъ затруд-

неніи въ краткомъ и ясномъ изложеніи мыслей моихъ, я бросалъ перо въ ожиданіи счастливѣйшей минуты: мнѣ казалось унизительнымъ ломать голову надъ парою стиховъ и насиловать самого себя, или самую природу.

Отъ того, можетъ быть, и примѣчается, даже самимъ мною, въ стихахъ моихъ скудость въ идеяхъ, болѣе живости, украшеній, чѣмъ глубокомыслія и силы. Отъ того послѣдовало и то, что ни въ которомъ изъ лучшихъ моихъ стихотвореній нѣтъ обширныя основы.

Нынѣ трудно увѣрить, что я не домогался покровительства журналистовъ; не употреблялъ никакихъ уловокъ къ распространенію моей извѣстности; не старался изъ зависти унижать самобытный талантъ въ комъ бы то ни было и никогда много не думалъ о стихахъ моихъ. Повѣрятъ или нѣтъ, совѣсть моя спокойна. Часто приходило мнѣ даже на мысль, что я и совсѣмъ не поэтъ, а пишу только по какому-то случайному направленію, по одному навыку къ механизму. Даже и тогда, когда писалъ уже не *про себя*, я думалъ, и въ томъ убѣжденъ былъ, что кощунство, изображеніе картинъ, возмущающихъ непорочность, привѣтствія къ *Алинамъ*, безъ дара Катулла и Анакреона, даже дружескія посланія, растворенныя многословіемъ не принадлежатъ къ достоянію истиннаго поэта.

Такъ! я и теперь не перемѣнилъ моего мнѣнія: поэзія, порожденіе неба, хотя и склоняетъ взоръ свой къ землѣ, но — здѣсь она проницаетъ во глубину сердецъ; наблюдаетъ сокровенные ихъ изгибы, и живописуетъ страсти, держась всегда нравственной цѣли, воспламеняетъ къ добродѣтели, ко всему изящному и высокому, воспѣваетъ доблести обреченныхъ къ безсмертію. А тамъ — изли-

вается въ удивленіи къ міросозданію, въ трепетномъ благоговѣніи къ *Непостижимому*. Вотъ назначеніе истинной поэзіи! Вотъ почему она и называется органомъ боговъ, а вдохновенный ею поэтомъ.

Какъ бы то ни было, но я долженъ быть признателенъ къ счастливой звѣздѣ моей: едва ли кто изъ моихъ современниковъ преходилъ авторское поприще съ меньшею заботою и большею удачею.

По кончинѣ Попечителя Московскаго Университета [236], М. Н. Муравьева, Государь Императоръ Александръ Павловичъ благоволилъ назначить меня на его мѣсто; но собственное сознаніе недостатковъ моихъ внушило въ меня смѣлость просить Его Императорское Величество о возложеніи званія Попечителя на другаго, болѣе меня того достойнаго.

Императорская Россійская Академія, задолго предъ тѣмъ (въ царствованіе Императора Павла), подъ предсѣдательствомъ Павла Петровича Бакунина, почтила меня избраніемъ въ свои Дѣйствительные члены, не ожидая, какъ по уставу положено, собственнаго моего о томъ ходатайства. А при нынѣшнемъ Предсѣдателѣ, Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ, я удостоился получить отъ нея большую золотую медаль съ надписью: *Россійскому языку пользу принесшему*. Императорскіе университеты, прежде Московскій, а потомъ Харьковскій и Казанскій, приняли меня въ Почетные члены. Этой же честію почтенъ отъ учрежденнаго при Спб. Духовной Академіи Совѣта или Конференціи для поощренія и распространенія духовной учености; равно и отъ другихъ ученыхъ или благонамѣренныхъ обществъ въ Имперіи.

Воспоминанія о гражданской службѣ моей будутъ содержаніемъ второй и третьей части моихъ записокъ, но

я начну слѣдующую описаніемъ такого случая, который ознакомилъ меня болѣе, нежели что другое, съ самимъ собою; имѣлъ, можетъ быть, вліяніе на мою нравственность и на всѣ послѣдовавшія со мною значительныя событія, а потому и можетъ назваться въ жизни моей эпохою.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Москва.
1824 г.
Января 10 дня.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

---

1. *Приключенія Маркиза Г*** или Жизнь благороднаго человѣка* (Mémoires de l'homme de qualité) въ шести частяхъ. Лѣтъ за тридцать предъ симъ, наименовавъ этотъ романъ, я не почелъ бы нужнымъ ничего къ тому прибавить: ибо тогда всѣ наши словесники и образованные читатели знали, что сочинитель его Аббатъ *Прево д'Экзиль* признаваемъ былъ за одного изъ лучшихъ романистовъ во Франціи; что первыя четыре части переведены были И. П. Елагинымъ, и переводъ его по слогу долго считался образцовымъ, а послѣднія четыре секретаремъ его В. И. Лукинымъ; но въ недавнемъ времени, въ двухъ нашихъ журналахъ 1825 года, именно въ *Литературныхъ Листкахъ* и въ *Телеграфѣ*, романъ сей переименованъ Маркизомъ *Глаголемъ*, и выставленъ наравнѣ съ Принцемъ *Георгомъ* или *Геріономъ*, извѣстною съ давнихъ временъ площадною сказкою. Въ первомъ даже сказано, что нынѣ читаютъ его только лакеи. Чтобъ вывесть изъ заблужденія тѣхъ, которые такъ объ немъ отзывались, и примирить съ нимъ читателей упомянутыхъ журналовъ, не знавшихъ сего романа ни въ подлинникѣ, ни въ переводѣ, я выписываю здѣсь нѣсколько словъ изъ мнѣнія объ немъ и его авторѣ двухъ извѣстныхъ во французской словесности писателей. Аббатъ *Сабатье де Кастръ* въ книгѣ своей Les trois siècles de la litterature française (*три вѣка французской словесности.*) говоритъ, что „Романы *Прево д'Экзиля* несравненно превосходнѣе тѣхъ нелѣпыхъ, приторныхъ и соблазни-

тельныхъ произведенiй, которыя исказили нашу (французскую) словесность, считая отъ *Амадиса Галльскаго* до Анголы, и пр." Далѣе: что „*Записки благороднаго человѣка*, *Исторiя Клевеланда* и *Настоятель Киллеринскiй* будутъ всегда почитаться произведенiемъ чудеснаго воображенiя по разнообразiю картинъ, по ихъ противоположности, по пламенному изображенiю страстей, и по впечатлѣнiю, которое оно производитъ въ читателяхъ." Съ такимъ же уваженiемъ отзывается объ авторѣ вышеупомянутаго романа и Палисо въ своихъ *Запискахъ, пригодныхъ для исторiи французской словесности* (Mémoires pour servir à l'histoire de notre littérature). Разсуждая вообще объ романахъ, онъ говоритъ: „въ сихъ сочиненiяхъ, какъ и въ театральныхъ, порокъ долженъ быть всегда наказанъ, а добродѣтель всегда награждена. Въ семъ то родѣ особенно отличился Аббатъ Прево д'Экзиль, котораго, кажется, никто не превзошелъ, кромѣ знаменитаго Ричардсона [237]."

II. Ни одно сочиненiе не заслужило у насъ такого отличiя, какъ политическiй и нравственный романъ г. Мармонтеля. Въ 1769 году вышло два перевода его. Одинъ напечатанъ въ С. Петербургѣ, подъ заглавiемъ *Велисарiй*, безъ имени переводчика; а другой въ Москвѣ подъ названiемъ *Велизера*. Послѣднiй совершенъ самою Императрицею Екатериною Второю съ ея вельможами и царедворцами, въ продолженiи пути ея по Волгѣ, изъ Твери до Казани. Императрица перевела только девятую главу; прочiя же переведены Графомъ А. П. Шуваловымъ, И. П. Елагинымъ, Графомъ З. Г. Чернышевымъ, С. М. Кузьминымъ, Графами Г. Г. и В. Г. Орловыми, Д. В. Волковымъ, А. В. Нарышкинымъ, Княземъ С. Б. Мещерскимъ и Г. В. Козицкимъ. Замѣтимъ, что вся девятая глава дышетъ либерализмомъ, ненавистью къ ласкателямъ и самовластiю [238].

III. Съ давнихъ лѣтъ и понынѣ переходитъ отъ одного къ другому преданiе, будто Императрица Анна видѣла тѣнь свою на тронѣ. Вотъ какъ многiе о томъ разсказываютъ: въ глубокую ночь, когда уже во всемъ дворцѣ, на внутреннихъ только притинахъ, свѣтились ночники, два кавалергарда, стоявшiе на часахъ у дверей тронной комнаты, вдругъ видятъ Императрицу, ходящую тихимъ шагомъ взадъ и впередъ мимо трона. Они посылаютъ подчаска донести о томъ своему капралу и караульному Гвардiи Капитану. Оба они приходятъ къ часовымъ, и увѣряются въ сказанномъ

собственными глазами. Капитанъ доноситъ о томъ дежурному Генералъ-Адьютанту, Принцу Бирону, любимцу Императрицы. Тотъ не хочетъ вѣрить, говоря, что онъ лишь только вышелъ отъ государыни, и она уже въ постели. Однакоже будто онъ пошелъ самъ на притинъ съ Капитаномъ, и видитъ тоже явленіе. Онъ побѣжалъ во внутренніе покои Императрицы, приказываетъ разбудить ее подъ предлогомъ важной необходимости. Государыня, выслушавъ его, подозрѣваетъ быть заговору, и что тѣнь ея не другое что, какъ Цесаревна Елисавета Петровна; приказываетъ Капитану поспѣшно привести взводъ гренадеръ съ заряженными ружьями, и потомъ идетъ въ тронную комнату, сопровождаемая Бирономъ, караульнымъ Капитаномъ и гренадерскимъ взводомъ. Дойдя до кавалергардскихъ часовыхъ, она поражена тѣмъ же видѣніемъ. Это не удерживаетъ ее ступить шагъ впередъ. Кто ты? спрашиваетъ она призракъ. Тотъ молча идетъ и садится на тронъ. Императрица спрашиваетъ въ другой и третій разъ: нѣтъ отвѣта. Она, возвыся голосъ, приказываетъ стрѣлять. — И вмигъ призракъ изчезъ. Прибавляютъ еще, будто Государыня, затрепетавъ, сказала Бирону: „это вѣстникъ моей смерти", и что на другой же день слегла въ постелю, и вскорѣ потомъ скончалась. Эта сказка вѣроятно выдумана была около двора и разглашена недовольными правленіемъ Императрицы [239].

VI. Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, за отличные подвиги его въ продолженіи Пугачовскаго бунта, награжденъ былъ Екатериной чиномъ Полковника: потомъ ею же пожалованъ Маіоромъ въ Конную Гвардію, а въ началѣ царствованія Александра онъ уже былъ полнымъ Генераломъ и предводительствовалъ арміей противъ Турокъ.

V. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, полный Генералъ, Сенаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ. Онъ отличался искусствомъ и храбростію на поприщѣ воинскомъ, а образованнымъ умомъ, правотою и твердостію характера въ Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ. Въ семидесятыхъ годахъ онъ начальствовалъ надъ Второю арміей въ продолженіи войны съ Оттоманской Имперіей, взялъ штурмомъ крѣпость *Бендеры*, почитавшуюся дотолѣ неприступною; вскорѣ послѣ того вышелъ въ отставку, но недолго покоился на своихъ лаврахъ: по случаю Пугачовскаго опустошенія въ Низовыхъ губерніяхъ поручено ему было начальство надъ войсками. Графъ Панинъ, имѣвшій правою рукой своей безсмертнаго Суворова, пре-

кратилъ мятежъ, овладѣвъ самимъ виновникомъ онаго, возвратился къ приватной жизни, и дожилъ вѣкъ свой въ Москвѣ.

VI. Лѣтъ за сорокъ предъ симъ думали возвышенный слогъ украшать славянчизною, а нынѣ молодые писатели въ стихахъ и прозѣ, за исключеніемъ достойныхъ почитателей Карамзина, признаютъ уже устарѣлымъ и его слогъ правильный, ясный, обдуманный и благозвучный. Они всѣхъ предшественниковъ своихъ въ отечественной литературѣ называютъ учениками французской школы, вялыми подражателями. *Требованія вѣка, духъ времени, народность* — вотъ пышныя и громкія слова, непрестанно ими произносимыя! По ихъ мнѣнію, классицизмъ осьмнадцатаго столѣтія — смѣшное школьничество; Рассиновы Греки — распудренные маркизы, ихъ выраженія чувствъ — *безцвѣтныя, безжизненныя* фразы; Лагарповъ Лицей — пустословіе, *Лагарповщина*. Нынѣ, говорятъ они, уже все не по старому — Буало и Вольтеръ уже не въ прежнемъ ходу во Франціи; остроумнаго Попа уже не признаютъ первокласснымъ поэтомъ въ Англіи; да и самый нашъ Карамзинъ уже для насъ не *выскочка*. Нынѣ удивляются только самородному, самостоятельному, геніальному. Но я, признаюсь ничего подобнаго не замѣчаю въ новѣйшихъ нашихъ авторахъ. Геніальность и народность не въ томъ состоитъ, чтобъ *созданіями* своими, какъ они называютъ собственныя нелѣпости, силиться потрясать наши нервы, возбуждать страхъ, ужасъ и отвращеніе, хотя они и того не производятъ, и щеголять языкомъ простонароднымъ или *хватскимъ*, употребительнымъ на бивакахъ.

Выпишемъ здѣсь для примѣра нѣсколько нововведенныхъ словъ, съ переводомъ оныхъ на языкъ Ломоносова, Шишкова и Карамзина, и еще двѣ, три фразы въ послѣднемъ, новѣйшемъ вкусѣ.

По новому:		*По старому:*
Нисколько		Нимало
Маленькіе *народцы*.	(Телеграфъ)	Малочисленные народы, или для краткости, хотя и не говорится, народики.
Проблескиваетъ	(тамъ же)	Просвѣчиваетъ.
Сумѣть	(тамъ же)	Умѣть, сладить.

По новому:	*По старому:*
Колея привычки (тамъ же)	Это слово чаще другихъ употребляемо было ямщиками; значитъ же: прорѣзъ отъ колесъ по густой грязи.
Палачъ --война	Губительная, опустошительная война.
Пока*мѣстъ*	Доколѣ, пока.
Словно	Какъ бы, подобно.
Поэтичнѣе (Телеграфъ)	Стихотворнѣе, живописнѣе.
Требовательный слогъ (тамъ же)	Хвастливый, затѣйливый.
Вдохновлять генія (тамъ же)	Вдыхать, одушевлять.
Вдохновленъ страстями	Воспламененъ.
Узенькая ножка	Тоненькая.
Исполинская шагучесть. (тамъ же)	Шагъ или ходъ.
Безграничный (тамъ же)	Неограниченный, безпредѣльный.
Славъ (тамъ же)	Слава и роскошь. Эти два существительныя доселѣ во множественномъ числѣ не употреблялись.
Огромныя надежды, *огромный* геній. (тамъ же)	Это прилагательное прикладывалось только къ чему либо матеріальному: *огромный* домъ, *огромное* зданіе.
Отвѣтить.	Отвѣчать. Такъ говаривали прежде только крестьяне и крестьянки въ Каширѣ и другихъ верховыхъ городахъ.
Этихъ.	Сихъ, оныхъ.
Пѣхотинецъ (Телеграфъ)	Пѣшій, сухопутный солдатъ, ратникъ.
Конникъ (тамъ же)	Конный всадникъ. Нынѣшніе авторы, любя *подслушивать*, оба свои названія переняли у рекрутовъ.

Прибавимъ еще и цѣлыя фразы:

„Кажется, юнымъ взорамъ новаго Ахиллеса представили мечъ, *но Петръ и болѣе сего.*“ Телеграфъ.

„Великое сердце его безъ эгоизма въ самой *эгоистической изъ страстей.* Тамъ же.

„Шуази съ жаромъ говоритъ что-то. Вдругъ протянулъ онъ руку, и *съ радостнымъ крикомъ правыя руки всѣхъ* ударились въ его руку.“ Николай Полевой, въ повѣсти *Краковскій замокъ*, напечатанной въ альманахѣ *Радуга.*

Довольно. Мнѣ пришлось сказать къ слову. Пространнѣе же пусть посудитъ о томъ И. Россійская Академія. [240)]

VII. Вотъ отвѣтъ Екатерины Второй на жалобу г. Сумарокова. Сожалѣю, что затеряна мною копія съ самаго подлинника, памятная мнѣ съ юношескихъ лѣтъ моихъ. Здѣсь же помѣщается переводъ изъ Записокъ г. Гримма, напечатанный въ 49 части Сына Отечества 1818 года, кромѣ первыхъ четырехъ строкъ, которыя сохранились у меня въ памяти изъ самаго подлинника. Бельмонти былъ содержатель вольнаго Московскаго Театра.

„Александръ Петровичъ! Письмо ваше отъ 25 Января (1770 или 71 г.) удивило меня, а отъ 1-го Февраля еще болѣе. Оба, понимаю я, заключаютъ въ себѣ жалобу на Бельмонтія, который виноватъ только въ томъ, что исполнилъ приказаніе графа Салтыкова. Фельдмаршалъ желалъ видѣть представленіе вашей трагедіи: это дѣлаетъ вамъ честь. Вамъ должно бы соглашаться съ желаніями особы по мѣсту своему *первой* въ Москвѣ; но если разсудилось и приказать, чтобы трагедія ваша была представлена, то должно было безъ противленія исполнить ея волю. — Я думаю, что вы лучше другихъ знаете, какого почтенія достойны люди, служившіе со славою и украшенные сѣдиною, а потому совѣтую вамъ впредь избѣгать подобныхъ ссоръ. Такимъ образомъ сохраните вы спокойствіе духа нужное вамъ для вашихъ трудовъ, а мнѣ всегда пріятнѣе будетъ видѣть изображеніе страстей въ вашихъ драмахъ, нежели читать ихъ въ вашихъ письмахъ. Впрочемъ остаюсь вамъ доброжелательная

Екатерина.“

VIII. *Выписка изъ Элегіи г. Сумарокова.*

Всѣ мѣры превзошла теперь моя досада:
Ступайте фуріи, ступайте всѣ изъ ада,
Грызите жадно грудь, сосите кровь мою!
Въ сей часъ, въ который я терзаюсь, вопію,
Въ сей часъ среди Москвы *Синава* представляютъ,
И вотъ какъ автора достойно прославляютъ:
Играйте, говорятъ, во мзду его уму,
Играйте пакостно за трудъ на зло ему.
Сбираются ругать меня враги и други;
Сіе ли за мои, Россія, мнѣ услуги!
Отъ странъ чужихъ во мзду имѣю не сіе:
Слезами я кроплю, Вольтеръ, письмо твое.
Лишенный музъ, лишуся я и свѣта;
Екатерину зрю, . . проснись Елисавета!
. . . . , .
. . . .
Отъ гроба зритъ одна, другая зритъ отъ трона...
О Боже! видишь Ты, колика скорбь моя!
. . . .
Подвигни къ жалости ты мысль Императрицы,
Избави ею днесь *отъ варварскихъ мя рукъ,*
И отъ гонителя художествъ и наукъ:
Невѣжествомъ они и грубостію полны и пр.

Эта элегія помѣщена въ собраніи сочиненій г. Сумарокова, изданныхъ г. Новиковымъ.

IX. *Его же двѣ эпиграмы:*

1.

На мѣсто соловьевъ кукушки здѣсь кукуютъ,
И гнѣвомъ милости Діанины толкуютъ.
Хотя разносится кукушечья молва:
Кукушкамъ ли понять богинины слова?

2.

Въ дубровѣ сей поютъ безмозглыя кукушки,

Которыхъ пѣсни всѣ не стоютъ ни полушки;
Одна лишь закричитъ кукушка на суку:
Другія всѣ за ней кричатъ: куку, куку.

X. . . . Du reste cette interprétation inexacte de quelques usages ou de quelques faits particuliers n'empêche pas que l'ouvrage de M-r Karamsin ne soit généralement très digne d'estime pour *les idées philosophiques* que l'auteur y a répandues, et ne mérite sous ce rapport un rang distingué parmi les productions historiques des tems modernes. Les bons juges y admirent surtout le parti habile que l'écrivain a su tirer d'une immense érudition, de manière a présenter une foule de détails infiniment curieux sans nuiré à la clarté, a l'ordre et à la rapidité de ses récits. — Le Courier. 1810. N° 107.

L'Etendue, le stile et la couleur de cet ouvrage qui manquait à notre littérature, lui méritent une place distinguée parmi les monumens historiques. — L'Impartial. 1820. N° 2.

. . . . . . L'important ouvrage, dont les quatre premiers volumes font l'objet de cet article, *a placé son auteur au rang des plus célébres historiens*..... L'Histoire de Russie a obtenu le succès que lui promettaient un plan vaste et sagement conçu, un heureux enchainement des faits et des événemens, un stile élevé, rapide, éloquent; l'amour de la patrie respire dans chaque page de cette Histoire, où domine encore une sage philosophie, jointe à un profond respect pour les droits des nations. Elle devait plaire aux Russes; elle obtiendra les suffrages de la posterité. — Le Constitutionnel. 1820. N 8.

XI. Ses réflexions (Карамзина) toujours judicieuses sont dictées par une saine philosophie et l'impartialité, son stile est grave, soutenu, et respire je ne sais quel air de bonne fois, *de nationatité*, si on peut s'exprimer ainsi, qui montre dans l'historien l'honnête homme avant le savant. — Le Moniteur.

Le 9-me volume contient la période la plus importante et la plus digne d'interêt de l'histoire de Russie. Ce n'est qu'une longue série de cruautés qu'on chercherait en vain dans d'autres annales, et que l'auteur a décrites *avec une généreuse indignation.* — Bulletin des sciences historiques &. 1824.

Вотъ какъ отзывались о Карамзинѣ и его Исторіи журналисты французскіе! Читатель уже видѣлъ, какъ дѣйствовали наши. Прибавлю только, что одинъ изъ нихъ, именно г. Воейковъ, издатель *Инвалида* и *Новостей Литтературы* даже отказалъ мнѣ принять въ свои журналы возраженіе г. П... противъ критики Арцибашева на нѣкоторыя мѣста Исторіи Г. Р., напечатанной въ *Казанскомъ Вѣстникѣ.* Онъ подалъ мнѣ случай быть благодарнымъ издателю *Отечественныхъ Записокъ* (Павлу Петровичу Свиньину), который не испугался то же возраженіе принять и напечатать. Кромѣ его журнала и Телеграфа * всѣ прочія того времени періодическія изданія охотно и невозбранно печатали только хулу и оскорбительныя насмѣшки на счетъ Исторіографа, или очищали себя нѣмымъ и холоднымъ неутралитетомъ. Со временемъ выйдетъ и у насъ исторія нашей словесности: пускай же авторъ ея знаетъ, что въ это время Министромъ Просвѣщенія былъ Князь А. Н. Голицынъ [241], Попечителемъ въ Московскомъ Университетѣ Князь Оболенскій, [242] а въ Казанскомъ Магницкій; [243] Ректорами въ первомъ: Прокоповичь-Антонскій, [244] а во второмъ Никольскій; издателемъ же Казанскаго Вѣстника Владимірскій.

XII. Г. Каченовскій, критикуя въ моей баснѣ: *Лиса Проповѣдница*, слѣдующій стихъ: *Она перемѣнила струны*, говоритъ: „перемѣнить тонъ употребляется въ общемъ разговорѣ и значитъ перемѣнить содержаніе, иногда—перемѣнить голосъ, наружный видъ, обхожденіе. Такъ, напримѣръ, человѣкъ малаго чина, разсказывая *о Министрѣ, или Сенаторѣ, который прежде обходился съ*

---

* Какъ мало можно полагаться нынѣ и на судъ журналистовъ! По кончинѣ Карамзина тотъ же издатель Телеграфа сдѣлался злымъ критикомъ его Исторіи, а Воейковъ уже помѣщалъ возраженія на критику Полеваго.

Пр. 1832 года.

нимъ пріятельски, *вздумалъ бы заговорить повелительно и громко*, можетъ сказать: *онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ*, и это будетъ понятно для каждаго; но *перемѣнить* струны употребляется не иначе, какъ только въ собственномъ знаменованіи, то есть значитъ: снять однѣ струны, и навязать или нацѣпить другія.“ Смотри Вѣстникъ Европы на 1806 годъ, часть двадцать шестая, мѣсяцъ Апрѣль, N 8, стр. 290.

Конецъ первой части.

Примѣчанія дополнены и переписаны въ 1832 году,

Іюня двадцать осьмаго дня.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

I.

Отношеніе Императорской Россійской Академіи Непремѣннаго Секретаря Ивана Ивановича Лепехина.

Милостивый Государь мой

Иванъ Ивановичъ!

Императорская Россійская Академія, отдавая должную справедливость трудамъ вашимъ и знанію отечественнаго языка нашего, по предложенію управляющаго оною Павла Петровича Бакунина, г. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, и по общему согласію всѣхъ присутствовавшихъ господъ Академіи членовъ, въ собраніе, бывшее сего 18 дня, избрала васъ своимъ сочленомъ и возложила на меня, извѣстя васъ о семъ избраніи, пригласить къ будущему Академіи собранію, яко Дѣйствительнаго члена, о чемъ особливою запискою буду имѣть честь васъ увѣдомить. Принеся усердное мое съ симъ избраніемъ поздравленіе, съ должнымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего Высокоблагородія,

Милостиваго Государя моего,

покорнѣйшій слуга

Иванъ Лепехинъ,

Императорской Россійской Академіи Членъ и Непремѣнный Секретарь.

1797.

II.

Отношеніе бывшаго Министра Просвѣщенія Графа Заводовскаго.

Милостивый Государь мой

Иванъ Ивановичъ!

Исполняя Высочайшую волю Государя Императора, чтобы предложить Вашему Превосходительству, не согласитесь ли Вы принять въ попеченіе Ваше какъ Московскій Университетъ, такъ и всѣ училища подвѣдомаго ему округа, я прошу васъ, милостивый государь мой, почтить меня увѣдомленіемъ о вашемъ тна о расположеніи, для донесенія Его Императорскому Величеству.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства

покорнымъ слугою

Г. Петръ Заводовскій.

С. Петербургъ,
Сентября 10 дня
1807.

Его Пр—ву И. И. Дмитріеву.

III.

Дипломъ отъ Общества Любителей Россійской Словесности, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Подъ Высочайшимъ Покровительствомъ

Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго, Великаго Государя

Александра Перваго

Императора и Самодержца Всероссійскаго

и прочая, и прочая, и прочая.

Общество Любителей Россійской Словесности, учрежденное при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, уваживъ въ особѣ Его Превосходительства, г. Тайнаго Совѣтника, Сенатора, Члена Государственнаго Совѣта, Министра Юстиціи и кавалера Ивана Ивановича Дмитріева сколько достохвальную любовь къ учености и къ отечественному языку, столько и благодѣтельное покровительство трудящимся въ россійской словесности, признаетъ Его Превосходительство Почетнымъ членомъ.

Предсѣдатель, Статскій Совѣтникъ, Профессоръ и кавалеръ Антонъ Прокоповичъ-Антонскій.

Дѣйствительный Членъ и Секретарь, Ординарный Профессоръ Михаилъ Каченовскій.

Маія 4 дня
1812.

IV.

Дипломъ отъ Совѣта, учрежденнаго при С. Петербургской Духовной Академіи.

Sub auspicatissimo regimine
Augustissimi ac Potentissimi Imperatoris
Alexandri Primi
totius Russiae Autocratoris
Petropolitanae Ecclesiasticae Academiae Conventus
pro potestate sibi concessa
Virum Excellentissimum
Iohannem Iohannewitsch a Dmitriew,

ob insignia in humaniores litteras ac scientias, maxime in doctrinam, quae est secundum pietatem, eiusque in praxin perficiendam et amplificandam merita

Socium suum Honorarium,

Solenni hoc Diplomate declarat, honoremque ei ac privillegia concesse, decrevisse ac contulisse publice testatur.

A. D. MDCCCXIV. 13 die Augusti.

V.

Отношеніе Духовной Академіи Ректора, Архимандрита Филарета (нынѣ Архіепископа Московскаго).

Превосходительный Господинъ,

Милостивый Государь!

Уже извѣстно Вашему Превосходительству, что, при образованіи въ С Петербургской Духовной Академіи Ученаго Совѣта или Конференціи для поощренія и распространенія духовной учености, высшее начальство духовныхъ училищъ избрало васъ Почетнымъ членомъ онаго сословія. Въ слѣдствіе чего академическій дипломъ на сіе званіе при семъ имѣю честь представить, съ приложеніемъ печатнаго акта Конференціи Академической.

Вмѣстѣ съ признательностію сословія, которому Ваше Превосходительство не возбранили украситься Вашимъ именемъ, примите и отъ исполняющаго порученіе онаго глубокое почитаніе и совершенную преданность, съ которыми имѣю честь пребыть

Вашего Превосходительства,

Милостиваго Государя,

покорнѣйшій слуга

А. Ректоръ, Архимандритъ Филаретъ.

23 Ноября 1814.

Его Пр—ву Тайному Совѣтнику и Кавалеру Ив. Ив. Дмитріеву.

VI.

Дипломъ отъ Общества Физико-Медицинскаго.

Auspiciis

Augustissimi et Potentissimi Imperatoris ac Domini

Domini

Alexandri Primi,

totius Russiae Autocratoris

Litterarum Bonarumque Artium

Statoris et Protectoris munificentissimi.

Societas Phisico-Medica, apud Universitatem Caesaream Mosquensem instituta, consortio eruditorum, doctrinae, industriae et ingenii praestantia celebrium, et conjunctione virorum nominis splendore meritorumque amplitudine excellentium sę ipsam illustrare, sibique studiorum auxilia et adjumenta parare studens, Virum illustrissimum et excellentissimum, Iohannem Iohannidem a Dmitriew Consil. intim. Ord. St. Alexandri et S. Annae equitem, in conventu die 6 Nov. anni 1815 habito, in ordinem collegarum honorariorum cooptavit: eumque talem diplomate hoc rite et solemniter declarat, certe sperans fore, ut vir illustrissimus pro insigni suo in litterarum disciplinas amore et studio, societatem nunquam non patrocinio et favore suo adjuvet et ornet. Datum die 13 Dec. anni 1816.

Praeses Societatis Phisico-Medicae Mosquensis
Guilielmus Richter.

Secretarius ab epistolis latinis
F. F. Reuss.

VII.

Дипломъ отъ Общества Любителей Коммерческихъ знаній.

Любовь къ полезному.

Общество Любителей Коммерческихъ знаній, въ уваженіе отличныхъ заслугъ къ отечеству и усердію къ общему благу, признало Почетнымъ своимъ членомъ Его Превосходительство господина **Тайнаго Совѣтника и орденовъ Св Александра Невскаго и Св. Анны перваго класса кавалера, Ивана Ивановича Дмитріева, въ**

полной надеждѣ, что онъ потщится содѣйствовать цѣли Общества, средствами отъ него зависящими.

Президентъ Общества Графъ Тормасовъ.
Директоръ Общества Петръ Дружининъ.
Секретарь Общества Алексѣй Померанцевъ.

Москва,
1817
Марта 12 дня.

VIII.

От Дѣйствительныхъ Членовъ Библіотеки при Гвардейскомъ Штабѣ.

Дѣйствительные Члены Библіотеки, съ Высочайшаго одобренія Государя Императора при Гвардейскомъ Штабѣ открывшейся, непремѣнною обязанностію поставляютъ покорнѣйше просить Ваше Превосходительство почтить означенную Библіотеку принятіемъ на себя званія Почетнаго оныя Члена.

Начальникъ Штаба Сипягинъ.

Старшій Библіотекарь Гвардіи Капитанъ и Кавалеръ
Ѳедоръ Глинка.

Его Пр—ву И. И. Дмитріеву.
N 33.
22 Іюня 1817.
С. Петербургъ.

IX.

Отношеніе Начальника Гвардейскаго Штаба, Генералъ-Адъютанта Сипягина.

Милостивый Государь
Иванъ Ивановичъ!

Члены Военнаго Общесва, подъ Высочайшимъ покровительствомъ при главномъ Гвардейскомъ Штабѣ утвержденнаго, вмѣняя

себѣ за честь войти въ ближайшее сношеніе съ отличными по дарованіямъ и заслугамъ соотечественниками нашими, единогласно, по предложенію моему, положили просить чрезъ меня Ваше Превосходительство удостоить ихъ принятіемъ званія *Почетнаго члена* Общества нашего. Надѣясь, что Ваше Превосходительство не отвергните усерднаго предложенія нашего, я спѣшу препроводить у сего и дипломъ.

Удовлетворяя при семъ желанію Общества и собственному моему, я съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть

Вашего Превосходительства

Покорнѣйшій слуга

Николай Сипягинъ.

С. Петербургъ,
23 Іюня 1817.

X.

Дипломъ отъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.
Лѣта вѣчная помянухъ.

Подъ Высочайшимъ покровительствомъ

Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго. Великаго Государя

Александра Перваго,

Императора и Самодержца Всероссійскаго,

и пр. и пр.. и пр.

Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежденное при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, уваживъ отличную любовь и ревность къ отечественной исторіи, признаетъ чрезъ сіе Его Превосходительство, Г. Тайнаго Совѣтника и разныхъ орденовъ кавалера Ивана Ивановича Дмитріева своимъ Почетнымъ Членомъ, въ совершенномъ удостовѣреніи, что онъ будетъ содѣйствовать сему сословію всѣмъ, что токмо успѣхамъ онаго способствовать можетъ. Данъ въ Москвѣ, 1817 года, Сентября 22 дня.

Предсѣдатель Общества Майоръ и кавалеръ Бекетовъ.
Секретарь Общества Профессоръ и кавалеръ Двигубскій.

XI.

Дипломъ отъ Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета.

Подъ Высочайшимъ покровительствомъ

Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго, Великаго Государя

Александра Перваго,

Императора и Самодержца Всероссійскаго,

Совѣтъ Императорскаго Казанскаго Университета,
достодолжно почитая Его Превосходительство

Господина Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Императорской Россійской Академіи Члена, Почетнаго Члена многихъ ученыхъ Обществъ, орденовъ Святаго Александра Невскаго и Святыя Анны перваго класса кавалера

Ивана Ивановича Дмитріева,

коего творенія украсили, обогатили отечественную словесность и пребудутъ образцомъ правильнаго, изящнаго россійскаго слова, единогласно избралъ его Почетнымъ Членомъ своимъ, въ несомнѣнной надеждѣ на его покровительство наукамъ и упражняющимся въ оныхъ.

Ректоръ Иванъ Браунъ.
Секретарь Совѣта Баронъ Врангель.

Казань,
Августа 4 дня,
1818.

XII.

Отношеніе того же Университета Ректора г. Брауна.

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь!

Императорскаго Казанскаго Университета Совѣтъ, въ изъявленіе достодолжнаго высокопочитанія къ Вашему Высокопревосходитель-

ству, единогласно избралъ васъ въ Почетные свои члены. Примите благосклонно, Ваше Высокопревосходительство, подносимый нынѣ дипломъ на сіе званіе, а съ нимъ и усерднѣйшее прошеніе Совѣта Казанскаго Университета о покровительствѣ Вашемъ къ его начинаніямъ и дѣяніямъ. Безъ содѣйствія знаменитыхъ особъ науки не могутъ процвѣсти и водвориться въ народѣ.

Вашего Высокопревосходительства,
Милостиваго Государя,
всепокорнѣйшій слуга
Ректоръ Иванъ Браунъ.

N 1,595.
Сентября 7 дня
1818.

Его Высокопревосходительству г. Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и кавалеру Ив. Ив. Дмитріеву.

XIII,

Адрессъ отъ С. Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности.

Его Высокопревосходительству,
Господину Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и кавалеру Ивану Ивановичу Дмитріеву.

Высочайше утвержденное С. Петербургское Вольное Общество Любителей Россійской Словесности, будучи движимо неоднократно опытами покровительства вашего просвѣщенію и стремленія къ подвигамъ благотворенія, и уважая пользы, оказанныя вами отечественной словесности, поставило непремѣннымъ долгомъ засвидѣтельствовать Вашему Высокопревосходительству чувства своей глубочайшей преданности, и въ доказательство сего единодушно избрало васъ, на основаніи 9-го параграфа первой части Устава четвертымъ Попечителемъ своимъ, опредѣливъ журналомъ въ 6-й

день сего Декабря состоявшимся, поднести Вашему Высокопревосходительству, за подписаніемъ должностныхъ членовъ, сей адрессъ. С.-Петербургъ. Декабря дня 1818 года.

Предсѣдатель Графъ Салтыковъ.
Помощникъ Предсѣдателя Ѳедоръ Глинка.
Цензоръ прозы Александръ Боровковъ.
Цензоръ поэзіи Александръ Крыловъ.
Цензоръ библіографіи Иванъ Гарцелисъ.
Библіотекарь Ив. Боровковъ.
Казначей Иванъ Ильинъ.

XIV.

Отношеніе Предсѣдателя того же Общества.

Милостивый Государь,

Иванъ Ивановичъ!

Уважая покровительство ваше просвѣщенію и отдавая должную признательность пользамъ, оказаннымъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ отечественному слову, Общество, на основаніи 9-го параграфа Высочайше утвержденнаго Устава своего, единодушно избрало васъ, Милостивый Государь, Попечителемъ своимъ, и въ засѣданіи 9-го Декабря истекшаго года, опредѣлило препроводить къ Вашему Высокопревосходительству адрессъ за подписаніемъ должностныхъ членовъ, твердо надѣясь, что вы, Милостивый Государь, не отречетесь принять на себя сего званія, и вмѣстѣ съ другими Попечителями: Княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, Графомъ Сергіемъ Козмичемъ Вязмитиновымъ и Осипомъ Петровичемъ Козодавлевымъ сильнымъ покровительствомъ своимъ поддержите благую цѣль его: соревнованія просвѣщенію и благотворительности.

Препровождая къ Вашему Высокопревосходительству адрессъ сей,

съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь,
Вашего Высокопревосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Графъ Сергій Салтыковъ.

N 636.
25 Декабря 1818.
С. Петербургъ.

XV.

Отношеніе Предсѣдателя Общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія.

Милостивый Государь,
Иванъ Ивановичъ!

Высочайше учрежденное въ 14 день Января сего года С. Петербургское Общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія, желая имѣть покровителя въ особѣ Вашего Высокопревосходительства, опредѣлило, въ засѣданіи своемъ 10 сего Февраля, просить васъ о принятіи, на основаніи 6-го параграфа Устава, званія Почетнаго Члена онаго.

Доводя о семъ положеніи Общества до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства, и прилагая при семъ экземпляръ Высочайше утвержденнаго Устава, честь имѣю увѣдомить, что надлежащій дипломъ, по изготовленіи онаго, немедленно будетъ вамъ доставленъ.

Милостивый Государь,
Вашего Высокопревосходительства,
всепокорнѣйшій слуга
Графъ Ѳедоръ Толстой.

С. Петербургъ.
N 25.
23 Февраля 1819.

Его Высокопревосходительству И. И. Дмитріеву:

XVI.

Дипломъ отъ И. Харьковскаго Университета.

Auspiciis
Alexandri Primi,
Augustissimi ac Potentissimi
Imperatoris et Auctocratoris
Omnium Rossiarum
etc., etc., etc.
Ministro publicae instructionis
Petro Basilide Comite a Zawodowsky,

Cons. Intimo, Senatore, Societatis Educationis nobilium virginum, nec non Scholae ord. S. Catharinae consilii membro, ordinum S. Apostoli Andreae, S. Alexandri Newensis, S. Wladimiri, S. Annae primae, S. Georgii quartae classis, utriusque polonici, nec non S. Ioannis Hierosolimitani equite.

Universitatis Charcoviensis Curatore,
Severino Iosephide Comite a Potocky,

Cons. Intimo, Senatore, actuali cubiculario Caesareo, Supremi scholarum totius Imperii Rossici Directorii membro, ordinis S. Wladimiri secundae classis, utriusque polonici equite;

Universitas Caesarea Charcoviensis bono litterarum consulens, virum singulari earum studio praeclarum, nec non de iis colendis promovendisque optime meritum, Consiliarium intimum, Senatorem, Ministrum justitiae, Caesareae Rossicae Academiae membrum, Caesareae Universitatis, quae floret Mosquae, et Caesareae Societatis Mosquensis scrutatorum naturae membrum honorarium, ordinis S. Annae primae classis equitem Ioannem Ioannidem Dmitriew societati suae junctum et inter membra honoraria a se receptum esse hisce publice declarare voluit, persuasa, hanc nominationem utrique parti utilem fore, et hunc spectatissimae eruditionis virum Universitatis gloriae et honori, quibus fieri potest rationibus provisurum, communi studiorum negotio diligenter invigilaturum, atque inventa, observata

vel animadversa, quae in rei litterariae commoda redundabunt, cum Universitate libenter communicaturum esse. Datum Charcoviae, die 30 Iunii. M. Dec. IX.

XVII.

Отношеніе Предсѣдателя Академіи Россійской (нынѣшняго Министра Просвѣщенія) Александра Семеновича Шишкова.

Милостивый Государь мой

Иванъ Ивановичъ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ былъ я свидѣтелемъ, что Императорская Россійская Академія, въ торжественное собраніе свое (сего мѣсяца 14 дня), увѣнчала стихотворныя дарованія и труды ваши почестію большой золотой медали. Пріемля въ томъ искреннее участіе и раздѣляя оное со всѣмъ кругомъ людей, упражняющихся въ словесности, я васъ чистосердечно съ тѣмъ поздравляю и, прося о продолженіи вашего ко мнѣ, толь пріятнаго для меня, благорасположенія, съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Шишковъ.

Генваря 20 дня
1823.

XVIII.

Отношеніе Непремѣннаго Секретаря той же Академіи Петра Ивановича Соколова.

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь

Иванъ Ивановичъ.

Императорская Россійская Академія, отдавая всю справедливость трудамъ Вашего Высокопревосходительства, принесшимъ великую

пользу отечественной нашей словесности и уважая отличный даръ въ стихотвореніяхъ вашихъ, дающихъ вамъ полное право занять мѣсто между первыми россійскими классическими писателями, положила въ годовое торжественное свое собраніе, бывшее въ 14 день сего Генваря, увѣнчать оные почестію большой золотой медали.

На меня возложенъ лестный долгъ доставленія сей медали къ Вашему Высокопревосходительству, которую при семъ препровождая, всепокорнѣйше прошу принять и искреннѣйшее увѣреніе въ томъ достодолжномъ къ особѣ вашей высокопочитаніи и совершенной преданности съ каковыми пребуду всегда

Вашего Высокопревосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Петръ Соколовъ.

N 22.

С.-Петербургъ.

22 Генваря 1823.

Его Высокопревосходительсву г. Дѣйств. Тайн. Сов. и кавалеру И. И. Дмитріеву.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЗГЛЯДЪ

НА МОЮ ЖИЗНЬ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Не имѣвъ склонности къ воинской службѣ, я нетерпѣливо ждалъ капитанскаго чина, послѣдняго по гвардіи, и наконецъ перваго Января въ 1796 году получилъ его. Въ крещенскій парадъ, на гранитномъ берегу Невы, я отправилъ первую и послѣднюю службу въ новомъ чинѣ, командуя гренадерскою ротою. Вскорѣ потомъ отпросился въ годовой отпускъ, съ твердымъ намѣреніемъ въ слѣдующій годъ выйти въ отставку, къ умноженію московскихъ Бригадировъ [1]: тогда ихъ было столь же много, какъ нынѣ Дѣйствительныхъ Статскихъ Совѣтниковъ.

Въ концѣ первой части сказано было, какъ я въ этотъ отпускъ у родителей моихъ проводилъ время: съ каждымъ протекшимъ мѣсяцемъ утѣшался я мыслію, что еще ближе сталъ къ цѣли моихъ желаній. Но шестое число Ноября, день достопамятный не только для меня, но и для всей Имперіи, внезапно разсѣялъ всѣ утѣшительныя надежды и, такъ сказать, подавилъ меня всею тяготою неизвѣстности

о будущей судьбѣ моей. Императрица Екатерина Вторая скончалась скоропостижно. Едва я узналъ о томъ, какъ тотчасъ поскакалъ въ Петербургъ. Проѣзжая Москву, слышу о разныхъ перемѣнахъ, послѣдовавшихъ въ гвардіи и по всѣмъ частямъ государственнаго управленія; далѣе, по петербургской дорогѣ, встрѣчаю непрестанно гонцовъ, скачущихъ въ разныя стороны, или гвардейскихъ сослуживцевъ, успѣвшихъ выйти въ отставку, и узнаю отъ нихъ еще болѣе. Такимъ образомъ, еще въ продолженіи пути, я могъ надуматься, какія на первый случай взять лучшія мѣры.

По прибытіи моемъ въ Петербургъ, на другой же день я объявилъ себя въ полку больнымъ, и посылаю къ баталіонному командиру вмѣстѣ съ паспортомъ и прошеніе на высочайшее имя объ увольненіи меня отъ службы. Послѣ такой рѣшимости уже никакія честолюбивые виды не обольщали меня. Я хотѣлъ только получить спокойную независимость. Не прошло еще недѣли, какъ сверхъ чаянія моего я получилъ отставку, и притомъ съ благоволеніемъ: ибо я уволенъ былъ съ чиномъ Полковника и съ ношеніемъ *новаго* мундира, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ старшихъ Капитановъ отставлены были въ тѣхъ же чинахъ, или Надворными Совѣтниками. Къ тому же я и по старой службѣ не могъ бы получить повышенія чиномъ, не выслужа въ настоящемъ полнаго года.

Доволенъ будучи столь удачнымъ началомъ, я расположился еще нѣсколько дней просидѣть дома, а потомъ представиться Императору Павлу и принести ему благодарность мою на вахтпарадѣ; но представленіе мое случилось прежде, чѣмъ я ожидалъ, и притомъ необыкновеннымъ образомъ.

Въ самый день Рождества Спасителя, поутру, я лежалъ

на кровати и читалъ книгу. Растворяется дверь, и входитъ ко мнѣ Полицмейстеръ Чулковъ, спрашиваетъ меня, я ли отставной Полковникъ Дмитріевъ? Получа подтвержденіе, приглашаетъ меня къ Императору, и какъ можно скорѣе. Я тотчасъ обновляю *новый* мундиръ, и выхожу съ Чулковымъ изъ моихъ комнатъ. Въ сѣняхъ вижу приставленнаго къ наружнымъ дверямъ часоваго. Я сказалъ только моимъ служителямъ, слѣдовавшимъ за мною: „скажите братьямъ." — Одинъ изъ нихъ былъ двоюродный мой братъ И. П. Бекетовъ (2), Семеновскаго полка Капитанъ, нанимавшій въ одномъ домѣ со мною средній этажъ; а другой родной (3), Семеновскій же Сержантъ, лишь только прибывшій въ то утро изъ отпуска и находившійся на ту пору въ среднемъ этажѣ.

Выйдя изъ воротъ, мы садимся въ полицмейстерскую карету и скачемъ ко дворцу. Останавливаемся на углу Адмиралтейства, противъ перваго дворцоваго подъѣзда. Полицмейстеръ, выскоча изъ кареты, сказалъ мнѣ, что онъ скоро возвратится, и пошелъ во дворецъ.

Между тѣмъ какъ на дворцовой площади продолжался вахтпарадъ, зрѣлище для меня новое, я въ одномъ мундирѣ, въ тонкомъ канифасномъ галстукѣ, дрожалъ въ каретѣ отъ жестокаго мороза, и ломалъ себѣ голову, чтобъ отгадать причину столь внезапнаго и необыкновеннаго происшествія. Однакожъ невольно видѣлъ всю гвардію, отъ офицера до рядоваго, въ новомъ убранствѣ, или лучше сказать, въ томъ образѣ, въ какомъ она въ семилѣтнюю войну находилась.

Наконецъ Полицмейстеръ показался въ подъѣздѣ, махнулъ платкомъ, и карета подъѣхала. Вышедъ изъ оной, встрѣчаюсь я съ сослуживцемъ моимъ Штабсъ-Капитаномъ В. И. Лихачевымъ, отставленнымъ со мною въ одно время

и жившимъ, какъ и я, въ Гороховой улицѣ. По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, мы еще въ первый разъ увидѣлись. Полицмейстеръ ставитъ насъ рядомъ и приглашаетъ слѣдовать за нимъ вверхъ по лѣстницѣ.

Доселѣ я довольно бодрствовалъ, ибо забылъ о праздникѣ и думалъ, что проведутъ насъ пустыми комнатами, мимо часовыхъ, прямо въ кабинетъ къ Государю, но съ первымъ шагомъ во внутренніе покои, я пораженъ былъ неожиданною картиною: вижу въ нихъ весь городъ, всѣхъ военныхъ и статскихъ чиновниковъ, первокласныхъ вельможъ, придворныхъ обоего пола, во всемъ блескѣ великолѣпнаго ихъ наряда, и вдоль анфилады—самаго Государя! Окруженный военнымъ генералитетомъ и офицерами, онъ ожидалъ насъ въ той комнатѣ, гдѣ отдавались пароль и императорскіе приказы. При входѣ нашемъ въ нее, онъ указываетъ намъ мѣсто противъ себя, потомъ обратясь къ генералитету, объявляетъ ему, что неизвѣстный человѣкъ оставилъ у буточника письмо на императорское имя, извѣщающее, будто Полковникъ Д*** и Штабсъ-Капитанъ Л*** умышляютъ на жизнь его. „Слушайте", продолжалъ онъ, и началъ читать письмо, которое лежало у него въ шляпѣ. По прочтеніи онаго Государь сказалъ: «Имя не подписано; но я поручилъ Военному Губернатору (Н. П. Архарову) [4] отыскать доносителя. Между тѣмъ, продолжалъ онъ, обратясь къ намъ, я отдаю васъ ему на руки. Хотя мнѣ и пріятно думать, что это клевета, но со всѣмъ тѣмъ я не могу оставить такого случая безъ уваженія. Впрочемъ, прибавилъ онъ, говоря уже на общее лицо, я самъ знаю, что Государь такой же человѣкъ, какъ и всѣ; что и онъ можетъ имѣть и слабость и пороки; но я такъ еще мало царствую, что едва ли могъ успѣть сдѣлать кому либо

какое зло, хотя бы и хотѣлъ того.“ Помолчавъ немного, заключилъ сими словами: «Если же хотѣть, чтобъ *меня* только не было, то надобно же кому нибудь быть на моемъ мѣстѣ, а дѣти мои еще такъ молоды!»—При семъ словѣ Великіе Князья, Наслѣдникъ и Цесаревичъ, бросились цѣловать его руки. Все восколебалось и зашумѣло: генералы и офицеры напирали и отступали, какъ приливъ и отливъ, и цѣловали Императора, кто въ руку, кто въ плечо, кто ловилъ поцѣловать полу.

Когда же все утихло и пришло въ прежній порядокъ, Императоръ откланялся. Архаровъ кивнулъ намъ головой, чтобы мы пошли за нимъ. Въ передней комнатѣ сдалъ насъ Полицмейстеру, который и привезъ насъ въ домъ Военнаго Губернатора.

По возвращеніи г. Архарова изъ дворца мы были позваны въ его гостиную. Онъ обошелся съ нами весьма вѣжливо, даже довольно искренно. На какія-то мои слова, онъ отвѣчалъ мнѣ: „за васъ всѣ ручаются.“ Послѣ обѣденнаго стола, къ которому и мы были приглашены, онъ отдохнулъ и поскакалъ опять къ Государю, а мы съ Лихачевымъ простояли въ одной изъ проходныхъ комнатъ, прижавшись къ печи, до глубокихъ сумерекъ, и не говорили другъ съ другомъ почти ни слова. Наконецъ домоправитель г. Архарова съ учтивостію предложилъ намъ перейти въ особую комнату, для насъ приготовленную. Мы охотно на то согласились, и онъ, доведя насъ до нашего ночлега, приготовленнаго въ верхнемъ жильѣ, пожелалъ намъ доброй ночи. Это были двѣ небольшія комнаты, изъ коихъ въ первой нашли мы у дверей часоваго. При входѣ же въ другую, первая вещь, бросившаяся мнѣ въ глаза, былъ мой пуховикъ съ подушками, свернутый и перевязанный одѣяломъ. Призна-

юсь, что я не порадовался такой неожиданной услугѣ. Товарищъ мой, найдя также и свою постелю, разослалъ ее на полу и вскорѣ заснулъ на ней, а я, сложа руки, сѣлъ на свою, не думавъ ее развертывать. Между тѣмъ свѣча, стоявшая въ углу на столикѣ, уже догорала, а я еще не спалъ; неподвижно уперъ глаза въ окно, и что же сквозь его видѣлъ? Полный мѣсяцъ ярко сіялъ надъ Петропавловскимъ шпицомъ. Не хочу описывать всего, что я чувствовалъ, что думалъ, и куда занесло меня воображеніе. Довольно сказать, что послѣ первыхъ волненій сталъ я входить въ себя, началъ обдумывать всѣ возможные случаи, и твердо рѣшился, гдѣ бы ни былъ, что бы ни было, поставить себя выше рока.

Уже въ самую полночь товарищъ мой проснулся, и сталъ уговаривать меня лечь на постелю. Онъ помогъ мнѣ справить ее, и я забылся. Но съ первыми лучами солнца жестокая нервическая боль въ головѣ разбудила меня. Вѣроятно она была слѣдствіемъ простуды и сильныхъ душевныхъ движеній. Военный Губернаторъ, узнавъ о томъ, прислалъ ко мнѣ домоваго врача, съ помощію котораго болѣзнь моя чрезъ нѣсколько часовъ прекратилась.

На другой день поутру извѣстились мы, что доносчикъ, или клеветникъ нашъ, отъисканъ, и вотъ какимъ образомъ: Военный Губернаторъ, отъ природы смѣтливаго ума и опытный въ полицейскихъ дѣлахъ, приказалъ немедленно забрать и пересмотрѣть всѣ бумаги, какія найдутся у нашихъ служителей, не забывъ перешарить и все ихъ платье: въ ту же минуту найдено было въ сертучномъ карманѣ одного изъ слугъ письмо, заготовленное имъ въ деревню къ отцу и матери. Онъ увѣдомляетъ въ немъ о разнесшемся слухѣ, будто всѣмъ

крѣпостнымъ дарована будетъ свобода, и заключаетъ письмо свое тѣмъ, что если это не состоится, то онъ надѣется получить вольность и другою дорогою. Этотъ слуга, не старѣе двадцати лѣтъ, принадлежалъ брату Лихачева, Семеновскаго полка Подпоручику.

На третій или на четвертый день нашего задержанія, часу въ десятомъ по полудни, были позваны мы къ Военному Губернатору. Онъ привѣтствовалъ насъ надеждою скораго освобожденія. Хотя подозрѣваемый въ доносѣ, прибавилъ онъ, еще не признается, но изобличается въ томъ роднымъ своимъ братомъ: онъ засталъ его дописывающимъ на листѣ бумаги императорскій титулъ; изобличается также и рабочею женщиною, при которой старшій братъ, ударя младшаго, отталкивалъ его отъ стола, чтобъ не мѣшалъ ему писать; наконецъ Военный Губернаторъ объявилъ намъ, что Государь приказалъ доносителя, не смотря на его запирательство, предать суду Уголовной Палаты, а насъ увѣрить, что мы не болѣе двухъ или трехъ дней будемъ продержаны.

Сколь ни отрадна была для насъ вѣсть о скоромъ освобожденіи, но признаюсь, что тридневный срокъ представился мнѣ тогда цѣлымъ годомъ. Однако эта ночь была для меня спокойнѣе прочихъ: сонъ мой былъ крѣпокъ и продолжителенъ. Едва я успѣлъ встать съ постели, какъ вбѣгаетъ къ намъ въ горницу ординарецъ, съ извѣстіемъ, что Военный Губернаторъ прислалъ изъ дворца карету, съ тѣмъ, чтобы мы поспѣшили пріѣхать во дворецъ до окончанія вахтпарада.

Мы отправились, но уже одни, безъ Полицмейстера. Встрѣчался ли кто съ нами въ дворцовыхъ сѣняхъ, по какой лѣстницѣ всходили, я не помню. Только мы съ четверть часа простояли въ какой-то маленькой комнатѣ,

между двухъ, трехъ лакеевъ, сидѣвшихъ съ господскими шубами. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ бывшаго при старомъ дворѣ Камеръ-Юнкера Ѳ. В. Растопчина [5], уже въ генералъ-адьютанскомъ мундирѣ и съ достоинствомъ Графа. Проходя поспѣшно мимо насъ, онъ узналъ меня и изъявилъ обязательное участіе въ случившемся со мною. Вскорѣ послѣ того вошелъ Полицмейстеръ, и позвалъ насъ къ Государю.

Императоръ принялъ насъ въ прежней комнатѣ и также посреди генералитета и офицерства. Онъ глядѣлъ на насъ весело, и давъ намъ занять мѣсто, сказалъ собранію: „Съ удовольствіемъ объявляю вамъ, что г. Полковникъ Дмитріевъ и Штабсъ-Капитанъ Лихачевъ нашлись, какъ я ожидалъ, совершенно невинными; клевета обнаружена, и виновный преданъ суду. Подойдите, продолжалъ обратясь къ намъ, и поцѣлуемся. „Мы подошли къ рукѣ, а онъ поцѣловалъ насъ въ щеку." Его я не знаю, примолвилъ онъ, указывая на Лихачева, а твое имя давно мною затверждено. Кажется безъ ошибки могу сказать, сколько разъ ты былъ въ Адмиралтействѣ на караулѣ. Бывало, когда ни получу рапортъ: все Дмитріевъ или Лецано."

Я долженъ объяснить это тѣмъ, что младшіе субальтернъ-офицеры наряжались въ большой караулъ во дворецъ подъ начальствомъ Капитана; а намъ, какъ старшимъ субальтернъ-офицерамъ, доставалось всегда въ Адмиралтейство, куда посылался одинъ офицеръ, слѣдовательно самъ былъ начальникомъ.

Потомъ Императоръ пригласилъ насъ къ обѣденному столу, и отправился со всею свитою въ дворцовую церковь для слушанія литургіи.

Такимъ образомъ кончилось сіе чрезвычайное для меня

происшествіе. Скажемъ нѣсколько словъ о послѣдствіяхъ онаго: сколько я ни пораженъ былъ въ ту минуту, когда внезапно увидѣлъ себя выставленнымъ на позорище всей столицы, но ни тогда, ни послѣ не возставала во мнѣ мысль къ обвиненію Государя; напротивъ того, я находилъ еще въ таковомъ поступкѣ его что-то рыцарское, откровенное, и даже нѣкоторое вниманіе къ гражданамъ. Безъ сомнѣнія онъ хотѣлъ показать, что не хочетъ ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать, подобно азіатскому деспоту, скрытно и самовластно. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ знали причину, за что взятъ подъ стражу сочленъ ихъ, и равно причину его освобожденія. По крайней мѣрѣ такъ я о томъ заключалъ, и отъ того-то, можетъ быть, и сохранилъ всю твердость духа въ минуту моего испытанія.

Не могу при семъ случаѣ умолчать о благородной чертѣ почтеннаго Ѳ. И. Козлятева. Въ первый день нашего задержанія, Императоръ поручилъ развѣдать въ Семеновскомъ полку, съ кѣмъ я изъ сослуживцевъ былъ болѣе друженъ. Козлятевъ сказалъ рѣшительно и смѣло, что въ этомъ случаѣ никому не уступитъ первенства.—Душа небесная! Я зналъ тебя, и это меня не удивило.

Недѣли двѣ послѣ того я былъ предметомъ всеобщаго разговора. Начались догадки, чѣмъ я буду вознагражденъ за претерпѣнную тревогу. Одни предсказывали мнѣ полученіе деревни; другіе ордена Св. Анны втораго класса. Наконецъ передали мнѣ, что нѣкто изъ вельможъ, ближайшихъ къ Государю, намекалъ, что едвали я не буду Статсъ-Секретаремъ. Я вздрогнулъ отъ этой вѣсти: мнѣ тотчасъ представилась несносная скука, вставать въ зимнее утро до свѣта, читать прошенія, писанныя большею частію нескладнымъ, надутымъ слогомъ; пробиваться потомъ сквозь толпу докучливыхъ и добровольныхъ тру-

жениковъ, этой не дремлющей стражи передней комнаты государственнаго человѣка; скакать во дворецъ, и тамъ въ ожиданіи докладнаго часа сидѣть одному, въ пустой комнатѣ.—И всякую недѣлю, думалъ я, и во весь круглый годъ то же и то же!

Но не такъ видно заключали объ условіяхъ сего званія при дворѣ и въ городѣ. Съ перваго появленія моего во дворцѣ, примѣтилъ я большую перемѣну въ обращеніи со мною. Всѣ отмѣнно ласкали меня; предупреждали въ учтивостяхъ; равно и въ частныхъ домахъ прежніе незнакомцы стали приглашать на обѣды и вечера свои. Я отгадывалъ причину, и внутренно смѣялся. Какъ часто мы ошибаемся въ нашихъ разсчетахъ! Въ то самое время, когда они запасались знакомствомъ съ будущимъ Статсъ-Секретаремъ, я только и желалъ быть московскимъ цензоромъ книгъ. Но когда задумалъ просить объ этомъ мѣстѣ, оно уже было занято.

Между тѣмъ Козлятевъ не однажды говорилъ мнѣ, что Его Высочество Наслѣдникъ изволилъ отзываться, зачѣмъ я ничего не прошу? что Императору было бы это весьма пріятно. Я стыдился бы и подумать о томъ, чтобы просить, безъ всякой заслуги, деревень или денегъ. Къ тому же тогда я и не подозрѣвалъ, что домогательства такого рода между статскими, не исключая даже и первоклассныхъ, вошли какъ будто почти въ необходимую обязанность. Одна только независимая жизнь была въ виду моемъ.

Но можемъ ли мы ручаться за свою твердость? Бездѣлица можетъ поколебать ее. День проходитъ за днемъ; я продолжаю бывать въ собраніяхъ, при дворѣ, въ обществахъ, и примѣчаю, что новые мои знакомцы въ обѣихъ областяхъ становятся ко мнѣ холоднѣе; уже перестаютъ обнимать меня или пожимать мою руку, или даже совсѣмъ

раззнакомились: какъ я ни далекъ былъ отъ честолюбія, но этотъ случай кольнулъ меня, и я рѣшился доказать имъ, что можно, и не бывъ Статсъ-Секретаремъ, получить званіе не менѣе почтенное.

Его Высочество Наслѣдникъ, узнавъ отъ Козлятева о желаніи моемъ вступить въ гражданскую службу, соблаговолилъ вызваться быть за меня ходатаемъ. Вскорѣ потомъ весь дворъ отправился въ Сарское село, дабы оттуда предпринять путь въ Москву. Въ самый же день отбытія двора изъ Сарскаго села, я получилъ отъ Полковника Рота, Наслѣдникова Адъютанта, записку, которою онъ, по приказанію Его Высочества, извѣщалъ меня, что Государь съ удовольствіемъ принялъ желаніе мое вступить въ гражданскую службу, и приказалъ Наслѣднику отнестись къ Генералу—Прокурору, Князю Алексѣю Борисовичу Куракину [6], чтобъ онъ пріискалъ мнѣ хорошее мѣсто, ибо я выборъ онаго предоставилъ высочайшему назначенію самаго Императора. Г. Ротъ заключилъ записку свою тѣмъ, что Его Высочеству пріятно будетъ, если я пріѣду въ Москву до коронаціи.

Высокое покровительство Наслѣдника превзошло мое ожиданіе: тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Москву, я получилъ мѣсто за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Сенатѣ; въ первые же дни послѣ коронаціи [7] повелѣно мнѣ носить Семеновскій *новый* мундиръ; и въ какое же время Государь благоволилъ оказать мнѣ сію милость? Когда онъ, въ коронѣ и далматикѣ, сидѣлъ на тронѣ въ Грановитой Палатѣ, наполненной военными и гражданскими чиновниками, и я уже въ французскомъ кафтанѣ, въ слѣдъ за другими, съ колѣнопреклоненіемъ принималъ его руку. Въ эту минуту онъ шепнулъ Наслѣднику, по правую сторону трона, чтобы я впредь до повелѣнія, счи-

тался по прежнему Полковникомъ и ходилъ въ мундирѣ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того я получилъ новое званіе Товарища Министра въ новоучрежденномъ Департаментѣ Удѣльныхъ имѣній. Министромъ названъ Генералъ-Прокуроръ Князь Куракинъ; Старшимъ Товарищемъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Саблуковъ, а я, въ числѣ трехъ, младшимъ. По возвращеніи же двора въ Петербургъ, мѣсяца чрезъ три, я опредѣленъ былъ въ должность Оберъ-Прокурора во временный Казенный, а потомъ переведенъ въ Третій департаментъ Сената, съ награжденіемъ чиномъ Статскаго Совѣтника, а въ слѣдующемъ году пожалованъ въ дѣйствительные Оберъ Прокуроры. — Отсюда начинается ученичество мое въ наукѣ законовѣденія, и знакомство съ происками, эгоизмомъ, надменностью и раболѣпствомъ двумъ господствующимъ въ наше время страстямъ: любостяжанію и честолюбію.

КНИГА ПЯТАЯ.

Сколь ни удаченъ былъ для меня первый шагъ на поприщѣ гражданской службы, но я не безъ смущенія помышлялъ о пространствѣ и важности обязанностей моего званія, быть блюстителемъ законовъ; одни охранять отъ умышленно-кривыхъ истолкованій, другіе приводить на память; ополчаться противъ страстей; бороться съ сильными; не поддаваться искушеніямъ; сносить равнодушно пристрастные толки и поклепъ тяжущихся или подсудимыхъ, ихъ покровителей или родственниковъ; противо-

рѣчить иногда особамъ, украшеннымъ сѣдиною, знаками отличій, давно преобрѣтшимъ общее уваженіе, каковы были въ то время Сенаторы: Графъ А. С. Строгоновъ [8], Графъ П. В. Заводовскій [9], М. Ѳ. и П. А. Соймоновы [10], Г. Р. Державинъ, А. В. Храповицкій [11], Графъ Я. Е. Сиверсъ [12]; Курляндцы: Баронъ Гейкингъ и Ховенъ. Столь щекотливыя условія могли бы устрашить и опытнаго дѣльца, не только новичка въ своемъ дѣлѣ.

Прибавимъ еще къ тому, что мнѣ ввѣренъ былъ такой департаментъ, который можно было назвать совершенно энциклопедическимъ. Онъ завѣдывалъ всѣ уголовныя и гражданскія дѣла всей Малороссіи, вновь пріобрѣтеннаго Польскаго края, Лифляндіи, Эстляндіи, Финляндіи и Курляндіи. Ему же подвѣдомственны были Юстицъ-Коллегія съ принадлежащимъ къ ней департаментомъ для расправы по духовнымъ дѣламъ католиковъ, учебныя заведенія, отъ Академіи Наукъ до народныхъ училищъ; полиція, почта, устроеніе дорогъ и водяныя сообщенія во всей Имперіи.

Представляя себѣ всю тяжесть возложенныхъ на меня обязательствъ, невольно вспомнилъ я Вольтеровъ стихъ:

Je suis comme un docteur, helas! je ne suis rien!

По крайней мѣрѣ совѣсть моя не укоряла меня: я не домогался онаго мѣста. Еще до подписанія указа, даже имѣлъ смѣлость говорить Генералъ-Прокурору, что я отнюдь не заслуживаю столь важнаго званія, въ которомъ, съ перваго шага, долженъ быть не ученикомъ а учителемъ.

Такого же мнѣнія былъ и отецъ мой. Вмѣсто привѣтствія съ мѣстомъ, онъ журилъ меня, думая, что я самъ домогался получить его.

По вступленіи въ должность, первою моею заботою было узнать внутреннее положеніе департамента, установленный порядокъ въ теченіи дѣлъ; какими департаментъ руководствуется законами,—и вотъ, что мнѣ открылось на первый случай:

Третій Сената департаментъ, кромѣ великороссійскихъ законовъ, руководствуется, по дѣламъ Польскихъ губерній и Малороссіи, Литовскимъ Статутомъ, Магдебургскимъ правомъ и разныхъ годовъ конституціями; Остзейскихъ провинцій и Финляндіи: Шведскимъ земскимъ уложеніемъ; а по Курляндіи особеннымъ постановленіемъ, не помню подъ какимъ названіемъ, на Латинскомъ языкѣ. Изъ всѣхъ же оныхъ законовъ переведены были на русскій языкъ только *Земское уложеніе*, *Литовскій статутъ и Магдебургское право;* но переведены едва ли словесникомъ, въ вѣрности никѣмъ не засвидѣтельствованы, переписаны дурнымъ почеркомъ, безъ правописанія, отъ долговременнаго и частаго употребленія затасканы и растрепаны. Прочія же хранились въ оригиналахъ. Но Оберъ-Секретари не могли ими пользоваться безъ пособія переводчика, ибо завѣдывавшій Польскія дѣла не зналъ польскаго языка, а Остзейскихъ провинцій и Курляндіи—ни нѣмецкаго, ни латинскаго.

Я положилъ немедленно представить о томъ Генералъ-Прокурору и ходатайствовать о учрежденіи изъ сенатскихъ переводчиковъ комитета, подъ предсѣдательствомъ избранной имъ особы, для повѣрки наличныхъ переводовъ съ оригиналами, для исправленія ошибокъ, какія будутъ найдены; равно и для перевода съ нѣмецкаго или латинскаго и другихъ законовъ, коими руководствуются въ судахъ вышеозначенныхъ губерній, а потомъ для напечатанія сихъ переводовъ, старыхъ и новыхъ, на счетъ

экономической суммы Сената, которая конечно въ скоромъ времени была бы чрезъ продажу выручена не только сполна, но и съ лихвою.

Къ скорѣйшему исполненію моего предпріятія представился мнѣ и самый случай: почти въ тоже время Генералъ-Прокуроръ объявилъ намъ, что онъ вознамѣрился посвятить Оберъ-Прокурорамъ по одному утру въ недѣлю, для взаимнаго совѣщанія о разныхъ по Сенату предметахъ; что каждый Оберъ-Прокуроръ тогда можетъ представлять ему о недостаткахъ и нуждахъ по своему департаменту и о средствахъ къ лучшему благоустройству Сената. Мысль достойная государственнаго человѣка!

Я тотчасъ принялся за проэктъ, написалъ его и съ нетерпѣніемъ жду перваго прокурорскаго засѣданія. Наконецъ наступилъ назначенный день. Мы съѣхались къ Генералъ-Прокурору: онъ вышелъ изъ кабинета, и повелъ насъ въ комнату, назначенную для нашего присутствія, и гдѣ уже поставленъ былъ столъ, накрытый зеленымъ сукномъ, со всѣми къ нему принадлежностями. Но мы еще не успѣли занять своихъ мѣстъ, какъ вбѣгаетъ кто-то съ докладомъ о прибытіи Генералъ-Адьютанта отъ Императора. Начальникъ нашъ откладываетъ совѣщанія наши до другаго дня, и спѣшитъ выдти. Я вынулъ изъ груднаго кармана проэктъ, предваряю наскоро о его содержаніи, и прошу Князя, чтобъ онъ въ свободное время удостоилъ его своимъ прочтеніемъ; но Князь весьма равнодушно сказалъ мнѣ, что я могу представить его въ будущее собраніе.

Но съ той минуты до самой отставки Генералъ-Прокурора, послѣдовавшей уже слишкомъ чрезъ годъ, не было и въ поминѣ о *будущемъ* собраніи. Что же было тому причиною? Это и понынѣ осталось для меня тайною.

Не знаю, какъ далеко простиралось вліяніе Генералъ-Прокурора на государственныя дѣла до временъ Императрицы Екатерины Второй; но съ ея царствованія до учрежденія министерствъ, за исключеніемъ воинской, всѣ прочія части государственнаго управленія были ему подчинены. При ней одинъ только Генералъ-Рекетмейстеръ, имѣвшій по должности своей личный доступъ, могъ нѣкоторымъ образомъ ослаблять могущество Генералъ-Прокурора: ибо всѣ жалобы по суднымъ дѣламъ, подаваемыя на высочайшее имя, подвергались его разсмотрѣнію. Не бывъ подчиненнымъ Генералъ-Прокурору, онъ не боялся опорочивать рѣшенія Сената. Но въ царствованіе Павла онъ лишенъ былъ сего преимущества, не безполезнаго для общества. Генералъ-Рекетмейстеръ уже не имѣлъ входа въ кабинетъ Государя и возводимъ былъ на эту степень по одобренію Генералъ-Прокурора, а потому изъ одной признательности, или для сохраненія своего мѣста, уже онъ не могъ имѣть въ заключеніяхъ своихъ прежней свободы.

Князь Куракинъ неопытность свою въ судныхъ дѣлахъ замѣнялъ трудолюбіемъ. Кромѣ выѣздовъ во дворецъ, онъ не отлучался отъ дома; почти не выходилъ изъ кабинета. Охотно выслушивалъ Оберъ-Прокуроровъ, и любилъ отличать награжденіями тѣхъ, въ коихъ находилъ способность или, по крайней мѣрѣ, проворство и добрую волю.

При всемъ томъ съ сожалѣніемъ должно прибавить, что Сенатъ едва ли не при немъ получилъ первое потрясеніе въ основаніи своемъ, утвержденномъ на опытахъ почти столѣтія. Вниманіе правительства обращено было болѣе на скорость въ производствѣ дѣлъ и на такъ называемыя преобразованія и нововведенія. Угождая симъ

видамъ, и Генералъ-Прокуроръ преимущественно заботился о новоучрежденномъ Департаментѣ или Министерствѣ удѣльныхъ имѣній; о Хозяйственной Экспедиціи; о Вспомогательномъ Банкѣ; о переименованіи судебныхъ мѣстъ въ польскихъ и остзейскихъ губерніяхъ. Такимъ образомъ возобновились названія, существовавшія до учрежденія намѣстничествъ: Уѣздные суды превратились опять въ Лагманскіе и Повѣтовые, а Гражданскія палаты въ Главные суды и Оберъ-Гофъ-Герихты. Вышелъ новый Городовой Уставъ, почти переведенный съ какого-то нѣмецкаго устава, съ оставленіемъ даже и названій должностныхъ не на своемъ, а на чужомъ языкѣ, и русскій купецъ или мѣщанинъ должны были называть себя ратсгерами, марфохтерами, или конечно чѣмъ-то похожимъ на это.

Между тѣмъ производство дѣлъ въ Сенатѣ уклонялось по временамъ отъ узаконеннаго хода: иногда тяжебное дѣло получало рѣшеніе въ пользу пропустившато двѣ *давности;* другое переходило изъ первой инстанціи, минуя среднюю, прямо въ Сенатъ. Для лучшаго понятія, въ какомъ состояніи тогда находилось верховное судилище, раскажемъ слѣдующій случай:

Въ Третій департаментъ поступило представленіе Юстицъ-Коллегіи съ жалобою на Пастора реформатской церкви Мансбенделя и приходскаго Старосту, Камергера и флотскаго Капитана Графа Головкина [13], за дерзкія и будто якобинскія выраженія, употребленныя ими въ ихъ отзывѣ на предписанія Коллегіи.

Генералъ-Прокуроръ, по свойству его съ Графомъ Головкинымъ [14] и по милостивому расположенію Государя къ Барону Гейкингу, Сенатору того же департамента и Президенту Юстицъ-Коллегіи, признавая дѣло

сіе довольно щекотливымъ, предварилъ меня, чтобъ я обратилъ на него особенное мое вниманіе. Вѣроятно то же сказано имъ и нѣкоторымъ изъ русскихъ Сенаторовъ. Я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло: въ самый тотъ день, когда назначено было къ докладу представленіе Юстицъ-Коллегіи, я заблаговременно объяснился съ Барономъ Гейкингомъ и убѣждалъ его къ смягченію своихъ требованій. Онъ увѣрилъ меня, что ни о чемъ болѣе не будетъ настоять, какъ объ отрѣшеніи только Пастора; жребій же Графа Головкина совершенно предаетъ произволу своихъ товарищей. Я не преминулъ передать отзывъ его Сенаторамъ—землякамъ моимъ. Но двое изъ нихъ, конечно, ободренные Генералъ-Прокуроромъ, не хотѣли обвинить ни Пастора, ни Графа Головкина. Начали слушать представленіе Юстицъ-Коллегіи, и съ первыхъ строкъ Графъ А. С. Строгановъ и П. А. Соймоновъ уже обнаружили расположеніе свое не въ пользу Коллегіи. Къ нимъ пристали и прочіе, а Курляндецъ Ховенъ и Полякъ Графъ Ильинскій [15] были за одно съ Гейкингомъ. Съ обѣихъ сторонъ пошло жаркое преніе. Не предвидя къ соглашенію ихъ успѣха, я тотчасъ остановилъ чтеніе до другаго присутствія, подъ предлогомъ позднаго времени. По выходѣ же изъ Сената, отдалъ вѣрный отчетъ Генералъ-Прокурору. Это происходило наканунѣ пятницы, общаго собранія всѣхъ департаментовъ. Въ субботу же никогда не бываетъ присутствія, почему Генералъ-Прокуроръ и обѣщалъ въ слѣдующій понедѣльникъ посѣтить департаментъ и постараться согласить обѣ стороны.

Но Баронъ Гейкингъ былъ дѣятельнѣе: онъ успѣлъ въ тотъ же вечеръ довести до свѣдѣнія Императора о разномысліи Сенаторовъ по сему дѣлу. Что же послѣдо-

вало? Въ субботу, поутру, Генералъ-Прокуроръ поручаетъ мнѣ повѣстить Сенаторамъ о прибытіи въ шесть часовъ по полудни въ департаментъ, для выслушанія высочайшаго указа. Собрались встревоженные Сенаторы; спрашиваютъ другъ друга, приступаютъ ко мнѣ, добиваясь узнать о причинѣ созванія. Но я зналъ о томъ столько же, какъ и они; наконецъ входитъ къ намъ Генералъ-Прокуроръ, проситъ Сенаторовъ занять свои мѣста, и вынувъ изъ бумажника указъ, приказываетъ Оберъ-Секретарю читать его.

Содержаніе онаго состояло въ томъ, чтобы Пастора Мансбенделя отрѣшить отъ мѣста и выпроводить за границу; Каммергеру Графу Головкину отправлять службу только по флоту; Сенату же учредить, по его усмотрѣнію, въ разныхъ мѣстахъ, подъ вѣдомствомъ Юстицъ-Коллегіи, духовныя училища, для образованія пасторовъ лютеранскаго исповѣданія, „дабы впредь не было нужды вызывать оныхъ изъ другихъ государствъ."

Такая новость изумила всѣхъ Сенаторовъ. Никогда еще не бывало, чтобъ только заслушанное дѣло въ Сенатѣ остановлено было въ своемъ ходѣ и рѣшено самимъ Государемъ, по словамъ одного только въ ономъ участника. Въ послѣдствіи времени я узналъ, что уже заготовленъ былъ указъ и объ отставкѣ Сенатора Соймонова; но Генералъ-Прокуроръ, хотя и съ великимъ трудомъ, отстоялъ его. Начальникъ мой нѣсколько дней послѣ того былъ пасмуренъ и ко мнѣ холоденъ: можетъ быть, онъ приписывалъ моей неловкости неудачу въ соглашеніи Сенаторовъ, или думалъ, что я на сторонѣ Гейкинга. Но вскорѣ потомъ онъ утѣшенъ былъ возложеніемъ на него ордена св. Апостола Андрея [16].

По сей наградѣ, многіе стали заключать, что Генералъ-

Прокуроръ входитъ еще въ большую силу; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ оказалось совсѣмъ противное. Недоброжелатели его уже начали приготовлять ему паденіе. Подозрѣвали въ томъ свѣтлѣйшаго Князя Безбородку [17] и Кутайсова [18], бывшаго тогда еще только Гардеробмейстеромъ.

Въ началѣ весны Императоръ отправился въ Казань. Въ проѣздъ его чрезъ Москву, онъ принялъ фрейлиною ко двору дочь Сенатора Петра Васильевича Лопухина [19], бывшаго при Екатеринѣ Оберъ-Полицмейстеромъ петербургскимъ, а потомъ уже Намѣстникомъ ярославскимъ и вологодскимъ; съ того же времени заговорили въ обѣихъ столицахъ, „что отецъ ея будетъ преемникомъ Князя Куракина." Такъ и сдѣлалось. Лопухинъ вызванъ былъ со всѣмъ семействомъ въ Петербургъ, переведенъ во Второй департаментъ Сената; вскорѣ потомъ получилъ званіе Генералъ-Прокурора [20], а предмѣстникъ, какъ рядовой Сенаторъ, началъ засѣдать въ Первомъ департаментѣ. Должно отдать справедливость ему въ томъ, что онъ въ ту самую минуту, когда въ Общемъ Собраніи Сената объявляли указъ объ его смѣнѣ, сохранилъ въ поступи и на лицѣ своемъ какое-то достоинство, по крайней мѣрѣ, наружное спокойствіе. Но его смиреніе и покорство верховной власти ни къ чему не послужило. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того приказано ему оставить Петербургъ. Преемникъ его пошелъ скорыми шагами къ возвышенію. Кромѣ чрезвычайныхъ денежныхъ суммъ и деревень, онъ получилъ орденъ св. Андрея съ алмазными знаками [21], потомъ титло свѣтлѣйшаго Князя [22], императорскій портретъ для ношенія въ петлицѣ, званіе Бальи Капитула ордена Іоанна Іерусалимскаго [23] и многіе ордена иностранные.

Но и его случай былъ кратковременный. Гардеробмейстеръ Кутайсовъ, который уже въ послѣдствіи сталъ Графомъ, Оберъ-Шталмейстеромъ и кавалеромъ св. Апостола Андрея, не смотря на женитьбу сына его [24] на дочери Князя Лопухина [25], успѣлъ низложить и своего свата [26]. Подозрѣвали, что онъ только былъ орудіемъ другихъ, недоброжелательствующихъ Князю.

Мѣсто его заступилъ Александръ Андреевичъ Беклешовъ [27], бывшій Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Сенаторъ, потомъ отъ Арміи Генералъ и кіевскій Военный Губернаторъ. Оба они сходны были только въ томъ, что старались о соблюденіи прежняго порядка, по крайней мѣрѣ, въ формахъ производства дѣлъ; не искали угождать Государю новизнами, и равно не заботились о преданіи потомству именъ своихъ, подобно Л'опиталю, Кольберу, д'Агессо или Помбалю: впрочемъ же были свойствъ совсѣмъ противоположныхъ. Одинъ остеръ, скоро понималъ всякое дѣло, но никакимъ съ участіемъ не занимался; не любилъ даже и частыхъ докукъ отъ Оберъ-Прокуроровъ, когда они въ затруднительныхъ случаяхъ желали объясниться съ нимъ, или получить отъ него разрѣшеніе, и примѣтнымъ образомъ наклоненъ былъ всегда на сторону Сенаторовъ, прежнихъ своихъ товарищей. Не предполагаю, чтобъ онъ хотѣлъ сдѣлать кого несчастнымъ, но равно и того, чтобъ онъ рѣшился стоять за правду, хотя бы съ потерею своего случая. Несмотря на угрюмый видъ его и насмѣшливую улыбку, онъ при дворѣ былъ хитръ, смѣтливъ и гибокъ; ко всѣмъ прочимъ доступенъ, и хотѣлъ казаться всѣмъ по плечу и простосердечнымъ. Пріемная его всегда была набита старыми знакомцами, искателями мѣстъ или чиновъ и ползунами безъ всякой цѣли. Подписывая бумаги, онъ забавлялся

на их счетъ, или самъ забавлялъ ихъ веселыми разсказами. Но эта доступность и говорливость были только покровомъ души скрытной и ума проницательнаго и осторожнаго.

Другой, не менѣе опытенъ и благоразуменъ, но былъ трудолюбивѣе. Онъ охотно и терпѣливо выслушивалъ доклады и объясненія Оберъ-Прокуроровъ, и почти всегда утверждалъ ихъ заключенія; хотя канцелярія его, доброхотствуя иногда по тяжебнымъ дѣламъ сторонѣ проигравшей, и покушалась приводить его въ сомнѣніе на счетъ сенатскаго, или оберъ-прокурорскаго, заключенія: но если Оберъ-Прокуроръ былъ смѣлъ и настоятеленъ, то она не могла имѣть ни малѣйшаго вліянія. Беклешовъ былъ не безъ просвѣщенія, какъ и его предмѣстникъ, но въ обращеніи свѣтскомъ иногда былъ нескроменъ и не слишкомъ разборчивъ въ шуткахъ и выраженіяхъ. Наконецъ, къ чести его, должно сказать, что онъ мало уважалъ требованія случайныхъ при дворѣ, а потому часто бывалъ съ ними въ размолвкѣ, и чрезъ ихъ происки, подобно своимъ предмѣстникамъ, потерялъ свое мѣсто; но и понынѣ остался въ доброй памяти у всѣхъ безпристрастныхъ людей за его доброхотство и прямодушіе.

Я не дождался его отставки [28]. Со вступленіемъ моимъ въ гражданскую службу, я будто вступилъ въ другой міръ, совершенно для меня новый. Здѣсь и знакомства и ласки основаны по большей части на разсчетахъ своекорыстія; эгоизмъ господствуетъ во всей силѣ; образъ обхожденія непрестанно измѣняется, наравнѣ съ положеніемъ каждаго. Товарищи не уступаютъ кокеткамъ: каждый хочетъ исключительно прельстить своего начальника, хотя бы то было на счетъ другаго. Нѣтъ искренности въ отвѣтахъ: ловятъ, помнятъ и передаютъ каждое

неосторожное слово. Разумѣется, что я такъ заключаю не о всѣхъ. Къ непріятности быть въ частыхъ сношеніяхъ съ подобными сослуживцами, присоединялись еще другія, несравненно для меня важнѣйшія: едва проходила недѣля безъ жаркаго спора съ кѣмъ нибудь изъ Сенаторовъ, безъ невольнаго раздраженія ихъ самолюбія. Такимъ образомъ я имѣлъ неудовольствіе два раза быть хотя и въ легкой, но для меня чувствительной, размолвкѣ съ тѣмъ, котораго любилъ и уважалъ отъ всего сердца, съ Г. Р. Державинымъ. Благородная душа его конечно была чужда корысти и эгоизма; но пылкость ума увлекала его иногда къ рѣшеніямъ, требовавшимъ, для бóльшей осторожности, другихъ мѣръ, нѣкоторыхъ изъятій или дополненій. Таже пылкость его оскорблялась противорѣчіемъ,—однакожъ не на долгое время: чистая совѣсть его скоро брала верхъ, и онъ соглашался съ замѣчаніемъ Прокурора.

Между тѣмъ ни малѣйшее ободреніе не оживляло меня за всѣ мои хлопоты и заботы. При Князѣ Лопухинѣ я отправлялъ два раза прокурорскую должность по двумъ департаментамъ; потомъ, въ слѣдствіе соглашеній нашего кабинета съ берлинскимъ, поручено мнѣ было отобрать изъ Польской Метрики всѣ акты, по тому краю Польши, который при раздѣлѣ оныя отошелъ къ Пруссіи, и сдать ихъ чиновнику, присланному для того отъ прусскаго правительства. Таковое порученіе требовало много времени, терпѣливаго чтенія и большой осмотрительности; но я за все то не удостоенъ отъ начальника моего ниже ласковымъ словомъ.

Два Оберъ-Прокурора, Рындинъ и Козодавлевъ [29], еще при Князѣ Куракинѣ получили орденъ св. Анны втораго класса, командорскій крестъ Іоанна Іерусалим-

скаго и по три или четыре тысячи десятинъ земли на выборъ въ лучшихъ мѣстахъ; продажею оныхъ они выручили, можетъ быть, около ста тысячь, а я содержалъ себя только тремя тысячами годоваго дохода, получая тысячу отъ отца и двѣ тысячи рублей жалованья. За всю же мою прокурорскую службу награжденъ, при Князѣ Лопухинѣ, только орденомъ св. Анны втораго класса вмѣстѣ со многими, и даже послѣ цензора книгъ, печатаемыхъ на отечественномъ языкѣ. При всей скромности позволительно мнѣ думать, что труды его были не важнѣе моихъ, и вѣроятно не слишкомъ изнуряли тѣлесныя и умственныя его силы.

Всѣ сіи непріятности, соединенныя съ увѣренностью въ томъ, что съ моими свойствами я не могу ожидать и впредь по гражданской службѣ бóльшей удачи, рѣшили меня, наконецъ, просить объ увольненіи. Начальникъ мой А. А. Беклешовъ удивился, когда я подалъ ему прошеніе. Онъ сталъ уговаривать меня, чтобъ я отложилъ мое намѣреніе; даже хотѣлъ отчаять меня въ полученіи пенсіона, признаваясь мнѣ, что по холодности къ нему Императора, онъ не осмѣлится ни о чемъ просить его въ мою пользу. Я съ усмѣшкою отвѣчалъ ему, что даже и не думалъ о пенсіонѣ; а желалъ бы только увѣрить Государя, что не отъ лѣни, но единственно по причинѣ худаго здоровья и другихъ обстоятельствъ, для меня только важныхъ, я принялъ смѣлость просить о увольненіи.

Желаніе мое скоро исполнилось: я отставленъ не только съ пенсіономъ, но еще и съ чиномъ Тайнаго Совѣтника. Это было Декабря 30 дня 1799 года.

Сколь ни пріятно готовиться къ свиданію съ другомъ и съ родными [30], но невозможно быть равнодушнымъ при разлукѣ и съ кругомъ пріятелей. Съ перемѣною мѣстъ

нельзя забирать съ собою все, что мило сердцу, или къ чему привыкнешь. Счастіе благопріятствовало мнѣ и въ семъ случаѣ: почтенный Козлятевъ, бывшій и въ продолженіи гражданской службы моей, почти ежедневнымъ моимъ собесѣдникомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ прежде меня вышелъ также въ отставку; другая особа, въ сообществѣ съ которой нѣсколько лѣтъ находилъ я равное удовольствіе, должна была, въ одно же время со мною, переселиться въ отдаленную губернію. И такъ во всемъ Петербургѣ жаль мнѣ было разлучиться только съ двумя: Г. Р. Державинымъ и А. В. Храповицкимъ (I). Съ первымъ я имѣлъ счастіе въ послѣдствіи еще нѣсколько лѣтъ жить вмѣстѣ, а съ послѣднимъ простился уже навѣки! Но всегда буду съ сердечнымъ чувствомъ вспоминать посвященныя ему субботы. Въ эти дни, отъ обѣда до поздняго вечера, просиживалъ я у него, по большей части, съ глаза на глазъ, и услаждался наставительною бесѣдою остроумнаго словесника и государственнаго мужа.

По описаніи перваго періода гражданской службы не неприлично сказать нѣсколько словъ и о тогдашнемъ дворѣ и вліяніи онаго на государственныя дѣла, на общество и частныя лица.

Восшествіе на престолъ преемника Екатерины послѣдуемо было крутыми переворотами во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія: намѣстничества раздробились на губерніи; Учрежденіе, изданное для управленія оныхъ, измѣнилось; Директоры экономіи уничтожены; Совѣстные суды упразднены; нѣкоторые изъ уѣздныхъ городовъ превращены въ посады; вмѣсто древнихъ, греческихъ или славянскихъ, названій, данныхъ при Князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ многимъ городамъ въ Крыму и Екатеринославской губерніи, возвращены имена прежнія, татарскія,

или русскія простонародныя: Эвпаторисъ, Севастополисъ, Григоріополисъ стали называться опять Кизикерменемъ, Козловымъ и пр. Всѣ воинскія и гражданскія постановленія сего недавно столь могущественнаго вельможи отброшены; даже и самый мавзолей, воздвигнутый подъ сводомъ церкви надъ его прахомъ, приказано было разрушить [31].

Въ войскахъ введены были новый уставъ, новые чины, новый образъ ученія, даже новыя командныя слова, составленныя изъ французскихъ рѣченій съ русскимъ склоненіемъ (*), и новые, наконецъ, мундиры и обувь по образцу старинному, еще временъ голстинскихъ Герцоговъ.

Вскорѣ за симъ послѣдовали перемѣны и въ участи именитыхъ особъ: Фельдмаршалъ Графъ Суворовъ-Рымникскій, по исключеніи изъ службы, сосланъ былъ въ собственную его деревню, подъ строгимъ присмотромъ чиновника, а потомъ уже предводительствовалъ двумя арміями: нашею и австрійскою противъ Французовъ, и за освобожденіе Италіи получилъ титло Генералиссимуса и Князя Италійскаго. Свѣтлѣйшему Князю Зубову и брату его Валеріану [32], начальнику арміи противъ Персовъ, приказано также имѣть пребываніе въ деревняхъ своихъ. Таже участь постигла и Вице-Канцлера Графа Панина [33].

Сначала первыми любимцами Государя были Кутайсовъ, бывшій камердинеръ его, родомъ Турокъ, присланный къ двору еще мальчикомъ послѣ взятія Анапы, Ростопчинъ и Аракчеевъ [34]. Они всѣ трое получили графское достоинство. Но фортуна неизмѣнна была толь-

---

(*) Вмѣсто къ ружью: *вонъ!* вмѣсто ступай: *маршъ!* вмѣсто заряжай: *шаржируй!*

ко къ первому, двое же послѣднихъ были потомъ удалены, и жили въ деревняхъ своихъ до самой перемѣны правленія.

Никогда не было при дворѣ такого великолѣпія, такой пышности и строгости въ обрядѣ. Въ большіе праздники всѣ придворные и гражданскіе чины первыхъ пяти классовъ были необходимо въ французскихъ кафтанахъ, глазетовыхъ, бархатныхъ, суконныхъ, вышитыхъ золотомъ, или по меньшей мѣрѣ шолкомъ, или съ стразовыми пуговицами, а дамы въ старинныхъ робахъ, съ длиннымъ хвостомъ и огромными боками (фишбейнами), которыя бабками ихъ были уже забыты.

Выходъ Императора изъ внутреннихъ покоевъ для слушанія въ дворцовой церкви литургіи предваряемъ былъ громогласнымъ командныиъ словомъ и стукомъ ружей и палашей, раздававшимися въ нѣсколькихъ комнатахъ, вдоль коихъ, по обѣимъ сторонамъ, построены были фрунтомъ великорослые Кавалергарды, подъ шлемами и въ латахъ. За императорскимъ домомъ слѣдовалъ всегда бывшій польскій Король Станиславъ Понятовскій [35], подъ золотою порфирою на горностаѣ. Подолъ ея несомъ былъ императорскимъ Каммеръ-Юнкеромъ.

Непрерывныя побѣды Князя Суворова-Рымникскаго въ Италіи часто подавали случай къ большимъ при дворѣ выходамъ и этикетнымъ баламъ. Государь любилъ называться и на обыкновенные балы своихъ вельможъ. Тогда, на перерывъ другъ предъ другомъ, истощаемы были всѣ способы къ приданію пиршеству бо́льшаго блеска и великолѣпія.

Но вся эта наружная веселость не заглушала и въ хозяевахъ и въ гостяхъ скрытнаго страха и не мѣшала коварнымъ царедворцамъ строить ковы другъ противъ

друга, выслуживаться тайными доносами, и возбуждать недовѣрчивость въ Государѣ, по природѣ добромъ, щедромъ, но вспыльчивомъ.

Отъ того происходили скоропостижныя паденія чиновныхъ особъ, внезапныя высылки изъ столицы даже и отставныхъ изъ знатнаго и средняго круга, уже нѣсколько лѣтъ наслаждавшихся спокойствіемъ скромной, независимой жизни.

Въ послѣдній годъ царствованія Императора многимъ изъ выключенныхъ и изгнанниковъ позволено возвратиться въ обѣ столицы и вступить опять въ службу; въ томъ числѣ и двумъ братьямъ Зубовымъ: свѣтлѣйшему Князю Платону и Графу Валеріану. Обоимъ поручено начальство надъ Кадетскими корпусами: надъ Сухопутнымъ первому, а надъ Инженернымъ второму.

Тогда ближайшими къ Государю были: Графъ Паленъ [36], бывшій въ одно время и Военнымъ Губернаторомъ и Управляющимъ Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ, Оберъ-Шталмейстеръ Графъ Кутайсовъ и Генералъ-Прокуроръ Обольяниновъ [37]. Два первые имѣли большое вліяніе на дворъ и общество.

Въ это время я, по домашнимъ дѣламъ моимъ, пріѣзжалъ въ Петербургъ на короткое время. Нѣсколько разъ, по воскреснымъ днямъ, бывалъ во дворцѣ, и, не смотря на все прощеніе исключенныхъ, находилъ всѣ комнаты почти пустыми. Входъ для чиновниковъ былъ уже ограниченъ; представленіе пріѣзжихъ, откланивающихся и благодарящихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, было отставлено. Государь уже рѣдко проходилъ въ церковь чрезъ наружныя комнаты. Строгость полиціи была удвоена, и проходившіе чрезъ площадь мимо дворца, кто бы ни были,

и въ дождь и въ зимнюю вьюгу, должны были снимать съ головы шляпы и шапки.

Въ последній разъ я видѣлъ Императора на Невскомъ Проспектѣ, возвращавшимся верхомъ изъ Михайловскаго Замка, въ препровожденіи многочисленной свиты. Онъ узналъ меня и благоволилъ отвѣчать на мой поклонъ снятіемъ шляпы и милостивою улыбкою. По возвращеніи моемъ въ Москву, меньше, нежели чрезъ мѣсяцъ, послѣдовала внезапная его кончина [38]. Пусть судитъ его потомство: отъ меня же признательность и сердечный вздохъ надъ его прахомъ!

КНИГА ШЕСТАЯ.

Пробывъ шесть лѣтъ въ отставкѣ, я убѣжденъ былъ обстоятельствами разстаться опять съ тихою жизнію. Въ 1806 году, Февраля 6 дня, Императоръ Александръ, первый и единственный мой покровитедь, соблаговолилъ удостоить меня званіемъ Сенатора. Согласно съ желаніемъ моимъ я остался въ Москвѣ: повелѣно мнѣ присутствовать въ Шестомъ департаментѣ Сената. Въ томъ же году, осьмнадцатаго Ноября, я имѣлъ счастіе получить орденъ святыя Анны перваго класса, а девятнадцатаго Декабря высочайшій рескриптъ и всемилостивѣйшее порученіе по нижеслѣдующему обстоятельству:

Наполеонъ, овладѣвъ Вѣною (II), принудилъ Австрію къ уничижительному миру; вскорѣ потомъ напалъ на прусскія войска, прежде, нежели они успѣли соединиться, разбилъ ихъ, и безъ сопротивленія вступилъ въ Берлинъ и занялъ уже бо́льшую часть Пруссіи.

Столь быстрые, необыкновенные успѣхи явно грозили опасностью и нашему отечеству. Западныя границы его уже не раздѣлены были Пруссіей, сосѣдственнымъ государствомъ. Императоръ нашъ вынужденъ былъ, къ защитѣ ихъ, возобновить войну съ счастливымъ завоевателемъ, поруча начальство надъ арміей Фельдмаршалу Графу Каменскому [39].

Поелику же эта война, послѣ пораженія нашихъ союзниковъ, всею тяжестію своей должна была лежать на однихъ только насъ и слѣдственно требовала мѣръ необыкновенныхъ и великихъ усилій: то въ подкрѣпленіе арміи и защитѣ болѣе внутренней безопасности, императорскимъ манифестомъ Ноября 30-го 1806 года, повелѣно устроить временное земское ополченіе, долженствующее состоять изъ 61.200 ратниковъ; вооруженіе сіе названо въ манифестѣ *мѣрою спасительною и необходимою.*

Наборъ земскаго войска назначенъ былъ въ тридцати одной губерніи, раздѣленныхъ на семь областей, изъ коихъ три составлены были изъ пяти, а прочія изъ четырехъ губерній. Каждая область подчинена была областному начальнику, уполномоченному распоряжать мѣстнымъ ополченіемъ, объявлять высочайшіе указы, непокорныхъ и непослушныхъ предавать военному суду, и даже осуждать на смертную казнь, если важность преступленія и обстоятельства того востребуютъ.

Между тѣмъ Губернаторамъ, поступившимъ въ областное управленіе, предписано было имѣть неослабное вниманіе на все то, что дѣйствуетъ на общее мнѣніе, воспламеняетъ духъ народный любовію къ отечеству и можетъ устремить усердіе гражданъ къ прямой и существенной цѣли сего вооруженія. На нихъ же возложено внушать поселянамъ надлежащія понятія о семъ временномъ

служеніи; объяснять подъ рукою въ дворянскихъ собраніяхъ всѣ тѣ обстоятельства, которыя особенно показываютъ прямую необходимость въ составленіи земскаго войска.

Въ то же время, даннымъ наставленіемъ Святѣйшему Синоду, предоставлено ему „пещись о устремленіи благочестиваго негодованія сыновъ православной церкви противу врага, ополчающагося на попраніе оной.“

Въ помощь областному начальнику, въ лицѣ Генералъ-Губернатора, какъ бы посредника между воинскимъ и гражданскимъ начальствомъ, отправлено въ каждую область по одному Сенатору.

Имъ предоставлено было требовать отъ Гражданскихъ Губернаторовъ отчетовъ въ исполненіи данныхъ имъ предписаній и въ распоряженіяхъ, какія отъ нихъ сдѣланы для составленія, вооруженія и продовольствія земскаго войска и для храненія матеріальныхъ приношеній отечеству. Сверхъ того поставлено было на видъ къ исполненію слѣдующее: „стараться узнать образъ общаго мнѣнія, обнаруженный въ собраніяхъ дворянства, въ градскихъ обществахъ, равно какъ и селеніяхъ, касательно сего вооруженія, и благоразумными объясненіями и внушеніями отвращать сомнительныя предубѣжденія, буде таковыя будутъ замѣчены. Въ сношеніяхъ Губернаторовъ съ начальникомъ земскаго войска утвердить единодушіе и согласіе, къ успѣшному и скорому исполненію всякаго дѣла столь необходимыя; руководствовать дворянство личнымъ присутствіемъ въ его собраніяхъ, и безъ всякаго принужденія склонять ихъ къ цѣли общественной пользы, возбуждая, гдѣ нужно, соревнованіе и внушая довѣренность и уваженіе въ правительству. При положеніяхъ дворянства о добровольныхъ пожертвованіяхъ, стараться

обращать оныя болѣе къ существенной пользѣ общества, не допуская излишнихъ издержекъ на одно наружное и безполезное украшеніе войска. Если, противъ всякаго ожиданія, откроются въ губерніяхъ люди, повреждающіе превратными толками и разглашеніями общее мнѣніе и духъ народный: то, съ помощію Губернатора, таковыхъ воздерживать, сколько возможно, краткими увѣщаніями; съ упорными же, по мѣрѣ вліянія, какое могутъ они имѣть на общество, употреблять и другія, законныя мѣры. Въ нужныхъ случаяхъ сноситься съ главнокомандующимъ областнымъ земскимъ войскомъ, и содѣйствовать ему, какъ Сенаторъ, облеченный особенною довѣренностію, къ исполненію мѣръ, принимаемыхъ имъ, предписаніями гражданскому начальству, которыя должны быть немедленно исполнены.“

Въ заключеніе высочайше предписано обо всемъ, что, по силѣ вышеписаннаго, будетъ исполнено, или что, по мѣстному положенію, къ пользѣ и скорѣйшему составленію земскаго войска, признано будетъ за нужное, непосредственно доносить Императору еженедѣльно, или какъ обстоятельства того востребуютъ.

Мнѣ повелѣно было находиться при седьмой области, составленной изъ пяти губерній: Костромской, Вологодской, Нижегородской, Казанской и Вятской, и объѣхать всѣ, кромѣ послѣдней. Въ ней набираемы были только стрѣлки съ казенныхъ крестьянъ, почему она и была исключена изъ подъ моего надзора. Начальникомъ сей области былъ отставной отъ Арміи Генералъ Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукой [40].

Этотъ благоразумный и почтенный старецъ ни однажды не подавалъ мнѣ повода ни къ малѣйшему неудовольствію,

ниже по дѣламъ къ перепискѣ. Всѣ его распоряженія были тихи и стройны.

При повѣркѣ мною дѣйствія губернскихъ начальствъ относительно земскаго войска, я призналъ только нужнымъ уменьшить въ половину назначенный сборъ суммы на жалованье выбраннымъ чиновникамъ и ходатайствовать предъ Государемъ за малопомѣстныхъ дворянъ: въ представленномъ мнѣ дворянскомъ спискѣ нашлось множество бѣдныхъ, имѣющихъ за собою крестьянъ не болѣе трехъ или осьми душъ. Я донесъ, что раскладка предположеннаго сбора обратилась бы для нихъ въ большую тяготу, и былъ столько счастливъ, что Его Величество приказалъ таковыхъ бѣдныхъ дворянъ и совсѣмъ отъ сей повинности уволить. То же сдѣлано по Казанской и Нижегородской губерніямъ.

Исполня все на меня возложенное почти въ два мѣсяца я отправилъ изъ Казани послѣднее мое донесеніе къ Государю и возвратился въ Москву.

Въ продолженіи того же года Министръ Просвѣщенія Графъ Заводовскій, по высочайшему повелѣнію, предлагалъ мнѣ, не соглашусь ли я принять на себя званіе Попечителя Московскаго Университета и подчиненныхъ ему училищъ. Какъ ни лестно было бы для моего самолюбія заступить мѣсто почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ Муравьева (Михайла Никитича), похищеннаго смертію еще въ мужествѣ лѣтъ его [41]; но я не захотѣлъ, чтобъ завистники или эпиграмматисты назвали меня вороной въ павлиньихъ перьяхъ. Въ отвѣтѣ моемъ Графу Заводовскому изъявлены были чувства душевной благодарности къ августѣйшему моему покровителю, сознаніе моихъ недостатковъ въ классическомъ образованіи, и искреннее желаніе остаться при отправленіи только службы по зва-

нію Сенатора, къ которой я уже пріобрѣлъ навыкъ. Отказъ послужилъ къ пользѣ отставнаго Каммергера и Сенатора Графа А. К. Разумовскаго [42]. Онъ заступилъ мѣсто Муравьева и, въ задатокъ за будущую службу, награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и чиномъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника.

Въ началѣ 1808 года высочайше повелѣно мнѣ отправиться въ Рязань и произвести слѣдствіе о злоупотребленіяхъ по тамошнему питейному откупу. Содержателями онаго были четверо старинныхъ дворянъ: Татищевъ, Князь Мещерскій, Бахметевъ и Бестужевъ-Рюминъ.

По прибытіи моемъ въ Рязань, гдѣ тогда Губернаторомъ былъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Александръ Ильичъ Мухановъ, я тотчасъ приступилъ къ дѣлу: потребовалъ отъ главной питейной конторы хозяйственную книгу, извѣстную въ нѣмецкихъ конторахъ подъ именемъ гроссъ-бухъ. Отвѣчали мнѣ, что она увезена однимъ изъ двухъ главныхъ конторщиковъ, находящимся въ отлучкѣ для осмотра по уѣздамъ питейныхъ домовъ; что какъ скоро онъ возвратится, то представятъ его ко мнѣ и съ книгою.

Въ тоже время посланы были отъ меня тайнымъ образомъ надежные чиновники, свидѣтельствовать въ расплохъ всѣ уѣздныя конторы. Между тѣмъ, приглася откупщика Татищева, отправился я съ нимъ и секретаремъ моимъ въ главную питейную контору; приказываю конторщику представить къ осмотру всѣ ихъ дѣла: вѣдомости и журналы. Утороплениый конторщикъ увѣряетъ меня, что въ конторѣ ничего не хранится, кромѣ денежной суммы и брошенныхъ старыхъ бумагъ, вѣдомости же находятся у самихъ откупщиковъ. Я заставилъ вынуть изъ шкафа

брошенныя, по словамъ его, бумаги, и сталъ съ секретаремъ моимъ перебирать ихъ по одиначкѣ.

Въ числѣ сихъ *брошенныхъ* бумагъ найдено заемное письмо въ пять тысячъ рублей, данное отъ Оберъ-Секретаря Перваго департамента; переписки и росписки мелкихъ чиновниковъ, и будто *примѣрное положеніе* ежегоднаго оклада разнымъ губернскимъ чиновникамъ, исключая Губернатора, Предсѣдателя Уголовной Палаты, находившагося въ параличѣ, и всей Гражданской Палаты. Всѣ чиновники были наименованы, и даже находилась отмѣтка, *кому* и *сколько* дано впередъ; но бумага никѣмъ не подписана. По слѣдствію открылось, что она писана конторскимъ писаремъ, но будто безъ вѣдома откупщиковъ, и въ видѣ проэкта на такой только случай, когда бы конторѣ понадобилось прибѣгнуть къ займу денегъ. Имена же выставлены для одного примѣра и выбраны изъ Адрессъ-Календаря.

Одинъ изъ отправленныхъ мною въ уѣздные города представилъ мнѣ, найденное и въ Михайловской конторѣ, подобное же положеніе годовыхъ окладовъ Городничему, штатному офицеру, Судьямъ и Секретарямъ судовъ Уѣзднаго и Нижняго земскаго. Сверхъ того открыто во всей губерніи множество непозволенныхъ выставокъ, пристанищъ всякаго рода разврата. Вызваны были помѣщики и помѣщицы, у коихъ они въ деревняхъ находились. Всѣ повинились и рукоприкладствомъ утвердили сознаніе свое въ допросахъ.

Наконецъ явился и показанный въ отсутствіи конторщикъ, но безъ книги. Вопреки донесенію откупщиковъ онъ отозвался, что эта книга, по ихъ же приказу, будто для сокращенія *лишняго письмоводства*, уже давно уничтожена.

Въ самомъ же дѣлѣ она, какъ дошли до меня слухи, отправлена была съ нимъ въ Москву, дабы тамъ переписать ее съ исключеніемъ всѣхъ статей, могущихъ обнаружить злоупотребленія конторы. Но какъ я торопилъ откупщиковъ о скорѣйшемъ представленіи книги, то они уже и рѣшились сжечь ее, а по другимъ слухамъ оставить ее въ Москвѣ у надежнаго человѣка.

Но и безъ этой книги нашлось довольно уликъ въ злоупотребленіи главной канторы. Слѣдствіе продолжалось около четырехъ мѣсяцевъ. Наконецъ 16 Апрѣля я послалъ къ Императору донесеніе объ окончаніи слѣдствія, а къ Министру Юстиціи экстрактъ изъ дѣла, и возвратился въ Москву.

Здѣсь встрѣтила и поразила меня горестная вѣсть о кончинѣ почтеннаго и милаго Козлятева. Это былъ больше, чѣмъ другъ, истинно мой добрый геній! Онъ имѣлъ обыкновеніе съ послѣднимъ снѣгомъ уѣзжать въ переяславскую свою деревню, чтобы тамъ встрѣтить весну. Неутомимый въ ходьбѣ и слишкомъ надежный на крѣпость своего сложенія, онъ простудился, и злая горячка прекратила жизнь его. Ни другъ, ни сестра не смежили глазъ его: онъ испустилъ духъ посреди только своихъ челядинцевъ.

Я уже ознакомилъ съ нимъ моихъ читателей въ первой части записокъ. Прибавимъ къ тому еще нѣсколько словъ. Добрый Карамзинъ говорилъ объ немъ: это такой человѣкъ, что я за версту сниму передъ нимъ шляпу. Поэтъ Жуковскій, не менѣе добросердечный, также искренно любилъ и уважалъ его. Вспоминая въ письмѣ своемъ ко мнѣ о московскомъ моемъ домикѣ, сгорѣвшемъ въ 1812 году, достопамятномъ для всей Европы, онъ достойно себя и милаго Козлятева оплакалъ его кончину (III).

Гораздо же спустя послѣ того другой поэтъ, Князь Вяземскій, въ сочиненной имъ нотисѣ обо мнѣ для стихотвореній моихъ, послѣдняго изданія [43], также предалъ потомству прекрасную черту души его: поступокъ его съ крестьянами, которымъ онъ возвратилъ собранный съ нихъ оброкъ, сказавъ, что ему на годовое содержаніе себя достаточно и стараго дохода. Къ полному торжеству добродѣтели, остается мнѣ заключить отзывомъ, какой я имѣлъ счастіе услышать объ Козлятевѣ отъ самаго Императора.

Въ 1810 году, по должности Министра, я читалъ предъ Его Величествомъ докладныя дѣла; Государь, прервавъ мое чтеніе, изволилъ сказать: „я вспомнилъ Козлятева: гдѣ онъ теперь?—Его уже нѣтъ на свѣтѣ, отвѣчалъ я.—Давно ли?—Около двухъ лѣтъ.—Въ первый разъ слышу! Онъ былъ человѣкъ умный, почтенный и по качествамъ души его. Знаешь ли, какъ онъ любилъ дѣлать добро? Въ Преображенскомъ полку рѣдкій солдатъ не испыталъ его благотвореній; онъ помогалъ даже и бѣднымъ офицерамъ, въ этомъ я самъ могу тебя увѣрить.“ Мнѣ ли въ томъ усомниться! У меня навернулись слезы; я ничего не могъ выговорить; съ умиленіемъ только глядѣлъ на Государя: все благородное, возвышенное, способно было скоро воспламенить его и растрогать.

Вскорѣ по отправленіи моего донесенія получилъ я отъ Министра Юстиціи увѣдомленіе о высочайшемъ повелѣніи мнѣ присутствовать въ Седьмомъ департаментѣ. „Долгомъ считаю, говорилъ онъ въ письмѣ своемъ, увѣдомить васъ, М. Г., что Его Величество сдѣлалъ сіе по особеннымъ къ вамъ благоволенію и довѣренности„.—Вмѣстѣ со мною и Сенаторъ Лопухинъ [44] переведенъ былъ въ тотъ же департаментъ. Это перемѣщеніе, вѣ-

роятно, послѣдовало съ тѣмъ, чтобъ ослабить вліяніе одного изъ тамошнихъ Сенаторовъ. Въ продолженіи того же года Оберъ-Прокуроръ нашъ былъ отставленъ, а вскорѣ за нимъ и тотъ Сенаторъ.

Около того же времени Министръ Юстиціи извѣстилъ меня, что Государь, „будучи доволенъ исполненіемъ возложеннаго на меня дѣла, приказалъ объявить мнѣ особенное его благоволеніе; что чиновники, находившіеся при мнѣ, равно какъ и двое губернскихъ, по моему представленію, удостоились награжденія, и что всѣ бумаги, относящіяся до моего слѣдствія, равно производство дѣла въ экстрактѣ повелѣно препроводить въ Первый департаментъ, дабы онъ, войдя въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ, предалъ виновныхъ строжайшему по законамъ сужденію.“

Мнѣ должно было ожидать, что всѣ мои дѣйствія по сему слѣдствію устремятъ прикосновенныхъ къ нему къ превратнымъ толкамъ, къ проискамъ и къ невыгоднымъ на счетъ мой внушеніямъ. Ни по Сенату, ни по министерскому департаменту, я не имѣлъ никого, кто бы взялъ ревностное во мнѣ участіе. Напротивъ того, изъ откупщиковъ, Князь Мещерскій, Бахметевъ и Татищевъ имѣли сильныхъ покровителей. Губернаторъ же рязанскій былъ женатъ на дочери одного изъ Сенаторовъ, имѣвшаго при дворѣ и въ обществѣ значительныя связи.

Ожиданіе мое оправдалось на самомъ дѣлѣ: я получилъ извѣстіе изъ Петербурга, что вся моя работа передана въ экспедицію того самаго Оберъ-Секретаря, котораго заемное письмо въ пяти тысячахъ рублей найдено мною въ главной питейной конторѣ и поставлено на видъ въ особенной запискѣ, препровожденной отъ меня къ Министру Юстиціи. Это ввело меня въ переписку съ Оберъ-

Прокуроромъ Графомъ Орловымъ [45]. Онъ увѣдомилъ меня наконецъ, что бумаги мои поручены уже другому Оберъ-Секретарю.

Вскорѣ потомъ получилъ я отъ Государственнаго Казначея Ѳ. А. Голубцова [46] офиціальное отношеніе, коимъ онъ просилъ увѣдомить его, не былъ ли Рязанской Казенной палаты Совѣтникъ N N. прикосновеннымъ къ слѣдствію по винному откупу? Я отвѣчалъ ему, что въ *примѣрномъ положеніи*, найденномъ мною въ главной питейной конторѣ, назначено и этому чиновнику тысяча рублей годоваго оклада. Кто бы отгадалъ, что было послѣдствіемъ сего отвѣта? Чрезъ два или три мѣсяца, если не прежде, чиновникъ сей, показанный *въ примѣрномъ положеніи* на жалованьѣ откупа, переименованъ въ туже губернію Вицъ-Губернаторомъ!!!

Все это рѣшило меня ѣхать въ Петербургъ, чтобъ заблаговременно узнать ходъ слѣдственнаго моего дѣла и предупредить, или отвратить, подъиски ко вреду моего добраго имени.

Но я прибылъ туда за три или четыре дни до отъѣзда Государя въ Эрфуртъ для свиданія съ Наполеономъ. Однакожъ имѣлъ счастіе представиться ему на Каменномъ Островѣ, и въ то самое утро, когда Оберъ-Прокуроръ Графъ Орловъ докладывалъ Его Величеству, по рапорту Перваго департамента, о разсмотрѣніи моего слѣдственнаго дѣла.

Государь приказалъ рапортъ напечатать и обнародовать — *сколько для примѣра, столько для страха чиновникамъ и откупщикамъ*. — Такъ послѣ сказано было мнѣ въ отношеніи Министра Юстиціи.

Графъ Орловъ, въ тотъ же день, сообщилъ мнѣ и напечатанный экземляръ сенатскаго рапорта и указа о исполненіи.

Сенатъ призналъ явно виновными только двухъ конторщиковъ, писаря, сочинителя *примѣрнаго* положенія окладовъ и нѣсколько мелкихъ чиновниковъ; отдалъ ихъ подъ судъ Уголовной Палаты; относительно же откупщиковъ, въ рапортѣ своемъ, сказалъ, что „поелику двое главныхъ конторщиковъ, сознаваясь въ нѣкоторыхъ злоупотребленіяхъ, объявили что оныя попущаемы были конторою безъ вѣдома содержателей откупа, то Сенатъ и не входитъ объ нихъ ни въ какое сужденіе."

Въ рапортѣ же его употреблены были такія выраженія, которыя могли подать поводъ къ заключенію, что я былъ оплошенъ, или умышленно иное не дослѣдовалъ. Почему я, дождавшись возвращенія Государя, принялъ смѣлость изложить ему въ письмѣ мое оправданіе и, къ утѣшенію моему, имѣлъ счастіе получить милостивый рескриптъ, изъявляющій благоволеніе за ревность мою къ службѣ и успѣхъ, съ каковымъ я произвелъ слѣдствіе по рязанскому откупу; а чрезъ одиннадцать дней послѣ сего рескрипта удостоенъ еще другимъ, повелѣвающимъ мнѣ изслѣдовать втайнѣ поступки Костромскаго Губернатора Пасынкова; для прикрытія же того объявленъ былъ въ Сенатѣ указъ объ отправленіи меня для обревизованія Костромской губерніи.

Министръ Внутреннихъ дѣлъ Князь Куракинъ [47], препровождая ко мнѣ оный рескриптъ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ, изъяснялся между прочимъ сими словами: „я долженъ исполнить возложенное на меня высочайшее повелѣніе, сообщить вамъ, М. Г., что Его Императорское Величество изволитъ надѣяться, что таковое порученіе Вашему Превосходительству примите вы знакомъ особаго къ вамъ благоволенія Его Величества и *совершеннымъ уже опроверженіемъ сдѣланнаго вами заключенія о*

неудовольствіи Его Величества на счетъ исполненной вами ревизіи по Рязанской губерніи."

Прибывъ на мѣсто, я тотчасъ приступилъ къ обозрѣнію Губернскаго Правленія и прочихъ судебныхъ мѣстъ, не оставляя между тѣмъ повѣрять и записку отъ неизвѣстнаго, при высочайшемъ рескриптѣ ко мнѣ препровожденную.

Потомъ, сверхъ ожиданія Губернатора, отправился въ окружный городъ Чухлому, для повѣрки по той же запискѣ, а проѣздомъ въ него осмотрѣлъ судебныя мѣста въ Галичѣ.

По возвращеніи моемъ въ губернскій городъ я получилъ еще порученіе, развѣдать о поступкахъ уже и того, кто писалъ записку: это былъ чиновникъ, посланный отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, для собранія свѣдѣній объ образѣ мѣстнаго управленія. Дошли и на него доносы: неважные, но частію справедливые.

Исполня все, на меня возложенное, меньше, нежели въ мѣсяцъ, я возвратился въ Москву и отдалъ самый вѣрный отчетъ Государю, Сенату и обоимъ Министрамъ: Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи. По запискѣ безъименнаго многія статьи оказались справедливыми; надзоръ Губернскаго начальства за теченіемъ дѣлъ найденъ весьма слабымъ; Капитанъ-Исправникъ, Засѣдатель и Секретарь Галицкаго Земскаго суда обличены въ лживомъ донесеніи самому Сенатору, на словахъ и на бумагѣ, и отданы подъ судъ Уголовной палаты. Той же участи подвергся и Секретарь Чухломскаго Уѣзднаго суда за ложное же донесеніе и глупую очистку, въ представленной мнѣ вѣдомости, о нерѣшенныхъ дѣлахъ. Сказано объ одномъ: „*по черному приговору происходитъ разсужденіе*; когда же я, въ полномъ засѣданіи судей, потребовалъ *чернаго*

приговора, невинные судьи обратили къ Секретарю умоляющіе взоры, а онъ, съ безстыдною наглостью, началъ рыться въ коробкѣ, поставленной на концѣ той же лавки, на которой я сидѣлъ, предъ зерцаломъ, противъ троихъ судей. Секретарь, видя наконецъ, что не можетъ побѣдить моего терпѣнія, признался, что чернаго приговора и не бывало, и выставленное дѣло еще не было слушано. Обнаружены также злоупотребленія Волостныхъ головъ и Смотрителя за строеніемъ судебныхъ мѣстъ. Этотъ же Смотритель былъ родный братъ губернаторши, а подрядчикъ крѣпостной крестьянинъ ея матери.

Не знаю, угодилъ ли я двумъ Министрамъ, но Государь Императоръ, сверхъ благоволительнаго рескрипта, изволилъ наградить меня столовыми деньгами, по три тысячи рублей въ годъ.

Симъ слѣдствіемъ заключились по гражданской службѣ всѣ мои походы. Въ концѣ 1809 года я имѣлъ счастіе получить высочайшій рескриптъ, въ которомъ Государь изволилъ писать, что онъ, *найдя нужнымъ изъясниться* со мною *о предметахъ, въ коихъ опытность моя можетъ быть полезна государству, желаетъ, чтобъ я прибылъ въ Петербургъ* къ наступающему новому году.

Рескриптъ препровожденъ былъ ко мнѣ М. М. Сперанскимъ [48]. Онъ, письмомъ своимъ, увѣдомилъ меня, по высочайшему повелѣнію, что Его Величество, хотя и желаетъ меня видѣть, сколько можно, скорѣе, однакожъ не предполагаетъ обезпокоить меня слишкомъ скорымъ путешествіемъ, тѣмъ болѣе, что къ первому Января мнѣ и поспѣть было бы затруднительно; а потому Государь Императоръ и предоставляетъ мнѣ прибыть между первымъ и шестымъ числомъ Января будущаго года.

Такъ и исполнено мною. Выѣхавъ изъ Москвы Января втораго 1810 года, я прибылъ въ Петербургъ пятаго, наканунѣ Крещенья. Въ тотъ же вечеръ узналъ я нечаянно, чрезъ Петербургскія Вѣдомости, о всемилостивѣйшемъ помѣщеніи меня въ число членовъ вновь преобразованнаго Государственнаго Совѣта [49]. Канцлеръ Графъ Н. П. Румянцевъ [50] названъ Предсѣдателемъ онаго, а М. М. Сперанскій Государственнымъ Секретаремъ.

На другой день, послѣ большаго парада, я имѣлъ счастіе представиться Государю въ его кабинетѣ, и принялъ отъ него новую милость: званіе Министра Юстиціи, а въ слѣдующій день объявленъ былъ о томъ и высочайшій указъ Правительствующему Сенату.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Переписана въ Москвѣ Іюня 24 1824 года.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

---

1. Неизвѣстно мнѣ, гдѣ Александръ Васильевичъ Храповицкій былъ воспитанъ и началъ свою службу. Знаю только по его разказамъ, что онъ, еще въ отроческихъ лѣтахъ, часто бывалъ съ отцомъ своимъ у Ломоносова, который однажды бралъ у него одинъ томъ Расиновыхъ Трагедій, и возвратилъ его съ написанными имъ на поляхъ замѣчаніями. Это случилось въ то время, когда лирикъ нашъ, въ угодность только Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, занимался сочиненіемъ трагедіи, Демофонта или Тамиры и Селима, точно не помню. Желательно, чтобъ сіи замѣчанія сдѣлались извѣстными. Каждая черта генія для насъ драгоцѣнность.

Въ 1772 году Храповицкій уже былъ Генералъ-Аудиторъ-Лейтенантомъ въ подполковничьемъ чинѣ, при Фельдмаршалѣ Графѣ Кириллѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ [51]. Около сего времени онъ писалъ стихами и прозою, и похваленъ былъ Сумароковымъ въ Журналѣ *И то и сё*, выходившемъ въ 1769 году. Чулковъ [52], сочинитель Пересмѣшника и Исторіи россійской торговли, былъ издателемъ сего еженедѣльника. Потомъ Храповицкій сочинилъ трагедію: Идамантъ, и продолжалъ выдавать мелкія сочиненія въ разныхъ современныхъ журналахъ, никогда не ставя подъ ними своего имени. Въ шутливой одѣ: *Хочу къ безсмертью пріютиться*, извѣстной подъ именемъ Александра Семеновича Хвостова, многія строфы писаны Храповицкимъ. Тогда оба они были въ большой дружбѣ и служили вмѣстѣ въ канцеляріи Генералъ-Прокурора Князя Вяземскаго.

Гораздо спустя послѣ того, уже бывъ Статсъ-Секретаремъ Екатерины, онъ сочинилъ комическую оперу: *Меломанія или Пѣснолюбіе.*

Я познакомился съ нимъ, когда онъ уже былъ за пятдесятъ лѣтъ и находился Сенаторомъ и Предсѣдателемъ въ Хозяйственной Экспедиціи. Въ это время онъ жилъ въ совершенномъ уединеніи, на краю города. Съ утра до полдня находился онъ въ Сенатѣ, гдѣ его опытность, разсудокъ, безпристрастіе всегда имѣли большой вѣсъ. Самые Оберъ-Секретари привозили къ нему на домъ свою работу и пользовались его совѣтами. Иногда, смотря по важности дѣла, онъ самъ сочинялъ сенатскіе доклады и рапорты Государю.

Остальное же время дня онъ посвящалъ любимымъ своимъ занятіямъ: любовался своими антиками, изящнымъ собраніемъ эстамповъ, библіотекою; читалъ старое и новое, переводилъ лучшія мѣста изъ французскихъ поэтовъ, и отъ себя писалъ стихи, только уже не для публики, а для своихъ пріятелей. Однакожъ, въ продолженіи моего съ нимъ знакомства, я убѣдилъ его напечатать переводъ двухъ Лафонтеновыхъ басенъ и Лебрюновой Оды: *Восторгъ*, въ *Аонидахъ*, періодическомъ изданіи того времени [53]. Онъ сочинялъ легко, плавно и замысловато, а писалъ и начерно такъ четко и красиво, что никогда не нужно ему было рукопись свою перебѣливать.

Храповицкій былъ въ обществѣ уторопленъ и застѣнчивъ, но предъ всѣми учтивъ и ласковъ; съ друзьями же своими живъ, остръ и любезенъ, говорилъ съ точностью, складно и скоро. По предметамъ словесности любимый разговоръ его былъ о драматическомъ искусствѣ, которое онъ зналъ едва ли не лучше всѣхъ нашихъ авторовъ того времени. Покойный трагикъ нашъ Озеровъ [54] много былъ обязанъ его совѣтамъ при вступленіи своемъ на театральное поприще [55]. Тогда онъ былъ, подъ его начальствомъ, Правителемъ Канцеляріи въ Хозяйственной Экспедиціи. Храповицкій любилъ и уважалъ его.

Читатель съ сердцемъ проститъ меня, что я такъ долго занялъ его человѣкомъ, о которомъ онъ, можетъ быть, еще въ первый разъ слышитъ. Говоря объ немъ, мнѣ пріятно возобновлять лучшія въ жизни моей минуты, проведенныя мною въ уединенныхъ, искреннихъ бесѣдахъ съ симъ почтеннымъ мужемъ. Хотя мы были не равныхъ лѣтъ, но онъ любилъ меня. Между нами было условіе прово-

дить вмѣстѣ каждую субботу: я пріѣзжалъ къ нему обѣдать, и разставался съ нимъ уже позднимъ вечеромъ. Иногда онъ отпускалъ меня съ какимъ нибудь подаркомъ для моего кабинета. Два эстампа, изображающіе Мольера рѣзцомъ Боварлета и добраго Лафонтена, изъ коллекціи раскрашенныхъ портретовъ, и теперь еще предъ моими глазами. Но изъ всѣхъ его подарковъ, драгоцѣннѣйшимъ для меня была тетрадь, писанная вчернѣ рукою Ломоносова. Это его планъ рѣчи, которую онъ заготовлялъ по случаю ожиданнаго отъ Императрицы посѣщенія Академіи. Эта рукопись перешла отъ меня къ Платону Петровичу Бекетову, и напечатана имъ въ журналѣ *Другъ Просвѣщенія.*

Разлука моя съ службою и съ Петербургомъ не охладила ко мнѣ пріязни Александра Васильевича. Онъ часто писалъ ко мнѣ въ Москву, увѣдомляя меня о новостяхъ словесности, и присылая ко мнѣ, вмѣсто гостинцевъ, новѣйшія и значительныя французскія книги. Это продолжалось до самой его кончины, послѣдовавшей въ томъ же году [56]. Послѣ его нашелся *дневникъ* веденный имъ со вступленія его въ Статсъ-Секретари до сенаторства. Онъ записывалъ въ немъ политическія, дворскія происшествія, и все относившееся до его сношеній съ Императрицею. По отрывистому слогу, должно думать, что онъ писалъ дневникъ только для себя, дабы со временемъ употребить его къ составленію подробнѣйшихъ записокъ. Но и со всею краткостію, эта рукопись достойна любопытства. Ни одна книга не можетъ сообщить лучшаго понятія объ умѣ, характерѣ и домашней жизни Екатерины. Скажу наконецъ, что Храповицкій во всѣхъ отношеніяхъ былъ достойнымъ секретаремъ ея.

II. Все касательно до войны съ Франціей и государственныхъ по сему случаю распоряженій внесено здѣсь, почти слово до слова, изъ высочайшаго манифеста и тайнаго рескрипта на имя областныхъ Сенаторовъ.

III. Вотъ стихи, которыми добросердечный и превосходный поэтъ Жуковскій почтилъ память Ѳ. И. Козлятева [57].

. . . .

И нашъ мудрецъ смиренный,
Козлятевъ незабвенный,
Оратору (*) внималъ;

(*) Поэтъ говоритъ о Карамзинѣ.

Съ улыбкой одобрялъ,
И взоромъ выражалъ
Въ молчаньи всѣ движенья
Души своей простой!
Онъ кончилъ путь земной!
Но какъ безъ восхищенья
О добромъ говорить!
О! можно ли забыть
Сей взглядъ пріятный, ясной
Органъ души прекрасной,
Сей тихій, скромный видъ,
Сердечную учтивость,
И старческихъ ланитъ
Прелестную стыдливость,
И простоту рѣчей!...
Покой сихъ мирныхъ дней
Смиренье ограждало;
Ничто ихъ не смущало
Священной чистоты.
Страдальца, сироты
Молящее стенанье
Внималъ онъ со слезой;
Онъ скрытною рукой
Благотворилъ въ молчаньѣ!...
Увы! Его ужъ нѣтъ,
И милой жизни слѣдъ
Хранитъ воспоминанье!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

I.

Сената Нашего Оберъ-Прокурору Дмитріеву.

Въ вознагражденіе отличной ревности и трудовъ, на пользу службы вами подъемлемыхъ, и въ знакъ монаршаго нашего къ вамъ благоволенія всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена святыя Анны второй степени, коего знаки на васъ возлагая, увѣрены мы, что дѣятельностію и усердіемъ вашимъ потщитесь удостоиться и вящей милости нашей.

Въ Павловскѣ, Маія 29 дня 1799 года.

Павелъ.

II.

Нашему Тайному Совѣтнику и Сенатору Дмитріеву.

Желая изъявить особенное наше благоволеніе къ отличному усердію и трудамъ, подъемлемымъ вами на пользу службы, всемилостивѣйше пожаловали мы васъ кавалеромъ ордена св. Анны перваго класса, коего знаки, для возложенія на васъ, при семъ препровождаются.

Александръ.

Въ С. Петербургѣ.
Ноября 18, 1806 года.

III.

Господинъ Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ Дмитріевъ!

Скопинскій купецъ Пафнутьевъ и крестьянинъ Барона Строганова Уфимцевъ, бывшіе повѣренными по винному откупу Рязанской губерніи, доносятъ мнѣ о разныхъ злоупотребленіяхъ содержателей тамошнихъ питейныхъ сборовъ. — Я повелѣваю вамъ отправиться немедленно въ Рязань, для произведенія на мѣстѣ подробнаго изслѣдованія по содержанію сего доноса, о которомъ Министръ Юстиціи доставитъ вамъ полное свѣдѣніе. Обязанность ваша въ семъ случаѣ будетъ стараться обнаружить, сколько возможно, истину и о послѣдствіи мнѣ донести.

Зная усердіе ваше къ службѣ, я увѣренъ, что вы исполните въ точности мое повелѣніе, и тѣмъ еще болѣе заслужите мою довѣренность. Впрочемъ пребываю вамъ благосклонный

Александръ.

Генваря 28
1808 года.
Въ С. Петербургѣ.

IV.

Господинъ Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ Дмитріевъ!

Видя изъ донесенія вашего ко мнѣ, сколь успѣшно произведено вами въ Рязанской губерніи слѣдствіе о злоупотребленіяхъ, происшедшихъ по тамошнему винному откупу, и признавая въ полной мѣрѣ ревность вашу къ службѣ и исполненію моихъ повелѣній, я обязываюсь изъявить совершенное мое благоволеніе, пребывая впрочемъ вамъ благосклонный

Александръ.

Октября 25 дня
1808 года.
Въ С. Петербургѣ.

V.

Господину Тайному Совѣтнику, Сенатору Дмитріеву.

Министръ Юстиціи сообщитъ вамъ мое повелѣніе о обревизованіи Костромской губерніи, на основаніи общей для предмета сего составленной инструкціи. Независимо отъ того, что представится вамъ тутъ особое вниманіе заслуживающаго, я въ особенности признаю нужнымъ возложить на вашу усердную дѣятельность тщательное разслѣдованіе дошедшихъ сюда свѣдѣній о разныхъ злоупотребленіяхъ по Костромской губерніи, по вліянію на того самаго Губернатора возникшихъ, и вообще заключающихся въ слѣдующемъ: *первое*, по пристрастіямъ въ отдачѣ одному рядчику всѣхъ по губерніи казенныхъ построекъ; *второе*, въ произведеніи оныхъ на мѣстахъ не сообразно конфирмованнымъ городамъ планамъ; *третіе*, въ употребленіи поселянъ безденежно и по нарядамъ для домовыхъ Губернатора надобностей; *четвертое*, въ отягощеніи ихъ поставкою лошадей при объѣздѣ его по губерніи, безъ соображенія и расчета на то времени; *пятое*, въ употребленіи штатной губернской роты солдатъ для домовой его услуги, и *шестое*, во властолюбіи, обязанности и званію его несоотвѣтственномъ и огорчающемъ публику. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, къ руководству вашему, сообщитъ вамъ въ подробности всѣ обстоятельства. Будучи увѣренъ въ усердіи, съ какимъ вы всякое возлагаемое на васъ дѣло исполняете, по всѣмъ симъ предметамъ, я ожидаю отъ васъ безпристрастнаго донесенія. Пребываю вамъ благосклонный

Александръ.

Въ С. Петербургѣ.
Ноября 6 дня
1808 года.

VI.

Господину Тайному Совѣтнику, Сенатору Дмитріеву.

Изъ произведеннаго вами слѣдствія, по случаю ввѣреннаго вамъ обревизованія Костромской губерніи, я усматриваю, съ какимъ вы усердіемъ употребили дѣятельность вашу къ точному исполненію сдѣланнаго вамъ порученія, и съ какимъ благоразуміемъ вездѣ обратили вы вниманіе на всѣ предметы онаго. Мнѣ весьма пріятно за таковый новый знакъ ревностнаго на пользу службы подвига вашего изъявить симъ особенное мое къ вамъ благоволеніе.

Александръ.

Въ С. Петербургѣ.
Марта 2 дня
1809.

К. Алексѣй Куракинъ.

VII.

Господину Тайному Совѣтнику и Сенатору Дмитріеву.

Найдя нужнымъ изъясниться съ вами о предметахъ, въ коихъ разумъ и извѣстная мнѣ опытность ваша могутъ быть государству полезны, я желаю, чтобъ по полученіи сего прибыли вы сюда. Мнѣ пріятно бы было видѣть васъ здѣсь къ наступающему новому году. Пребываю вамъ благосклонный

Александръ.

Въ С. Петербургѣ.
23 Декабря
1809.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ВЗГЛЯДЪ

НА МОЮ ЖИЗНЬ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Приступая къ отчету въ послѣднемъ моемъ государственномъ стуженіи, я почитаю не излишнимъ упомянуть слегка о первыхъ годахъ новаго правленія, достопамятныхъ важными перемѣнами и учрежденіями.

Ни одно царствованіе не имѣло столь блистательнаго начала. Между тѣмъ, какъ два корабля: *Нева* и *Надежда*, полетѣли вокругъ свѣта собирать сокровища наукъ и природы, устроивать счастіе подданныхъ новыхъ Россіи на островахъ Восточнаго Океана и заключать торговые договоры съ Японіей [1]: внутри Имперіи государственное управленіе раздѣлилось на министерства [2]; старый Совѣтъ, имѣвшій одинакое назначеніе при Екатеринѣ и Павлѣ, возведенъ на степень первенствующаго трибунала [3]; возникли еще пять университетовъ: въ Вильнѣ, Дерптѣ, Харьковѣ, Казани и въ Санктпетербургѣ [4]; въ немъ же открыты Гимназія для юношества всякаго состоянія и Педагогическое училище для образованія учителей. Въ то же время оживотворилась давняя Коммисія законовъ [5].

Усовершеніе оныя, равно какъ и управленіе Академіею Наукъ, Педагогическимъ Институтомъ и Гимназіей ввѣрено было Каммергеру и Товарищу Министра Юстиціи Новосильцову [6], бышему тогда еще въ мужествѣ лѣтъ и только лишь возвратившемуся изъ чужихъ краевъ. Ему же предоставлено было разсмотрѣніе всѣхъ проэктовъ, представляемыхъ правительству, покровительство Филантропическому Вольному Обществу и всякимъ полезнымъ изобрѣтеніямъ.

Всѣ таковыя по ученой части приращенія, всенародныя лекціи и законъ о производствѣ въ осьмой и пятой классы только тѣхъ, которые выдержатъ испытаніе и получатъ одобрительное свидѣтельство въ академическомъ образованіи, не мало послужили въ послѣдствіи къ распространенію любви къ словесности и просвѣщенію во всей Имперіи.

Первыми Министрами были: по Министерству Внѣшнихъ сношеній, Канцлеръ Графъ Воронцовъ [7]; Военныхъ и Сухопутныхъ силъ, Вязмитиновъ [8]; Морскихъ, Вице-Адмиралъ Мордвиновъ [9]; Юстиціи, Державинъ; Внутреннихъ Дѣлъ, Графъ Кочубей [10]. Сей послѣдній и Товарищи Министровъ: Князь Чарторижскій [11], Новосильцовъ и Чичаговъ [12] были ближайшія особы къ Государю.

Такимъ образомъ новыя министерства находились подъ вліяніемъ двухъ партій, изъ коихъ въ одной господствовали служивцы вѣка Екатерины, опытные, осторожные, привыкшіе къ старому ходу, нарушеніе коего казалось имъ возстаніемъ противъ святыни. Другая, которой главою былъ Графъ Кочубей, состояла изъ молодыхъ людей, образованнаго ума, получившихъ слегка понятіе о теоріяхъ новѣйшихъ публицистовъ и напитанныхъ духомъ преобразованій и улучшеній.

Такое соединеніе двухъ возрастовъ могло бы послужить въ пользу правительства. Дѣятельная предпріимчивость молодости, соединенная съ образованіемъ нашего времени, изобрѣтала бы способы къ усовершенію и оживляла бы опытную старость, а сія, на обмѣнъ, умѣряла бы лишнюю пылкость ея и избирала бы изъ предлагаемыхъ средствъ надежнѣйшія и болѣе сообразныя съ мѣстными выгодами и положеніемъ государства. Но, къ сожалѣнію, и самыя благородныя души не освобождаются отъ эгоизма, пораждающаго зависть и честолюбіе.

При новомъ образованіи Совѣта всѣ Министры, кромѣ Князя Куракина, смѣнившаго незадолго предъ тѣмъ Графа Кочубея, перемѣнены другими, сами же поступили въ Предсѣдатели департаментовъ Совѣта [13], а Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, пожалованный въ Канцлеры, въ небытность Государя, предсѣдательствовалъ въ Общемъ Собраніи Совѣта и въ Комитетѣ Министровъ. Прежнее же Министерство его Внѣшней и внутренней торговли уничтожилось, и дѣла его поступили въ Министерство Финансовъ. Государственнымъ Секретаремъ наименованъ М. М. Сперанскій. Онъ завѣдывалъ дѣла всѣхъ департаментовъ и сотрудниками своими имѣлъ по одному Статсъ-Секретарю въ каждомъ департаментѣ.

Въ Совѣтъ поступали на разсмотрѣніе: ежегодное назначеніе расходовъ по Министерствамъ, представленія Министровъ о какомъ либо новомъ устройствѣ въ ихъ управленіи, докладныя записки Государственнаго Контролера, сенатскія дѣла по Грузіи, о разсчетахъ частныхъ людей съ казною, о сложеніи денежныхъ взысканій и отсужденіи короннаго имущества въ частное владѣніе; тяжебныя дѣла между родителей съ дѣтьми и вообще всякаго рода дѣла, по коимъ Министръ Юстиціи не успѣлъ

склонить Сетаторовъ къ единогласному рѣшенію и не имѣлъ на своей сторонѣ двухъ третей голосовъ. Но важнѣйшимъ занятіемъ Совѣта было разсмотрѣніе проэкта новаго уложенія. Редакція или составленіе онаго поручено было Сперанскому, имѣвшему тогда первымъ помощникомъ въ томъ извѣстнаго юрисконсульта, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Розенкампфа.

Общее собраніе Совѣта засѣдало, въ каждый понедѣльникъ, въ присутствіи самаго Императора. Его Величество съ большимъ вниманіемъ слушалъ чтеніе проэкта законовъ и замѣчанія членовъ, изъ коихъ болѣе прочихъ бралъ въ томъ участіе Графъ Заводовскій; по прочимъ же дѣламъ Графъ Румянцовъ, Мордвиновъ и Графъ Кочубей. Сіи три члена въ образѣ изъясненій своихъ имѣли, каждый, особенное свойство: Мордвиновъ говорилъ съ живостію, иногда рѣзко и въ жару пренія не всегда соблюдалъ должнаго вниманія къ тому, съ кѣмъ не соглашался. Графъ Кочубей излагалъ мнѣніе свое довольно стройно, несбивчиво, но по привычкѣ своей болѣе къ французскому языку, изъясняется на своемъ съ меньшею легкостію. Канцлеръ же отъ обоихъ былъ отмѣненъ: одаренный голосомъ благозвучнымъ, онъ говорилъ плавно, не ища словъ, съ какимъ-то спокойствіемъ, съ благородною откровенностію; противорѣчилъ хладнокровно, съ возможною вѣжливостію, даже и тому, кто въ выраженіяхъ былъ иногда колокъ. Особенно я любовался Графомъ Румянцовымъ, когда онъ обращалъ рѣчь свою къ Государю. Никто изъ вельможъ того времени не изъяснялся предъ нимъ такъ искренно, такъ смѣло и съ такою притомъ глубокою почтительностію къ августѣйшей особѣ.

Разумѣется, что я говорилъ здѣсь о природной только

способности къ изъясненію мыслей, а не объ ораторскомъ искусствѣ. Въ отношеніи къ послѣднему, можно безъ ошибки сказать, что кромѣ Сперанскаго ни одинъ въ Совѣтѣ не умѣлъ бы самъ изложить своего мнѣнія на бумагѣ съ соблюденіемъ всѣхъ условій, какія требуются въ сочиненіяхъ сего рода. И не удивительно: еще не прошло двадцати лѣтъ, какъ мы образумились, и начали дѣтей нашихъ обучать правиламъ отечественнаго языка.

Но уже пора мнѣ обратиться къ новому моему назначенію. Я нашелъ Министрами: Внѣшнихъ сношеній, Канцлера Графа Николая Петровича Румянцова; Внутреннихъ дѣлъ, какъ уже сказано выше, Князя Алексѣя Борисовича Куракина, а Товарищемъ его Осипа Петровича Козодавлева [14]; Военныхъ Сухопутныхъ силъ, Барклая-де-Толли [15]; Морскихъ, Маркиза-де-Траверсе [16]; Финансовъ, Дмитрія Александровича Гурьева [17]; Народнаго Просвѣщенія, Графа Разумовскаго [18]. Кромѣ первыхъ двухъ, прочіе вошли вмѣстѣ со мною.

При первомъ обзорѣ всѣхъ частей моего Министерства, я уже видѣлъ, что многаго не достаетъ къ успѣшному ходу этой машины: излишнія инстанціи, служащія только къ проволочкѣ дѣлъ и въ пользу ябеднических изворотовъ; недостаточное назначеніе суммъ на содержаніе судебныхъ мѣстъ, особенно же Палатъ Гражданскихъ и Уголовныхъ; опредѣленіе чиновниковъ къ должностямъ большею частью на удачу, по проискамъ или чрезъ покровительство; неравенство въ жалованьѣ и производствѣ въ чины: палатскіе Предсѣдатели оставались и за выслугою узаконеннаго срока, по нѣскольку лѣтъ безъ повышенія, между тѣмъ, какъ молодые люди, числящіеся только въ службѣ при Министерствахъ, летѣли изъ чина

въ чинъ, даже и безъ выслуги лѣтъ, и награждаемы были знаками отличія.

Съ тою же безпечностью опредѣляемы были въ Сенатъ Оберъ-Прокуроры и Оберъ-Секретари, первые большею частію молодые люди изъ придворной или военной службы, благовоспитанные, но неопытные и поваженные къ изощренію себя болѣе въ снисканіи выгодныхъ связей и покровительства для полученія знаковъ отличій. Послѣдніе поступали также отвсюду; изпещрены были второстепенными орденами, но нѣкоторые изъ нихъ не умѣли порядочно составить даже и неважнаго опредѣленія. Какая разница между старинными и нынѣшними Секретарями! Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ Оберъ-Секретарь Крамаренковъ переводилъ Монтескье *О Духѣ Законовъ* [19], а Богаевскій, Юстія *О благосостояніи царствъ* [20]. Послѣдняго я еще засталъ въ Сенатѣ, но уже въ глубокой старости.

Обращая особенное вниманіе къ Сенату, долженствующему быть образцомъ для прочихъ судилищъ, я горѣлъ желаніемъ охранить его достоинство, возвратить ему прежнюю важность; но какъ это зависѣло болѣе отъ качествъ и опытности членовъ, составляющихъ сословіе Сенаторовъ, то и предполагалъ, что не безполезно было бы настоящее постановленіе о Сенатѣ дополнить слѣдующимъ:

Въ каждый департаментъ Сената опредѣлять по непремѣнному и равному числу Сенаторовъ, чтобы несмотря на отпуски, положенное время отдохновенія, или болѣзнь Сенатора, всегда было достаточное число для полнаго присутствія.

Въ случаѣ отставки или кончины Сенатора, даровать Сенату право избирать на его мѣсто изъ списка канди-

датовъ, и представлять о избранномъ на высочайшее усмотрѣніе Государя.

Списокъ же кандидатовъ составлять преимущественно изъ Губернаторовъ, прослужившихъ въ послѣднемъ званіи не менѣе пяти лѣтъ.

Подвергнуть Сенатора строгой отвѣтственности, если, по разсмотрѣніи дѣла въ общемъ собраніи Сената или Государственнаго Совѣта, откроется, что оное перенесено было за несогласіемъ его съ прочими, по одному только видимому упрямству или пристрастію.

Поставить Министру въ обязанность, при концѣ каждаго года, представлять на высочайшее усмотрѣніе списокъ всѣхъ Сенаторовъ и ходатайствовать о награжденіи знакомъ отличія, арендою или столовыми деньгами трехъ Сенаторовъ, отличившихся предъ прочими дѣятельнымъ участіемъ въ дѣлахъ и безпристрастнымъ сужденіемъ. Такое положеніе заставило бы всѣхъ неблагонамѣренныхъ или безголосныхъ, тупыхъ Сенаторовъ, обходимыхъ нѣсколько лѣтъ сряду въ наградахъ, или исправиться, или выходить въ отставку, а достойныхъ поощрило бы къ бо́льшему соревнованію.

Не возлагать, наконецъ, на Сенатора никакой посторонней должности, ни по Опекунскому Совѣту, ни губернаторской, ни по комитетамъ, ни по Министерствамъ, гдѣ нынѣ они, для скорѣйшаго полученія ленты или аренды, добровольно подчиняютъ себя Министрамъ и, къ униженію достоинства своего званія, заступаютъ мѣста почти Экспедиторовъ.

Сверхъ того я признавалъ весьма полезнымъ учредить, въ разныхъ мѣстахъ Имперіи, училища законовѣдѣнія со всѣми принадлежащими къ тому пособіями, для дворянскихъ, купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей, съ тѣмъ, чтобъ

отличившихся въ успѣхахъ, по достиженіи двадцатилѣтняго возраста, воспитанниковъ изъ дворянскаго сословія выпускать съ чиномъ Губернскаго Секретаря, а прочихъ съ похвальнымъ аттестатомъ и правомъ вступленія въ гражданскую службу обыкновеннымъ порядкомъ.

При надлежащемъ надзорѣ за таковыми училищами можно было бы, чрезъ десять лѣтъ по учрежденіи оныхъ, постановить, чтобъ никого изъ стряпчихъ не допускать къ хожденію по дѣламъ безъ одобрительнаго свидѣтельства отъ одного изъ сихъ училищъ.

Такимъ образомъ невѣжество и ученичество мало по малу истребилось бы совершенно между судьями и приказными служителями, да и самые стряпчіе были бы поставлены въ необходимость усовершать себя въ законовѣдѣніи и учиться грамматическимъ правиламъ отечественнаго языка.

Всѣ сіи замѣчанія и предположенія были плодомъ наблюденій моихъ въ продолженіи оберъ-прокурорской и сенаторской службы; оставалось бы представить ихъ на высочайшее благоусмотрѣніе Государя, но мнѣ еще въ первые дни вступленія моего въ Министерство сказано было, или дано почувствовать, что всѣ нововведенія должно отложить до разсмотрѣнія проэкта новаго образованія двухъ Сенатовъ: Правительствующаго и Судебнаго, уже почти приведеннаго къ окончанію.

И такъ я, съ перваго шага, принужденъ былъ ограничить себя исправленіемъ только разныхъ упущеній и строгимъ надзоромъ за соблюденіемъ стараго, узаконеннаго порядка.

Въ слѣдствіе того, по канцеляріи Общаго Собранія Сената, составленъ полный настольный реэстръ нерѣшенныхъ дѣлъ; ибо старый поданъ былъ мнѣ въ клочкахъ и

недописанный, за что Оберъ-Секретарь Общаго Собранія и потерялъ свое мѣсто. Всѣ, такъ называемыя, *казусныя дѣла*, взносимыя изъ частныхъ департаментовъ и лежавшія съ давняго времени безъ разрѣшенія, пущены въ ходъ, по старшинству ихъ вступленія. По Герольдіи заведенъ также исправный списокъ всѣхъ чиновниковъ, причисленныхъ къ оной до опредѣленія впредь къ гражданскимъ должностямъ, ибо старый найденъ столь же неисправнымъ, какъ и по Общему Собранію. Всѣмъ Оберъ-Прокурорамъ предписано представлять къ опредѣленію въ Сенатскіе Секретари непремѣнно изъ Сенатскихъ же Повытчиковъ. Такое распоряженіе основано было на томъ, что и двухъ-лѣтняя служба въ сей должности можно признать за несомнѣнное свидѣтельство и способности Повытчика къ приказному дѣлу, и его добраго поведенія. Приняты были строжайшія мѣры, чтобъ никто изъ иностранныхъ учителей, торгашей, цѣховыхъ и отпущенниковъ не опредѣляемъ былъ въ гражданскую службу, какъ то̀ прежде водилось, для полученія, не служа, офицерскаго чина. Поводомъ къ тому были два случая: отъ одного изъ Оберъ-Прокуроровъ представлено было мнѣ объ опредѣленіи въ его канцелярію иностранца, и открылось, что онъ ходитъ по домамъ обучать англійскому языку; а отъ Московской Герольдмейстерской Конторы представленъ былъ къ повышенію въ 14 классъ, извѣстный по Москвѣ, русскій портной Зимулинъ: онъ не только не служилъ, но еще и получалъ въ жалованье сторублевый окладъ. По моему предложенію, Сенатъ обратилъ его въ первобытное состояніе, а благодѣтелей его предалъ суду Уголовной Палаты.

Равнымъ образомъ и Департаментъ Министерства Юстиціи вскорѣ очищенъ былъ отъ приказныхъ трутней, при-

численныхъ къ нему не для службы, а единственно для полученія даромъ чиновъ и отличій.

При всѣхъ моихъ предмѣстникахъ засѣданіе Консультаціи, состоящей изъ Оберъ-Прокуроровъ и трехъ Юрисконсультовъ; всегда происходило въ министерскомъ домѣ, подъ предсѣдательствомъ самаго Министра; но я предоставилъ ей слушать заключеніе очереднаго Юрисконсульта и судить о предложенномъ дѣлѣ въ моемъ отсутствіи, дабы не стѣснять свободы каждаго въ изложеніи своего мнѣнія и не давать ему ни малѣйшаго направленія. Послѣ Консультаціи составлялся журналъ и за подписаніемъ всѣхъ присутствующихъ представляемъ былъ на мое разсмотрѣніе. Я утверждалъ общее или частное мнѣніе, или соглашалъ Сенаторовъ на основаніи собственнаго моего заключенія.

Для той же причины я остерегался преждевременно вмѣшиваться и въ дѣла сенатскихъ департаментовъ; но старался только увѣрить Сенаторовъ и Оберъ-Прокуроровъ, что я угодникъ однимъ законамъ и ни въ какомъ случаѣ не убоюсь охранять ихъ. Съ удовольствіемъ скажу, къ чести Сената, что онъ, въ продолженіи моего министерства, доказалъ свою твердость и безпристрастіе. Въ примѣръ тому довольно привести одинъ случай.

Сенаторъ и Сибирскій Генералъ-Губернаторъ Иванъ Борисовичъ Пестель [21], человѣкъ умный и вѣроятно безкорыстный, но слишкомъ честолюбивый, наклонный къ раздражительности и самовластію, въ короткое время пребыванія своего въ Сибири, сдѣлался грозою цѣлаго края, преслѣдуя и предавая суду именитыхъ гражданъ, откупщиковъ и гражданскихъ чиновниковъ. Онъ уничтожалъ самопроизвольно контракты частныхъ людей съ казною, ссылалъ безъ суда за Байкальское озеро; служа-

щихъ въ одной губерніи, отправлялъ за три тысячи верстъ въ другую и отдавалъ подъ судъ тамошней Уголовной Палаты, наконецъ возсталъ и противъ своихъ Губернаторовъ, изъ коихъ два [22], по его представленію, были отрѣшены отъ должности и судимы Сенатомъ.

Когда же важнѣйшія изъ слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлъ поступили на разсмотрѣніе Сената, тогда онъ испросилъ, чрезъ предмѣстника моего, дозволеніе прибыть въ столицу, дабы личнымъ пребываніемъ имѣть вліяніе на сенатское производство по всѣмъ дѣламъ его. Этого мало: бывшій Министръ столько ему доброхотствовалъ, что исходатайствовалъ даже высочайшее повелѣніе присутствовать ему, по Сибирскимъ дѣламъ, въ Первомъ и Уголовномъ департаментахъ и въ Общемъ Собраніи Сената.

Такимъ образомъ Пестель, въ одно время, сталъ истцомъ и судьею въ собственномъ дѣлѣ; но большая часть Сенаторовъ, несмотря на личное его присутствіе, ни даже на непоколебимую довѣренность къ нему верховной власти; несмотря и на то, что всѣ сенатскія рѣшенія по Сибирскимъ дѣламъ исключительно переносимы были, какъ будто по недовѣрію къ Сенату, въ Государственный Совѣтъ на разсмотрѣніе, обвиняли Пестеля въ глаза и оправдывали часто подсудимыхъ. Послѣдствія доказали, что Сенатъ соблюлъ все свое достоинство. Чрезъ два или три года послѣ того Пестель облеченъ былъ въ званіе члена Государственнаго Совѣта [23], но въ тоже время новый Сибирскій Генералъ-Губернаторъ, М. М. Сперанскій, получилъ повелѣніе изслѣдовать о всѣхъ злоупотребленіяхъ сибирскаго начальства [24]. Истина восторжествовала. Виновные преданы суду, а бывшій Генералъ-Губернаторъ отставленъ вовсе отъ службы.

Въ первый годъ моего министерства, сверхъ обязан-

ности моей по судебной части Сената, озабоченъ я былъ торгами по винному откупу. Въ Августѣ оные кончились. Казна противъ прежнихъ откуповъ получила до нѣсколько милліоновъ наддачи. Въ этомъ дѣлѣ вся честь принадлежала усердію и опытности Министра Финансовъ, который нѣкогда и самъ былъ откупщикомъ. Я только не мѣшалъ ему.

Но Государь Императоръ, 30-го того же мѣсяца, въ день своего тезоименитства, благоволилъ пожаловать мнѣ орденъ св. Александра Невскаго и единовременно пятдесятъ тысячь рублей. Въ тотъ же день, послѣ обѣденнаго стола, будучи принятъ въ императорскомъ кабинетѣ для принесенія моей благодарности, я имѣлъ счастіе исходатайствовать Перваго департамента Оберъ-Прокурору Баранову [25], бывшему моему однополчанину, орденъ св. Анны перваго класса, не взирая на то, что онъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ уже удостоился получить, за труды его по откупной части, золотую табакерку съ алмазнымъ императорскимъ вензелемъ. Признаюсь, что этотъ день былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни.

По мѣрѣ свычки съ моею должностью и опытности, мною пріобрѣтаемой, служба моя казалась мнѣ день отъ дня легче. Я сожалѣлъ только о томъ, что еженедѣльныя засѣданія въ Комитетѣ Министровъ, непрестанное отправленіе текущихъ дѣлъ, состоящихъ большею частію въ мелочныхъ перепискахъ съ другими Министерствами, и частые этикетные выѣзды ко двору отнимали у меня часы, которые могъ бы я проводить съ большею пользою, занимаясь дѣлами, входящими на Консультацію, или обдумываніемъ наединѣ средствъ къ усовершенію хода ввѣреннаго мнѣ департамента.

По крайней мѣрѣ я доволенъ былъ тѣмъ, что успѣлъ

хотя отчасти исполнить то, что лежало у меня на сердцѣ, когда былъ еще Оберъ-Прокуроромъ: изданіе коренныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ областяхъ, присоединенныхъ къ Россіи. На первый случай разсмотрѣнъ, повѣренъ съ лучшими изданіями, исправленъ въ слогѣ, хотя и не совершенно, и въ 1811 году напечатанъ былъ старый переводъ Литовскаго Статута. Кромѣ выгоды, доставленной тѣмъ присоединеннымъ польскимъ губерніямъ и самимъ русскимъ чиновникамъ въ гражданской службѣ, сенатское казначейство продажею Статута получило знатное приращеніе въ своихъ доходахъ. Жаль, что краткость времени не допустила меня издать полныхъ переводовъ и прочихъ узаконеній, равно устроить на лучшемъ основаніи архивы. Они, годъ отъ года болѣе, нагружаются бумагами и грозятъ необходимостью закладывать для нихъ при каждомъ судѣ двухъ-этажныя зданія.

Весь этотъ годъ замѣчателенъ былъ большою дѣятельностью въ Государственномъ Совѣтѣ, по дѣламъ Законодательной Коммиссіи. Послѣ проэкта новаго гражданскаго уложенія приступлено было къ разсмотрѣнію проэкта учрежденія двухъ Сенатовъ: Правительствующаго и Судебнаго. На основаніи сего проэкта, Правительствующій Сенатъ (*) долженствовалъ состоять изъ Государственныхъ Министровъ, главныхъ начальниковъ разныхъ частей управленія, и подъ предсѣдательствомъ самаго Государя, а въ отсутствіи его Государственнаго Канцлера. Онъ завѣдывалъ бы дѣла исполнительныя: *общія*, коихъ рѣшеніе принадлежало бы ему по свойству ихъ и степени ввѣренной ему власти, и *особенныя*, зависящія непосредственно отъ высочайшаго рѣшенія.

(*) Все сіе выписано почти слово въ слово изъ самаго проэкта.

Въ Судебномъ Сенатѣ предсѣдательствовалъ бы также самъ Императоръ; въ отсутствіи же его, мѣсто предсѣдателя занималъ бы одинъ изъ высшихъ государственныхъ чиновъ, по высочайшему назначенію. Судебный Сенатъ долженствовалъ быть составленъ изъ Сенаторовъ, опредѣленныхъ непосредственно державною властію и избранныхъ дворянствомъ каждой губерніи изъ своего сословія. Онъ раздѣлялся бы, по пространству его дѣйствія, на *округи*, по роду дѣлъ, на *департаменты*, по свойству ихъ, на *отдѣленія*. Мѣстопребываніе округовъ его назначалось въ обѣихъ столицахъ, въ Кіевѣ и Казани. Каждое отдѣленіе и каждый департаментъ предполагаемо было составить изъ одного Предсѣдателя и извѣстнаго числа Сенаторовъ. Для надзора за порядкомъ производства дѣлъ, въ каждомъ отдѣленіи, назначался Оберъ-Прокуроръ, а для производства и приготовленія оныхъ потребное число Рекетмейстеровъ (вмѣсто нынѣшнихъ Оберъ-Секретарей) и ихъ помощниковъ. Общее Собраніе Сената, въ каждомъ округѣ, составлялось изъ Предсѣдателя Сената, изъ Предсѣдателей и Сенаторовъ всѣхъ соединенныхъ департаментовъ, а для высшаго надзора за порядкомъ дѣлъ въ каждомъ округѣ назначался Генералъ-Прокуроръ, который былъ бы подчиненъ Министру Юстиціи и состоялъ бы въ точной его зависимости.

Въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, Сенаторъ Иванъ Алексѣевичъ Алексѣевъ [26] и я подавали свои голоса противъ нѣкоторыхъ положеній проэкта. Государственный Секретарь, какъ редакторъ онаго, опровергалъ ихъ. Большая же часть членовъ была на сторонѣ проэкта, или лучше сказать, на сторонѣ домашнихъ разсчетовъ.

Большинство голосовъ хотя и удостоилось Высочайшаго утвержденія, но проэктъ остался не приведеннымъ въ законную силу, вѣроятно, по случаю важной перемѣны въ судьбѣ и самаго редактора.

Въ первый день 1812 года возложенъ былъ на него орденъ св. Александра Невскаго, а въ исходѣ Февраля или въ Мартѣ, точно не помню, уже не было его въ Петербургѣ [27]. Въ самый обѣдъ получа повелѣніе быть съ докладомъ, онъ спѣшитъ во дворецъ; входитъ въ секретарскую комнату и застаетъ въ ней Министра Духовныхъ Дѣлъ, Князя Голицына [28], которому также назначенъ былъ докладной часъ. Сперанскій въ ту же минуту позванъ былъ въ кабинетъ къ Государю. Часа чрезъ два, онъ выходитъ оттуда въ большомъ смущеніи, съ заплаканными глазами, и бросается къ столу, для укладыванія въ портфель своихъ бумагъ, оборотясь къ Князю Голицыну спиною, вѣроятно, чтобы имъ не примѣчено было его смятеніе. Запря портфель, не сказавъ ни слова, онъ поспѣшно ушелъ изъ комнаты, но уже войдя въ темныя сѣнцы предъ корридоромъ, онъ какъ бы опомнился, отворилъ опять до половины дверь и сказалъ Князю: «прощайте, Ваше Сіятельство,» —и скрылся [29]. Это я слышалъ отъ самаго Князя. Дополню слышаннымъ отъ другаго: изъ дворца онъ поскакалъ прямо къ пріятелю своему, Статсъ-Секретарю Магницкому [30]. Тамъ сказываютъ ему, что Министръ Полиціи [31] увезъ его въ своей каретѣ, а бумаги его всѣ опечатаны. Онъ пріѣзжаетъ въ свой домъ, и уже находитъ въ немъ Министра Полиціи съ чиновникомъ своимъ Сангленомъ [32]. Требуютъ отъ него ключей отъ кабинета и приступаютъ къ разбору и описи всѣхъ бумагъ. Сперанскій просилъ Министра, чтобъ онъ позволилъ ему отложить нѣкоторыя бумаги въ особый пакетъ,

и за его печатью вручить оный вмѣстѣ съ его письмомъ, при первомъ случаѣ, Государю. Министръ согласился и, по окончаніи своего дѣла, объявилъ ему отъѣздъ въ Нижній Новгородъ, куда онъ въ тотъ же день и отправился, подъ присмотромъ фельдъегеря. Такимъ же образомъ отвезенъ и Магницкій на житье въ Вологду.

Причины столь неожиданнаго происшествія остались и донынѣ для многихъ тайною. Одни приписывали паденіе Сперанскаго проискамъ Барона Армфельда [33], бывшаго любимца Густава Третьяго и, послѣ присоединенія къ Имперіи Шведской Финляндіи, пользовавшагося короткое время благоволеніемъ Государя; другіе, недоброхотству Министра Полиціи. Первое предположеніе, кажется, ближе къ правдѣ. По крайней мѣрѣ, вскорѣ по удаленіи Сперанскаго, появилась на французскомъ языкѣ рукопись, въ которой Государственный Секретарь обвиняемъ былъ въ разрушеніи коллегіальнаго порядка, введеніи, по разнымъ частямъ управленія, новизны, болѣе ко вреду, нежели къ пользѣ общественной, въ чертахъ весьма рѣзкихъ, но увеличенныхъ (I).

Министръ же Полиціи, только съ Августа одиннадцатаго года, получилъ тайное приказаніе примѣчать за поступками Сперанскаго. Въ то время никто и не подозрѣвалъ того. Всякій разъ, когда онъ ни входилъ отъ Государя въ залу Общаго Собранія Совѣта, нѣкоторые изъ членовъ обступали съ шептаньемъ, отбивая одинъ другаго, между тѣмъ какъ многіе изъ за нихъ въ безмолвіи обращались къ нему, какъ подсолнечники къ солнцу и домогались ласковаго его воззрѣнія.

Въ тайномъ же надзорѣ за Сперанскимъ, удостовѣрилъ меня и разговоръ Государя со мною. Однажды онъ, остановя докладъ мой по дѣламъ, изволилъ сказать мнѣ:

„Какъ ты думаешь? Можно ли употребить Карамзина къ письмоводству? Разумѣется, не съ тѣмъ, чтобъ отвлечь его отъ настоящаго занятія, но его званію Исторіографа; но чтобъ иногда только поручать ему кабинетскую работу: мнѣ давно извѣстенъ авторскій талантъ его, но я видѣлся съ нимъ только однажды, мимоходомъ, въ Оружейной Палатѣ, когда пріѣзжалъ съ сестрою Екатериною Павловною въ Москву [34]. Она мнѣ указала его. Я желалъ бы съ нимъ сближиться." — Отвѣчавъ на то, что было можно, я осмѣлился доложить Государю, позволено ли будетъ мнѣ сообщить Карамзину о томъ, что имѣлъ счастіе слышать.—„Съ тѣмъ то я и началъ рѣчь объ немъ, отвѣчалъ Императоръ: ты можешь отписать къ нему, что я скоро поѣду въ Тверь для свиданія съ сестрою [35]; хорошо было бы, еслибъ онъ къ тому же времени туда пріѣхалъ".

Послѣдствіемъ сего было только то, что Государь, возвратясь изъ Твери, изволилъ сказать мнѣ, что онъ очень доволенъ новымъ знакомствомъ съ Исторіографомъ, и столько же отрывками изъ его Исторіи, которые онъ, въ первый вечеръ, прослушалъ до втораго часа ночи. Даже изволилъ вспомнить, что было читано: о древнихъ обычаяхъ Россіянъ и о нашествіи Монголовъ на Россію.

Теперь остается мнѣ передать то, что сказано мнѣ было самимъ Государемъ, на счетъ Сперанскаго. Послѣ его удаленія два раза отказано мнѣ было въ личномъ докладѣ; въ третій же допущенъ въ кабинетъ, и Государь, при входѣ моемъ, изволилъ сказать: „Не сердись, что я два раза не принималъ тебя: причиною тому все эта пакостная исторія"—и тотчасъ сталъ мнѣ разсказывать, что Сперанскій, за двѣ комнаты отъ кабинета, позволилъ себѣ, въ присутствіи близкихъ къ нему людей, опорочивать

политическія мнѣнія нашего правленія, ходъ внутреннихъ дѣлъ, и предсказывать паденіе Имперіи. „Этого мало, продолжалъ Государь: онъ простеръ наглость свою даже до того, что захотѣлъ участвовать въ государственныхъ тайнахъ". Съ этимъ словомъ, Государь, подойдя къ другому столу, выдернулъ изъ лежавшихъ на немъ бумагъ листъ, писанный рукою Сперанскаго, и подавая мнѣ, изволилъ сказать: «Вотъ письмо его и собственное признаніе».— «Прочитай самъ», примолвилъ Его Величество, указавъ пальцемъ на первыя строки одного параграфа. Содержаніе онаго состояло въ томъ, что Сперанскій предупреждалъ Государя, что между запечатанными въ особомъ конвертѣ бумагами найдены будутъ двѣ перелюстрованныя реляціи отъ нашего посла при Датскомъ дворѣ, которыя могутъ обвинить его, но что онъ клянется въ своей невинности; что къ полученію оныхъ отъ Совѣтника Бека [36] подвигло его не другое что, какъ одно любопытство, а еще болѣе искреннее участіе въ благоденствіи и славѣ отечества.

Желательно знать малѣйшія подробности о тѣхъ, кои выходятъ изъ круга людей обыкновенныхъ. И такъ скажемъ еще нѣсколько словъ о Сперанскомъ.

Отецъ его священникъ Владимірской епархіи; но дѣдъ его, какъ онъ самъ сказывалъ мнѣ, былъ хорунжимъ въ Малороссійскомъ казачьемъ войскѣ. Родовое прозвище его *Грамматинъ*; Сперанскимъ же переименованъ въ училищѣ, вѣроятно въ надеждѣ на его дарованія. Окончивъ курсъ наукъ въ Александроневской Духовной Академіи, онъ вышелъ въ свѣтское состояніе, и на первомъ шагу принятъ былъ въ домъ Князя Алексѣя Борисовича Куракина для обученія дѣтей его русской грамматикѣ и словесности. Здѣсь онъ, обращаясь въ такомъ

обществѣ, гдѣ господствующимъ языкомъ былъ не природный, а французскій, началъ прилежать къ изученію онаго, и достигъ до того, что сталъ говорить и писать по французски бѣгло и правильно, какъ на отечественномъ языкѣ [37].

При восшествіи на престолъ Императора Павла, Князь Куракинъ, получа званіе Генералъ-Прокурора, принялъ Сперанскаго въ гражданскую службу, и опредѣлилъ въ свою канцелярію. Съ того времени начали развиваться способности его къ письмоводству. Проэкты манифестовъ, указовъ, учрежденій, докладныя записки, все это поручаемо было сочинять только Сперанскому, ибо никто въ канцеляріи не имѣлъ болѣе образованности и не писалъ лучше его.

Съ перемѣною Министровъ не перемѣнялось счастіе его по службѣ. Онъ былъ нуженъ равно всѣмъ Генералъ-Прокурорамъ. Каждый награждалъ труды его. Сверхъ обыкновенной должности Экспедитора, онъ былъ еще Правителемъ канцеляріи въ Коммисіи о продовольствіи столицы, состоявшей подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника. Здѣсь онъ имѣлъ счастіе обратить на себя его вниманіе [38].

При учрежденіи Министерствъ, Сперанскій перешелъ въ Министерство внутреннихъ дѣлъ, и находился при Министрѣ онаго, Графѣ Кочубеѣ. Онъ былъ у него самымъ способнымъ и дѣятельнымъ работникомъ. Всѣ проэкты новыхъ постановленій и ежегодные отчеты по Министерству были имъ писаны. Послѣдніе имѣли не только достоинство новизны, но и со стороны методическаго расположенія, весьма рѣдкаго и понынѣ въ нашихъ приказныхъ бумагахъ, историческаго изложенія по каждой части управленія, по искусству въ слогѣ, могутъ послужить руководствомъ и образцами.

Вскорѣ по выходѣ изъ Министерства Графа Кочубея послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя Министра Юстиціи, свѣтл. Князя Лопухина, о употребленіи Сперанскаго, бывшаго уже Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св. Анны перваго класса [39], по занятіямъ Коммиссіи Законовъ, для ускоренія *сколь можно*, такъ сказано въ рескриптѣ, *совершеніемъ трудовъ, возложенныхъ на Коммиссію составленія законовъ*, и объ личномъ докладѣ его, по дѣламъ сей Коммиссіи, *подлежащимъ* усмотрѣнію Государя. Почти въ то же время онъ сопровождалъ Императора въ Эрфуртъ для свиданія съ Наполеономъ [40].

По возвращеніи оттуда Сперанскій пожалованъ чиномъ Тайнаго Совѣтника; потомъ получилъ званіе Товарища Министра Юстиціи и, наконецъ, Государственнаго Секретаря [41]. Тогда онъ былъ на самой высокой случайности: одинъ только Канцлеръ равнялся съ нимъ въ благоволеніи и довѣренности Государя. Никто не смѣлъ и думать о томъ, чтобы кто могъ поколебать ее, но послѣдствіе доказало, что все можетъ быть сбыточнымъ.

Изъ Нижняго Новгорода, онъ перевезенъ былъ въ Пермь; отсюда же, по прошествіи года [42], позволено было ему жить въ деревнѣ тещи его, въ Новгородской губерніи. Потомъ онъ опредѣленъ былъ Губернаторомъ въ Пензу [43], а чрезъ два года Генералъ-Губернаторомъ во всей Сибири [44], съ порученіемъ произвести на мѣстѣ слѣдствіе по давнимъ жалобамъ на тамошнее начальство, объѣхать Сибирь до самой Кяхты и сочинить проэктъ новаго управленія тѣмъ краемъ. По исполненіи сего онъ вызванъ въ Петербургъ и облеченъ въ званіе члена Государственнаго Совѣта [45]. Сибирь же, на основаніи проэкта его, раздѣлена на двѣ части, Западную и Восточ-

ную, а управленіе оными ввѣрено двумъ Генералъ-Губернаторамъ.

Изъ извѣстныхъ мнѣ современниковъ одинъ только покойникъ Храповицкій А. В. могъ равняться съ Сперанскимъ въ способности къ письмоводству. Онъ всегда былъ готовъ къ работѣ. Часто выходя отъ Императора, онъ садился въ такъ называемой секретарской комнатѣ за столъ и начиналъ писать указъ или рескриптъ съ такою легкостію, какъ будто излагалъ что либо затверженное наизусть, несмотря на то, что вокругъ его въ пять голосовъ говорили.

Я любилъ его, когда онъ еще былъ Экспедиторомъ въ канцеляріи Генералъ-Прокурора, находя въ немъ болѣе просвѣщенія, благородства и привѣтливости, нежели въ его сотоварищахъ. Въ послѣдствіи же имѣлъ причину и уважать его, какъ государственнаго человѣка, способнаго и трудолюбиваго. Но не было между нами короткаго знакомства. И прежде и послѣ, взаимное обращеніе наше ограничивалось только взаимнымъ вниманіемъ. На другой же годъ моего министерства я замѣтилъ въ немъ даже и нѣкоторую ко мнѣ холодность. Не трудно мнѣ было отгадать тому причину: по проницательносги ума его, онъ не могъ ни бояться меня, чуждаго всѣхъ хитростей и козней, около двора употребляемыхъ, ни надѣяться съ моей стороны, во всякомъ случаѣ, безусловнаго съ нимъ согласія. Къ тому же я не поладилъ съ Оберъ-Прокуроромъ Столыпинымъ [46], бывшимъ подъ особеннымъ его покровительствомъ. Не могъ и не хотѣлъ также, противъ совѣсти, защищать давняго знакомца его Могилянскаго [47] противъ справедливой жалобы на него кіевскаго губернскаго начальства. Но это не мѣшало мнѣ отдавать ему полную справедливость, и желать искренно,

чтобы важный трудъ его, новое уложеніе, которому онъ посвятилъ свои способности, лучшіе годы жизни своей, усовершенный Государственнымъ Совѣтомъ, и въ послѣдствіи собственною опытностію, скорѣе былъ довершенъ и обнародованъ. Тогда бы имя его дошло до потомства.

Въ числѣ государственныхъ особъ того времени, одинъ только Осипъ Петровичъ Козадавлевъ имѣлъ со мною пріятельское знакомство. Мы два раза сходились на одномъ поприщѣ, вмѣстѣ были и Оберъ-Прокурорами. Можетъ быть, съ его стороны и бывали затѣи къ удержанію преимущества въ благоволеніи къ намъ нашихъ начальниковъ; но никогда онъ не подавалъ мнѣ повода къ разрыву нашей связи. Даже и по выходѣ моемъ изъ министерства до самой кончины его онъ постояннымъ образомъ поддерживалъ нашу связь и доказывалъ свое ко мнѣ вниманіе. Это былъ человѣкъ умный, образованный въ Лейпцигскомъ университетѣ, упражнявшійся въ молодыхъ лѣтахъ въ русской словесности [48] и охотный къ услугамъ. Можетъ быть, нѣсколько искательный и привязчивый къ колесу фортуны, но за то примѣрный мужъ, родственникъ и господинъ въ отношеніи къ своимъ домочадцамъ. Прочіе же всѣ, кромѣ почтеннаго Канцлера, Барклая-де-Толли и Маркиза де-Траверсе, были ко мнѣ довольно равнодушны. Большая часть вельможъ держатся одного правила—уважать только того, кого боишься, или отъ кого надѣешься получить какую либо выгоду, быть глухимъ и нѣмымъ на счетъ добраго дѣла своего ближняго и нескромнымъ при случаѣ малѣйшаго его промаха. Не распространяясь далѣе, изобразимъ свойство сего круга одною чертою.

Въ день Свѣтлаго Воскресенья я слушалъ заутреню

и обѣдню въ дворцовой церкви, и остался съ нѣкоторыми во дворцѣ ожидать обѣденнаго стола. Между тѣмъ пришло мнѣ на умъ спросить одного изъ старѣйшихъ въ нашемъ кругѣ [49], не требуетъ ли дворскій этикетъ, или свѣтское приличіе, поздравить съ наступившимъ праздникомъ Принцессу Амалію, сестру Императрицы, и Принца съ Принцессою Виртембергскихъ, имѣвшихъ во дворцѣ свое пребываніе? Онъ рѣшительно сказалъ мнѣ, что его *и нога не бывала у нихъ*. Потомъ я обратился къ другому: тотъ отвѣчалъ, что онъ право не знаетъ, что сказать на мой вопросъ; *покрайней мѣрѣ самъ никогда того не дѣлалъ*. Я рѣшился идти на удачу; но встрѣтя въ сѣняхъ добраго Маркиза де-Траверсе, предложилъ ему быть моимъ спутникомъ: „Съ радостію пошелъ бы съ вами, отвѣчалъ онъ; но лишь только теперь былъ у нихъ вмѣстѣ съ Графомъ ***"—съ тѣмъ самымъ, который *никогда того не дѣлалъ!!* И такъ я, придворный новичокъ, уже смѣло устремился къ моей цѣли и нашелъ въ передней комнатѣ обѣихъ Принцессъ на столѣ по листу для записыванія поздравителей, и на обоихъ листахъ имена моихъ *безпечныхъ*, которыхъ *и нога тамъ не бывала*.— Какъ назвать этотъ поступокъ? Почти невинною привычкою—во всякомъ случаѣ, даже и въ неважномъ, выставлять себя и затирать другаго. Промахъ мой не имѣлъ бы никакого послѣдствія, а все бы пріятно было для нихъ, если бы я сдѣлалъ промахъ. Сколько хитростей, даже и мелочей въ дворской наукѣ!

Но я не имѣлъ въ ней никакой нужды, вступя въ министерство уже съ готовымъ правиломъ, служить Государю и Отечеству, и никому болѣе, любить исправность въ отправленіи должности, а не влюбляться въ мѣсто, и не жалѣть о его потерѣ. Послѣ того кто же могъ

быть для меня страшенъ? Для чего мнѣ было унижать себя угодливымъ раболѣпствомъ и метаться отъ одного къ другому? И такъ я спокойно и съ удовольствіемъ продолжалъ мою службу, ко всѣмъ былъ учтивъ, но предъ всѣми высоко держалъ голову и глядѣлъ прямо. Государь изволилъ оказывать явно ко мнѣ свое благоволеніе; въ Комитетѣ Министровъ и въ Государственномъ Совѣтѣ бумаги мои проходили безъ противорѣчія; подчиненные мои, кромѣ двухъ трехъ малодушныхъ или неблагодарныхъ, любили и уважали меня, несмотря на мою строгость. Это продолжалось до 1812 года; продолжалось бы конечно и долѣе, если бы вспыхнувшая война не разлучила меня съ Государемъ. Его высокая нравственность была моимъ эгидомъ. Съ отсутствіемъ его все перемѣнилось.

КНИГА ОСЬМАЯ.

Неумѣренныя требованія французскаго правительства въ 1812 году дошли до такой степени, что должно было день отъ дня ожидать совершеннаго съ онымъ разрыва. Указъ о рекрутскомъ наборѣ, подписанный Марта 23 дня, былъ первымъ того предвѣстникомъ. Въ исходѣ Маія [50] Императоръ оставилъ столицу для осмотра арміи, расположенной въ присоединенныхъ польскихъ губерніяхъ. Свиту его составляли: Канцлеръ Графъ Румянцовъ, Графъ Кочубей, Баронъ Армфельдъ, Министръ Полиціи Балашовъ и Государственный Секретарь Вице-Адмиралъ Шишковъ [51]. Отправленіе дѣлъ по Министерству Внѣшнихъ Сношеній поручено было Тайному Совѣтнику Графу А. Н. Салтыкову [52], а должность Министра Полиціи

Генералу отъ Арміи и члену Государственнаго Совѣта С. К. Вязьмитинову.

Въ то же время назначенъ и въ Москву новый Главнокомандующій: Оберъ-Каммергеръ Графъ Ѳ. В. Растопчинъ заступилъ мѣсто Фельдмаршала Графа Гудовича [53]) и переименованъ былъ Отъ Арміи Генераломъ.

За отсутствіемъ Канцлера, предсѣдательство въ Комитетѣ Министровъ и Государственномъ Совѣтѣ возложено было на Фельдмаршала Князя Николая Ивановича Салтыкова, бывшаго тогда еще Графомъ [54]).

Въ обѣихъ столицахъ, особенно же въ Москвѣ, почитали его весьма дальновиднымъ и хитрымъ, несмотря на его наружное смиреніе. Это заключеніе основывалось болѣе на томъ, что онъ при трехъ правленіяхъ пользовался въ равной силѣ царскимъ благоволеніемъ. Не отрицаю приписываемыхъ ему достоинствъ, но разсматривая его, какъ государственнаго человѣка, я не знаю, когда и чѣмъ онъ заслужилъ столь высокое о немъ мнѣніе. Въ лѣтахъ мужества, во время войны съ Турками, оконченной Кайнаджирскимъ миромъ, онъ былъ, такъ сказать, рядовымъ Генераломъ; ни въ одной реляціи не шумѣло имя его, подобно именамъ Вейсмана [55]), Графа Каменскаго и Князя Суворова. Предсѣдательствуя потомъ въ Военной Коллегіи, имѣя случай во всемъ пространствѣ развить способности государственнаго ума, онъ держался того хода въ дѣлахъ, какой былъ заведенъ предмѣстникомъ его Княземъ Потемкинымъ. Лучшаго было только то, что скорѣе подписывались имъ бумаги. Я не помню, чтобъ онъ когда нибудь сказалъ въ Совѣтѣ или Комитетѣ рѣшительное, собственное мнѣніе: брося нѣсколько словъ, ничего незначущихъ, онъ обыкновенно приставалъ къ тому, кто на его счету важнѣе прочихъ, т. е. случайнѣе. Послѣ

сего трудно ли было такъ долго держаться на своемъ мѣстѣ?

Съ отбытіемъ Императора всѣ политическія сношенія съ Наполеономъ стали приближаться къ развязкѣ. Едва Государь прибылъ въ Вильну, французская армія перешла Нѣманъ, и частію двинулась прямо къ Вильнѣ, а наша стала отступать къ Смоленску. О такомъ внезапномъ и вражескомъ нашествіи Императоръ извѣстилъ высочайшимъ рескриптомъ Фельдмаршала Салтыкова. Затѣмъ послѣдовалъ манифестъ отъ 1-го числа Іюня, уже изъ лагеря подъ Дрисою, о вторженіи непріятеля, а отъ шестаго того же мѣсяца, изъ лагеря близь Полоцка, воззваніе о всеобщемъ возстаніи на оборону отечества.

Съ того времени Комитетъ Министровъ получилъ болѣе важности: уже онъ сталъ средоточіемъ всѣхъ государственныхъ движеній. Военныя обстоятельства требовали мѣръ чрезвычайныхъ, скораго исполненія, и все это именемъ Императора разрѣшаемо было Комитетомъ; но таковое уполномочіе подавало иногда поводъ и къ нѣкоторымъ отступленіямъ, не всегда необходимымъ, отъ узаконенныхъ правилъ. Напримѣръ, отъ иныхъ Министровъ вносимы были на утвержденіе условія съ подрядчиками мимо Сената; часто отдавались подряды на такую сумму, на каковую подрядчикъ не имѣлъ законнаго права. Я всякій разъ напоминалъ о томъ Комитету; но мнѣ всегда былъ одинъ отвѣтъ: «важность обстоятельствъ, требующихъ скораго исполненія, не терпитъ медленныхъ формъ, употребляемыхъ Сенатомъ».

Напоминанія мои еще болѣе охладили ко мнѣ нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей, особенно же Управляющаго Канцеляріей Статсъ-Секретаря Молчанова [56]. Въ докладѣ бумагъ началось предпочтеніе по Министерствамъ: отъ

тѣхъ и тѣхъ—самую неважную вносили въ докладъ безъ задержанія, а мои по нѣскольку недѣль, даже по мѣсяцамъ, лежали безгласными—*за недосугомъ*. Наконецъ слѣдующій случай обнаружилъ явное ко мнѣ недоброхотство, или явную робость и нерѣшимость.

Непріятель уже подходилъ къ Смоленску. При всемъ напряженіи патріотизма можно было ожидать худыхъ послѣдствій. На всякій случай я заготовилъ проэктъ секретнаго ордера всѣмъ московскимъ Оберъ-Прокурорамъ, чтобы собраны были, безъ малѣйшей огласки, нужнѣйшія и важнѣйшія бумаги, какъ по Сенату, такъ и по Вотчинному Департаменту и Государственному Архиву, дабы въ случаѣ опасности Москвы они могли быть тотчасъ отправлены, куда будетъ назначено. По новости предпріятія и уваженію моему къ Комитету, я внесъ проэктъ мой на его утвержденіе; но Предсѣдатель онаго, безъ сомнѣнія по внушенію г. Молчанова, не хотѣлъ согласиться даже и на то, чтобы проэктъ мой хотя прочтенъ былъ въ засѣданіи Комитета, сказавъ мнѣ, что я хозяинъ въ моемъ Министерствѣ, слѣдовательно и могу предписывать подчиненнымъ мѣстамъ безъ вѣдома Комитета. И что же? Около того же времени принимается отъ Министра Просвѣщенія записка о разрѣшеніи на перекрышку на Аптекарскомъ Островѣ согнившей кровли на прачешномъ строеніи!! Жалкое противорѣчіе!

Послѣдствія оправдали меня. По вступленіи въ Москву непріятеля, начали даже и въ Петербургѣ, по всѣмъ Министерствамъ, отправлять нужнѣйшія бумаги водянымъ путемъ, помнится, въ Олонецкую губернію, куда отряженъ былъ отъ Министерства Полиціи чиновникъ, чтобы приготовить дома для поклажи дѣлъ и проживанія отправленныхъ съ ними отъ всѣхъ Министерствъ приказныхъ служителей.

Но благодареніе святому промыслу, распоряженіямъ правительства и народному духу! Временное испытаніе наше обратилось для насъ въ вѣчную славу. Спокойствіе возстановилось, теченіе дѣлъ вступило въ прежній порядокъ, и Министры стали по старому имѣть опредѣленные дни для личнаго доклада по дѣламъ своимъ Государю.

Это продолжалось до вторичнаго отбытія Императора въ армію, послѣдовавшаго, помнится, въ началѣ 1813 года [57]. Государь предъ отъѣздомъ своимъ соблаговолилъ оказать многія милости; между прочимъ Фельдмаршалъ Графъ Салтыковъ получилъ титло Свѣтлѣйшаго Князя [58], а Управляющему Канцеляріей Комитета повелѣно присутствовать въ Сенатѣ. На другой день онъ пріѣхалъ просить меня о назначеніи его въ Первый департаментъ. Я доложилъ о томъ Государю, и сдѣлано.

Съ отсутствіемъ Императора возобновились неудовольствія мои по Комитету. Статсъ-Секретарь Молчановъ сталъ оказывать худое свое расположеніе ко мнѣ еще болѣе прежняго. Вотъ какая была тому причина.

Предъ самымъ отъѣздомъ Государя я докладывалъ ему, что по Комитету накопилось до ста сенатскихъ докладовъ и рапортовъ на высочайшее имя, не считая другихъ записокъ, и просилъ о повелѣніи Комитету прибавить къ двумъ днямъ въ недѣлю еще одинъ для присутствія единственно по сенатскимъ дѣламъ, пока не будутъ они очищены. Получа на то высочайшее соизволеніе, я не замѣшкавъ объявилъ объ ономъ офиціально Предсѣдателю Комитета.

Г. Молчановъ, при первой встрѣчѣ со мною послѣ того, съ неудовольствіемъ далъ мнѣ замѣтить, что ходатайство мое о лишнемъ днѣ присутствія клонилось только къ тому, чтобы выставить его предъ Государемъ въ видѣ

лѣнивца или нерадиваго, и что же послѣдовало? Объявленное мною высочайшее повелѣніе осталось совсѣмъ безъ исполненія, даже и не внесено было въ журналъ; медленность въ докладахъ по моимъ запискамъ, самымъ нужнымъ, требовавшимъ скораго разрѣшенія; неуваженіе не только къ лицу моему, но и къ самымъ законамъ. Въ доказательство того довольно привести три случая.

Въ Малороссіи производилось тяжебное дѣло, котораго окончаніе можно было назвать торжествомъ правосудія. Вотъ причина и ходъ его.

Нѣкогда Свѣтлѣйшему Князю Безбородкѣ, бывшему еще только любимымъ Статсъ-Секретаремъ Екатерины, пожаловано было недвижимое имущество, смежное съ помѣстьемъ Покорскаго,—Журавки. Отъ Безбородки присланъ былъ повѣренный для пріема изъ казеннаго вѣдомства пожалованнаго имущества. Съ перваго шага, онъ подалъ прошеніе, чтобъ вмѣсто Повѣтоваго Суда приказано было нарядить особую коммиссію для ввода новаго помѣщика во владѣніе. Просьба его уважена, коммиссія прибыла на мѣсто, и даже Губернаторъ присутствовалъ при вводѣ. Повѣренный объявляетъ притязанія свои на часть владѣнія Покорскаго, доказывая, что она когда-то принадлежала къ пожалованному селенію. Коммиссія вступаетъ въ права судебнаго мѣста, и присуждаетъ не только спорную землю съ поселенными на ней крестьянами въ отдачу Безбородкѣ, но и остальное Покорскаго имущество, будто въ замѣнъ иска за насильственное владѣніе.

Отъ сего начинается тяжба установленнымъ порядкомъ. Въ продолженіи оныя Графъ Безбородко подарилъ пожалованную деревню другу своему и земляку, Тайному Совѣтнику Судіенкѣ. Этотъ не отступаетъ отъ начатаго дѣла, и всѣ инстанціи, отъ первой до послѣдней, несмотря

на вліяніе могущества перваго помѣщика, ни на связи послѣдняго, оправдали Покорскаго. Дѣло дошло, наконецъ, по высочайшему повелѣнію до Общаго Собранія Сената, и окончательное рѣшеніе послѣдовало также въ пользу Покорскаго, о чемъ и внесенъ былъ отъ меня въ Комитетъ сенатскій рапортъ на высочайшее имя.

Чрезъ долгое время послѣ того Молчановъ, сойдясь со мною одинъ въ Комитетѣ, сказываетъ мнѣ, что Предсѣдатель Департамента Законовъ въ Государственномъ Совѣтѣ [59] подалъ въ Комитетъ, такъ называемый имъ, *отзывъ* на счетъ дѣла Судіенки. Въ чемъ состоялъ отзывъ? Что: онъ, Графъ Кочубей, въ качествѣ попечителя дѣтей, оставшихся послѣ умершаго Судіенки, обязаннымъ почитаетъ себя просить Комитетъ о порученіи Департаменту Гражданскихъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта истребовать изъ Сената подлинное дѣло и вновь разсмотрѣть его, подъ предлогомъ, будто Сенатъ не имѣлъ въ виду важныхъ документовъ; ибо повѣренный, представя ихъ не прямо въ Сенатъ, а къ Министру Юстиціи, получилъ отъ него въ отвѣтъ: *ожидать рѣшенія Общаго Собранія*. Графъ Кочубей, примолвилъ Молчановъ, совѣтовался прежде со мною, не подать ли ему просьбы на высочайшее имя, отъ имени малолѣтныхъ, въ Коммиссію Прошеній. Я отвѣчалъ ему, что на основаніи законовъ, она не имѣетъ права принимать жалобъ на Общее Собраніе Сената. Тогда онъ, продолжалъ Молчановъ, приступилъ ко мнѣ, чтобъ я непремѣнно внесъ отзывъ его въ докладъ Комитету. Я право не знаю, что съ нимъ дѣлать? Все выжидалъ, чтобъ объясниться о томъ съ вами.—Дѣлайте, какъ хотите, былъ мой отвѣтъ ему, я только знаю, что *мнѣ* дѣлать.

Послѣ сего объясненія сталъ я съ возможною осторожностію пересматривать всѣ комитетскіе журналы, подно-

симые мнѣ къ подписанію. Однимъ утромъ, въ продолженіи засѣданія, подаютъ мнѣ ихъ въ большомъ количествѣ. Очищая ихъ одинъ за другимъ, я нахожу между ими внесенный рапортъ Сената о дѣлѣ Покорскаго. Въ комитетской резолюціи двадцатаго Апрѣля сказано: «предоставить Министру Юстиціи обратить оный въ Правительствующій Сенатъ къ надлежащему исполненію». Журналъ подписанъ всѣми членами, даже и самимъ Графомъ Кочубеемъ. Оставлено мѣсто для моей только подписи. Будучи крайне доволенъ, что Комитетъ устоялъ противъ искушенія, я тотчасъ приложилъ свою руку. Но какъ я удивился, добравшись до другаго журнала, уже отъ двадцать осьмаго числа, по тому же самому дѣлу! Въ оный внесенъ былъ и упомянутый отзывъ Предсѣдателя Департамента Законовъ, и даже вторичная резолюція, противорѣчащая первой: «тотъ же рапортъ, равно какъ и самое дѣло, рѣшенное въ *Общемъ Собраніи* Сената, внести на разсмотрѣніе Департамента Духовныхъ и Гражданскихъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта».—Я не подписалъ журнала, и на другой же день прислалъ въ Комитетъ мое мнѣніе, въ которомъ объяснялъ:

Во первыхъ. Что я дѣйствительно не пустилъ въ ходъ документовъ повѣреннаго г. Судіенки, потому что дѣло уже прошло всѣ узаконенныя инстанціи; если Судіенко имѣлъ какіе либо документы, служащіе къ подкрѣпленію доказательствъ его, то могъ бы, да и долженъ былъ представить ихъ въ свое время, куда слѣдуетъ по законамъ. Я же, по долгу моего званія, не обязанъ принимать никакихъ актовъ, относящихся къ производству дѣлъ въ Общемъ Собраніи, да и самый документъ, представленный мнѣ повѣреннымъ, уже находился въ виду Сената.

Во вторыхъ. Что рапортъ Общаго Собранія заключаетъ

въ себѣ всѣ обстоятельства, необходимыя и существенно нужныя къ объясненію правъ той и другой стороны, и представленъ единственно для донесенія Государю Императору, что высочайшая воля его исполнена. Относительно же рѣшенія по тяжебнымъ дѣламъ Общаго Собранія, въ указѣ осьмаго Сентября 1802 года, сказано: «если по выслушаніи дѣла Генералъ-Прокуроръ согласится съ резолюціею Общаго Собранія, то *дѣло рѣшится окончательно*». А въ манифестѣ перваго Января 1810 года, объ учрежденіи Государственнаго Совѣта, повелѣвается Коммиссіи Прошеній: *оставлять безъ уваженія жалобы по тяжебнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ въ Общемъ Собраніи Сената.*

Въ третьихъ. Что послѣ столь гласныхъ и недавнихъ законовъ, каковъ есть особенно послѣдній, несовмѣстно было бы съ цѣлію общей пользы останавливать ихъ дѣйствіе по *одному* только случаю, въ пользу *одного* только сироты, между тѣмъ, какъ нѣсколько сиротъ, повинуясь тѣмъ же законамъ, лишились также имущества, если отцами ихъ неправедно оное было присвоено; между тѣмъ какъ и впредь нѣсколько сиротъ въ подобныхъ обстоятельствахъ могутъ быть подвергнуты тому же жребію, если не будутъ имѣть счастія находиться подъ опекою кого-либо изъ *членовъ Комитета*, ибо Коммиссія Прошеній не можетъ принимать жалобъ ихъ на Общее Собраніе Сената.—Предвижу, говорю я въ заключеніи моего мнѣнія, что возразятъ мнѣ на это тѣмъ, что Комитетъ, по высочайшему соизволенію, дѣйствуетъ именемъ Его Императорскаго Величества, слѣдственно имѣетъ право на произволъ, въ иныхъ случаяхъ, и отступать отъ правилъ, предписанныхъ законами для обыкновенныхъ судилищъ; но я три года имѣлъ счастіе докладывать Государю,

и чрезъ многіе опыты удостовѣрился, что онъ весьма строго уважаетъ непоколебимость коренныхъ государственныхъ постановленій, и доселѣ ни для кого не соизволялъ допущать изъятія изъ оныхъ.

Но это мнѣніе едва ли и предложено было Комитету; по крайней мѣрѣ не записано было въ журналѣ.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того для Правителя Канцеляріи наступило новое торжество надо мною. Можетъ быть, читатели мои вспомнятъ, что на другой день отбытія Государя въ армію, я объявилъ Комитету высочайшее повелѣніе собираться еще по одному разу въ недѣлю, для очистки дѣлъ, накопленныхъ въ комитетской канцеляріи по моему Министерству. Комитетъ не безъ причины отважился высочайшую волю оставить безъ исполненія: вѣроятно по внушенію Правителя Канцеляріи, Предсѣдатель Комитета, безъ вѣдома онаго, по крайней мѣрѣ безъ моего, представилъ Государю, не благоугодно ли будетъ приказать всѣ *безъ исключенія*, вносимые отъ Сената, доклады и рапорты на высочайшее имя *разсматривать* впредь Государственному Совѣту, подкрѣпляя представленіе свое тѣмъ, что Комитетъ, за множествомъ другихъ дѣлъ, не имѣетъ времени разсматривать подробно сенатскихъ рапортовъ и докладовъ. Представленіе сіе, совершенно одностороннее, удостоилось высочайшаго утвержденія, и Комитетъ, будучи извѣщенъ о томъ отъ Предсѣдателя, записываетъ въ журналъ, чтобы всѣ сенатскія дѣла препровождать на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Въ числѣ прочихъ и незаписанный мой *голосъ* по дѣлу Судіенки съ Покорскимъ отправленъ былъ туда же.

Сіи двѣ удачи отважили на третью. Отъ арміи Генералъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ [60], духовнымъ завѣщаніемъ своимъ, предоставилъ женѣ своей [61] право пожиз-

неннаго владѣнія всѣмъ его благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, между прочимъ Глушковскою суконною фабрикою [62], къ которой приписано крестьянъ до девяти тысячь душъ. Въ той же духовной онъ поручилъ жену свою въ покровительство двухъ избранныхъ отъ него попечителей: свойственника Яковлева и Графа А. Н. Самойлова. Одинъ изъ нихъ вскорѣ умеръ, а другой отказался отъ попечительства, и такимъ образомъ, по смерти Графа Потемкина, жена его съ полною властію распоряжала завѣщаннымъ имѣніемъ. Но вскорѣ по вступленіи моемъ въ Министерство, уже чрезъ нѣсколько лѣтъ по вдовствѣ Графини, послѣдовалъ высочайшій указъ Сенату, чтобъ вышеупомянутое духовное завѣщаніе приведено было въ надлежащую силу и дѣйствіе; чтобъ Сенатъ, назначивъ попечителей, предписалъ имъ войти въ управленіе недвижимымъ имѣніемъ Графини на основаніи завѣщанія, обратилъ особенное вниманіе на состояніе Глушковской фабрики и учредилъ порядокъ въ исправномъ ея дѣйствіи, равно и въ распредѣленіи доходовъ, принадлежащихъ Графинѣ Потемкиной и ея дѣтямъ [63].

Основаніемъ сего указа, сказано въ немъ, было *во первыхъ* то, что образъ управленія сею фабрикою, по засвидѣтельствованію Главнаго Мануфактуръ Правленія, во многихъ отношеніяхъ не соотвѣтствуетъ ни пространству выгодъ ея, ни способамъ, употребляемымъ на движеніе оною; *во вторыхъ,* что назначенное по духовному завѣщанію попечительство не восприяло своего дѣйствія. Оный указъ контрасигнированъ былъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Козодавлевымъ, который вскорѣ потомъ объявилъ мнѣ, по тому же предмету, еще два высочайшія повелѣнія: *первое,* чтобъ исполненіе по прописанному указу принялъ я въ особенное мое наблюденіе, „дабы

сохранить въ семъ дѣлѣ должную справедливость;“ *второе,* чтобъ тотъ же указъ приведенъ былъ въ исполненіе назначеніемъ попечителей отъ Правительствующаго Сената.

Въ слѣдствіе того Сенатъ, назначивъ согласно съ прошеніемъ дѣтей Графини Потемкиной, попечителями Генералъ-Лейтенанта Князя А. И. Горчакова [64], Вицъ-Адмирала А. С. Шишкова и Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Филатова, предписалъ имъ, чтобъ они „вступили немедленно въ управленіе имѣніемъ и фабрикою, на основаніи правилъ, предписанныхъ въ *Учрежденіи о губерніяхъ.*“

Въ продолженіи времени Князь Горчаковъ, управлявшій тогда Военнымъ Министерствомъ, препроводилъ въ Комитетъ Министровъ прошеніе, поданное ему отъ Графини Потемкиной, объ отрѣшеніи опеки, служащей, по словамъ ея, къ разстройству только фабрики, приведенной ею въ цвѣтущее состояніе. Вмѣстѣ съ прошеніемъ представилъ онъ и свѣдѣнія, истребованныя имъ отъ Генералъ-Кригсъ-Коммисара о состояніи фабрики и собственное заключеніе.

По свѣдѣніямъ открылось, что фабрика съ 1811 по 1812 годъ ставитъ ежегодно въ казну подряженное количество суконъ, простирающееся до пяти сотъ тысячь аршинъ, въ совершенной исправности.

А заключеніе Управляющаго Военнымъ Министерствомъ состояло въ томъ, что сія фабрика есть одна изъ обширнѣйшихъ въ государствѣ; что она снабжаетъ Коммиссаріатъ большею частью подряжаемаго количества суконъ на всю армію; что продолженіе опеки могло бы послужить предлогомъ къ неисправной поставкѣ, а потому онъ и представилъ прошеніе Графини Потемкиной на уваженіе Комитета, полагая съ своей стороны, что для обезпеченія

казенной поставки достаточно будетъ возложить на одного Гражданскаго Губернатора Курской губерніи.

Князь Горчаковъ объявилъ притомъ Комитету, что онъ, бывъ озабоченъ ввѣреннымъ ему Министерствомъ, не имѣетъ довольно времени къ исправленію обязанностей по опекѣ, почему и проситъ отъ оныя уволить.

Комитетъ предоставилъ мнѣ предложить Сенату о избраніи, вмѣсто Князя Горчакова и отсутствующаго А. С. Шишкова, который, въ качествѣ Государственнаго Секретаря, находился тогда за границею при Государѣ, избрать новыхъ попечителей, уже съ *согласія* Графини Потемкиной; но чтобы и сама она не была устранена отъ управленія имѣніемъ, а для ближайшаго надзора назначить въ числѣ попечителей и Курскаго Гражданскаго Губернатора.

Сенаторы, выслушавъ объявленное въ предложеніи моемъ рѣшеніе Комитета, находили оное въ противорѣчіи съ подписнымъ указомъ, разумѣя, что въ немъ предоставлено избраніе опекуновъ самому Сенату, а не Графинѣ Потемкиной. Статсъ-Секретарь Молчановъ, присутствовавшій тогда въ лицѣ Сенатора, вызвался завтра же доложить о томъ Комитету и увѣрилъ прочихъ Сенаторовъ, что пришлется другая резолюція согласная съ подписнымъ указомъ.

Получа о томъ словесное донесеніе отъ Оберъ Прокурора (нынѣ Сенатора) Баранова, я предписалъ ему поставить Сенату на видъ, что между подписнымъ указомъ и объявленнымъ Сенату въ моемъ предложеніи нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія; что существенная цѣль обоихъ указовъ состоитъ въ томъ, чтобъ избраны были Сенатомъ *опекуны* къ имѣнію Графини Потемкиной; что если Сенатъ по первому указу призналъ опекунами назначенныхъ *дѣтьми* Потемкиной, почему же не предо-

ставить и самой *матери* назначенія новыхъ опекуновъ? Можетъ быть Сенатъ, говорю я въ предложеніи, нашелъ бы и оныхъ достойными, не лишаясь впрочемъ права на опредѣленіе въ противномъ случаѣ по своему произволу. Заключаю же тѣмъ, что если мнѣніе мое не сильно будетъ къ убѣжденію господъ Сенаторовъ: тогда дѣло перенести въ Общее Собраніе. Что же касается до вызова г. Молчанова исходатайствовать другую резолюцію, сказано было мною на словахъ Оберъ Прокурору, что *это не его дѣло.*

Вѣроятно послѣднія слова были переданы Молчанову и подожгли его честолюбіе, ибо чрезъ нѣсколько дней, а именно 30 Іюня, присланъ былъ ко мнѣ, отъ 24 того же мѣсяца, комитетскій журналъ, въ которомъ предоставляется мнѣ *вторично* предложить Сенату: „о избраніи опекуновъ, но уже *не требуя на то* согласія отъ Графини Потемкиной, какъ положено было журналомъ отъ 14 Марта.“

Я тотчасъ вношу въ Комитетъ записку или отзывъ, въ которомъ излагаю: во первыхъ, что прежнее положеніе Комитета уже предложено мною Сенату, и тѣмъ самымъ приведено въ законную силу; во вторыхъ, что въ слѣдствіе происшедшихъ въ Первомъ департаментѣ сомнѣній на счетъ исполненія по послѣднему комитетскому положенію предписано отъ меня Оберъ Прокурору о сообщеніи гг. Сенаторамъ моего мнѣнія, и въ случаѣ ихъ несогласія съ онымъ, о переносѣ дѣла въ Общее Собраніе Сената по установленному порядку; въ третьихъ, что по столь гласному движенію дѣла сего приличнѣе было бы предоставить оное законному теченію, не дѣлая никакой отмѣны въ прежнемъ положеніи, тѣмъ наипаче, что оное послѣдовало по единогласному заключенію присутствовав-

шихъ членовъ — далѣе прописывалъ причины, на коихъ оно было основано.

Записка сія отправлена была къ Управляющему комитетскими дѣлами того же самаго числа, 30 Іюня, въ которое доставленъ былъ ко мнѣ журналъ, заготовленный отъ 24 числа; но несмотря на то на другой же день, т. е. перваго Іюля, получена мною, для исполненія, выписка изъ того же журнала, съ которымъ я не соглашался. Изъ чего и должно заключить, что мнѣніе мое не было въ свое время поставлено на видъ Комитету.

Въ то же время Оберъ Прокуроръ Барановъ, какъ будто въ шутку, приходитъ ко мнѣ съ донесеніемъ, что Сенаторы, въ томъ числѣ и Молчановъ, согласились исполнить въ точности комитетское положеніе отъ 14 Марта; а на другой день, отъ 2-го Іюля, получена отъ того же Молчанова, какъ отъ Правителя Комитетской Канцеляріи, новая выписка изъ комитетскаго журнала, отъ втораго Іюля, которою, по выслушаніи моего отзыва, дано мнѣ знать, что журналъ двадцать четвертаго Іюня (гдѣ записано было вторичное положеніе) состоялся по единогласному рѣшенію всѣхъ членовъ, почему и слѣдуетъ привести его въ исполненіе.

Такимъ-то образомъ я былъ поставленъ въ небывалое до того положеніе объявлять, по одному дѣлу, два различныя и одно другому противорѣчащія предписанія Комитета, и при томъ объявлять ихъ отъ имени Государя!

Вскорѣ потомъ я схожусь въ Комитетѣ съ Свѣтлѣйшимъ Княземъ Лопухинымъ. Кромѣ насъ двоихъ никого еще было. Я напоминаю ему, что онъ самъ былъ моимъ предмѣстникомъ; говорю о нанесенномъ мнѣ оскорбленіи; о нарушеніи узаконеннаго порядка; наконецъ, спрашиваю его: какой же былъ поводъ для нихъ, приступить, безъ

малѣйшаго отъ меня настоянія, даже въ моемъ отсутствіи, къ отмѣнѣ прежняго своего положенія?—По докладу Молчанова, сказалъ онъ.— „Но имѣлъ ли онъ на то право? Какъ Правитель Канцеляріи Комитета, онъ сообщилъ мнѣ комитетское положеніе въ выпискѣ изъ его журнала, и дѣло свое исправилъ; какъ Сенаторъ, онъ самъ согласился съ моимъ мнѣніемъ, и не могъ имѣть голоса въ Комитетѣ.“—Такъ, конечно, отвѣчалъ Князь, но право я думалъ, что онъ докладывалъ по вашему препорученію. Мнѣ жалко было смотрѣть на семидесятилѣтняго старца, на столбоваго боярина, бывшаго двукратно стражемъ правосудія и охранителемъ законовъ.

Послѣ столь многихъ доказательствъ пренебреженія всѣхъ приличій и порядка, законами установленнаго, оставалось бы мнѣ только довести о томъ до свѣдѣнія Императора; но неумѣстная моя совѣстливость удержала меня: мнѣ больно было и помыслить о занятіи его подобными нелѣпостями въ *такое* время, когда лежала на раменахъ его судьба цѣлой Европы.

Я предпочелъ просить о увольненіи меня отъ Министерства, и съ первымъ курьеромъ въ армію отправилъ о томъ мое прошеніе. Не получая на него отвѣта, я писалъ къ Министру Полиціи А. Д. Балашову, чтобы онъ, при случаѣ, напомнилъ Государю объ моемъ прошеніи; буде же не послѣдуетъ на то высочайшаго соизволенія, исходатайствовать мнѣ по крайней мѣрѣ отпускъ на четыре мѣсяца. Наконецъ я получилъ его. Должность моя препоручена была Сенатору Алексѣю Ульяновичу Болотникову [65], которому я, въ первый годъ моего министерства, имѣлъ счастіе выпросить орденъ св. Анны перваго класса. Знакомство мое съ нимъ началось еще Гвардіи въ Семеновскомъ полку, при большомъ неравен-

ствѣ нашихъ чиновъ: онъ былъ Поручикомъ, а я еще Сержантомъ. Я столько уважалъ его просвѣщенный разсудокъ, добрую совѣсть и заботливое трудолюбіе, что при испрашиваніи ему ордена осмѣлился сказать Государю, что еслибы Его Величеству угодно было предоставить собственному моему выбору, самому принять Министерство, или уступить его Болотникову, я избралъ бы послѣднее.

По сдачѣ дѣлъ моихъ я препроводилъ при письмѣ къ Болотникову записку, въ которой съ возможною подробностью описаны были вышеозначенные три случая. „Все это сообщаю вамъ, говорю я въ письмѣ моемъ, для слѣдующаго: кто, пользуясь обстоятельствами, устремляется на оскорбленіе другаго, тотъ конечно позволитъ себѣ всякія средства къ предварительному отраженію жалобы отъ оскорбленнаго. Можетъ быть, сношенія мои по описаннымъ дѣламъ съ Комитетомъ уже и представлены Государю, съ искаженіемъ истины; можетъ быть, во мзду моей твердости и моего благонамѣренія, успѣютъ, или уже успѣли, очернить и обвинить меня. Я же, чувствуя всю важность настоящихъ занятій Государя, никакъ не осмѣливаюсь и не хочу огорчить его донесеніемъ о происшедшемъ со мною впредь до благопріятнѣйшаго времени; но мысль, что могу и умереть, не дождавшись онаго, остаться въ худой памяти у Государя, рѣшила меня поставить все это на видъ Вашего Превосходительства. Ежели судьба не допуститъ меня видѣться съ Государемъ; ежели я умру неоправданнымъ: и въ томъ и другомъ случаѣ, по долгу моего преемника, для пользы службы и собственной вашей, будьте моимъ душеприкащикомъ или ходатаемъ. Вамъ ввѣряетъ и общую пользу и свою честь и пр., и пр.

Потомъ, отпустя весь домашній мой скарбъ водою и сухимъ путемъ въ Москву, двадцать девятаго Іюля, и самъ отправился туда же. По причинѣ сгорѣвшаго моего домика я выпросилъ у почтеннаго Канцлера временное пристанище въ московскихъ его палатахъ.

Съ самой нѣжной молодости моей въѣздъ въ Москву бывалъ всегда для меня праздникомъ. Но въ этотъ разъ я взглянулъ на нее съ сжатымъ сердцемъ: она раскрыла еще свѣжую мою рану, напомня мнѣ о насильственной смерти роднаго моего брата Ѳедора! Онъ служилъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Сенатѣ. Предъ занятіемъ Французами Москвы, за разгономъ лошадей, онъ не могъ слѣдовать за Сенатомъ въ Казань, и только что въ состояніи былъ добраться до села Измайлова, отстоящаго въ семи верстахъ отъ столицы. Тамъ нашла его шайка Французовъ, ограбила, и потомъ — свирѣпый Полякъ прострѣлилъ его изъ пистолета, въ глазахъ жены и малолѣтныхъ дѣтей..

Первая отъ Петербургскаго предмѣстія и лучшая улица, *Тверская*, представлялась мнѣ вся въ развалинахъ. Знатнѣйшіе по огромности своей дома покрыты копотью, безъ стеколъ, съ провалившеюся кровлею, или совсѣмъ безъ оныя; индѣ церкви безъ креста, или съ главами обнаженными отъ позолоты. Но я забылся: это корысть исторіи.

По свиданіи съ другомъ моимъ Карамзинымъ, лишь только возвратившимся изъ Нижняго Новгорода, первая моя забота была приготовить новый пріютъ для моей старости. Я купилъ погорѣлое мѣсто съ разгороженнымъ садомъ, недалеко отъ Тверскаго Бульвара и такъ называемаго Патріаршаго пруда, въ приходѣ Св. Спиридона,

и приступилъ къ постройкѣ дома, начавъ съ необходимыхъ принадлежностей [66].

По прошествіи же срока моему отпуску испросилъ еще отсрочки на три мѣсяца, и по первому зимнему пути отправился въ Симбирскую губернію, для свиданія съ моимъ родителемъ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Послѣ долговременныхъ трудовъ, противоборствій и непріятностей, наконецъ я увидѣлъ себя опять въ томъ самомъ домѣ, который былъ моимъ ровестникомъ, ибо родители мои обновили его въ одинъ день съ моими крестинами. Изъ страны эгоизма, изъ высокихъ чертоговъ я очутился подъ низменною кровлею, у подошвы горнаго хребта, покрытаго дубовымъ лѣсомъ, въ уединенномъ семействѣ, гдѣ не было ни одного сердца, ни мнѣ чуждаго, ни ко мнѣ хладнаго.

Я нашелъ отца моего въ глубокой старости, осмидесяти лѣтъ. Всегдашнее сообщество его составляли меньшой мой братъ [67], пожертвовавшій сыновней любви всѣми выгодами честолюбія и независимости; двѣ мои сестры [68] и малолѣтная сиротка, дочь покойнаго моего брата [69].

Отецъ мой отвелъ для житья моего свой кабинетъ, куда я нѣкогда вхаживалъ съ трепетомъ для отчета въ заданномъ мнѣ урокѣ. Съ какимъ удовольствіемъ взглянулъ я на старинный зеленый шкафъ съ книгами, бывшій предметомъ моей зависти! Я увидѣлъ въ немъ давнихъ моихъ знакомцевъ: первую книгу Собранія разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ Ломоносова, московскаго

втораго изданія 1757 года; Сочиненія и переводы Владиміра Лукина; Гораціевы посланія, переводъ силлабическимъ размѣромъ Князя Кантеміра, Граціана Балтазара придворнаго человѣка, въ оригиналѣ письма Вуатюра, Бальзака и Костара, даже домашніе и школьные разговоры на трехъ языкахъ, которые въ дѣтствѣ моемъ столько натручивали память мою, и бывали иногда виною вздоховъ и слезъ моихъ. Да простятъ меня товарищи мои Министры, за воспоминаніе о такихъ мелочахъ; да извинятъ въ томъ и авторы классическіе и романтическіе! Я пишу не для щегольства, не для потомства, а для собственнаго удовольствія. Такъ, въ этомъ кабинетѣ я возвратилъ безпечные счастливые дни моей невинности, и почти позабылъ всѣ причиненныя мнѣ досады. Нѣжность отца моего, противорѣчившая угрюмой его наружности въ молодыхъ лѣтахъ; удовольствіе, сіявшее въ глазахъ его, при видѣ сына, достигшаго значительной степени; искреннія ласки всего семейства могли бы тогда сдѣлать меня совершенно счастливымъ, если бы не мѣшалъ тому врѣзанный въ сердцѣ моемъ образъ любезной матери. Она за годъ предъ тѣмъ скончалась. Я не могъ привыкнуть къ этой разлукѣ, пока жилъ у отца моего: часъ обѣда, время чая, мѣсто, гдѣ она обыкновенно сидѣла, все напоминало объ ней и погружало меня въ уныніе.

Въ началѣ 1813 года я простился съ моимъ любезнымъ семействомъ и возвратился въ Москву. Тамъ ожидало меня пересланное отъ Болотникова отношеніе ко мнѣ Графа Аракчеева изъ за границы. Онъ препроводилъ ко мнѣ прошеніе, поданное къ Государю отъ одного общества Евреевъ, объявляя при томъ высочайшее повелѣніе, чтобъ я, по возвращеніи Императора, при первомъ моемъ докладѣ внесъ въ оный и эту бумагу.

Изъ сего я заключилъ, что Государь полагаетъ меня уже возвратившимся изъ отпуска; почему, нимало не медля, и отправился въ Петербургъ. По прибытіи же туда представился двору и вступилъ въ отправленіе дѣлъ по моему Министерству.

Въ скоромъ времени послѣ того вся Имперія обрадована была извѣстіемъ объ торжественномъ вступленіи Государя съ побѣдоносною своей арміей и союзными войсками въ Парижъ и объ отреченіи Наполеона, за себя и сына, отъ престола Франціи. Сіе достопамятное событіе послѣдовало 19 Марта, а извѣстіе о томъ получено съ Генералъ-Адьютантомъ Кутузовымъ [70], помнится мнѣ, въ Апрѣлѣ. Въ тотъ же или на другой день я имѣлъ счастіе, съ нѣкоторыми изъ Министровъ, быть приглашеннымъ къ столу вдовствующей Императрицы. Никогда столь искренняя радость не сіяла на челѣ матери вѣнценоснаго побѣдителя! Послѣ обѣда она приказала подать новости, полученныя ею; собрала вкругъ себя всѣхъ гостей своихъ обоего пола и заставила секретаря своего г. Вилламова [71] читать французскія и нѣмецкія вѣдомости, наполненныя похвалъ и благословеній освободителю Европы. Во всѣхъ превозносили его скромность, великодушіе и человѣколюбіе. Потомъ поручено было Сенатору Нелединскому-Мелецкому [72] прочитать постановленія, относительно къ обстоятельствамъ, французскаго временнаго правительства и Блюстительнаго Сената. Наконецъ было заключено пѣсенкою, сочиненною въ Парижѣ въ честь нашего Императора, на голосъ извѣстной старинной пѣсни: Vive Henri quatre! Да здраствуетъ Генрихъ Четвертый [73].

За первымъ извѣстіемъ послѣдовалъ и высочайшій манифестъ, подписанный въ Парижѣ, о занятіи онаго нашими и союзными войсками. Назначенъ былъ день для

торжествованія сего достопамятнаго событія. Обѣ Императрицы изволили прибыть въ Казанскій Соборъ къ слушанію литургіи. Церковь уже была наполнена гражданствомъ обоего пола и всѣхъ сословій. Самая площадь предъ нею усѣяна была народомъ. По совершеніи литургіи и по выходѣ изъ алтаря митрополита Амвросія [74] со всѣмъ духовенствомъ на средину храма, для отправленія благодарственнаго молебна, я имѣлъ счастіе читать манифестъ, взойдя на первую ступень помоста возлѣ амвона, обратясь къ народу и имѣя съ правой стороны императорскую фамилію, а съ лѣвой иностранныхъ министровъ. Съ послѣднимъ словомъ манифеста начался благодарственный молебенъ, заключенный хоромъ: *Тебе Бога хвалимъ.* За симъ грянулъ громъ пушекъ, и раздалось *ура!* по всей площади.

Въ тотъ вечеръ весь городъ былъ освѣщенъ. Знатнѣйшія присутственныя мѣста, начиная съ Сената, министерскіе и многіе частные домы украшены были великолѣпными щитами; даже посредственнаго состоянія, не только хозяева но и жильцы выставляли въ окнахъ своихъ прозрачныя аллегорическія картины или что другое съ остроумными надписями (II).

Но все это было недостаточно для изъявленія нашей признательности; она требовала бóльшей, важнѣйшей дани, отъ лица всей Имперіи. Нѣкоторымъ Сенаторамъ внушено было подать о томъ свои голоса, иные обращали ихъ ко мнѣ, другіе къ Предсѣдателю Комитета Министровъ. Всѣ они слушаны и разсматриваемы были въ Общемъ Собраніи Сената. Тамъ единогласно положено пригласить, для чрезвычайнаго присутствія въ Сенатѣ, Святѣйшій Синодъ, всѣхъ Министровъ и Членовъ Государственнаго Совѣта, дабы совокупно придумать и поло-

жить на мѣрѣ, какимъ приличнѣйшимъ образомъ изъявить признательность отечества Государю, виновнику новой нашей славы и освобожденія Европы.

Чрезвычайное собраніе, въ засѣданіи своемъ Апрѣля 25-го, утвердило единогласно: 1-е составить отъ лица присутствующихъ, какъ отъ представителей Имперіи, всеподданнѣйшее на высочайшее имя прошеніе о принятіи наименованія *Благословеннаго* и о разрѣшеніи на добровольную денежную складку во всемъ государствѣ для сооруженія въ Петербургѣ памятника; 2-е отправить съ симъ прошеніемъ къ Государю посольство, составленное изъ членовъ Совѣта: Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника перваго класса Князя Александра Борисовича Куракина [75], Отъ арміи Генерала Александра Петровича Тормасова [76], Гофмейстера Графа Александра Николаевича Салтыкова [77]; 3-е въ ожиданіи же высочайшаго на то соизволенія, предварительно предложить, посредствомъ Министра Просвѣщенія, художникамъ Императорской Академіи Художествъ, равно и прочимъ извѣстнѣйшимъ въ Европѣ, о изобрѣтеніи чертежа сему памятнику и еще медали, которая бы достойна была передать потомству славную для Россіи эпоху.

Но для меня и сіе торжество не прошло безъ нѣкоторыхъ неудовольствій. Готовясь къ чрезвычайному собранію въ Сенатѣ и зная цѣль онаго, для собственнаго руководства въ нѣкоторыхъ случаяхъ, я заблаговременно велѣлъ отыскать въ сенатскомъ архивѣ производство дѣла по поводу подобнаго же чрезвычайнаго собранія, гдѣ положено было просить отъ имени всего народа Императрицу Екатерину Вторую о воспріятіи наименованія *Великой*. Тогда сочиненіе адресса или прошенія всѣмъ собраніемъ предоставлено было Генералъ-Прокурору

Князю Вяземскому. Собраніе знало, что онъ передастъ это обязательство другому (Графу Заводовскому), но хотѣло тѣмъ изъявить ему свое вниманіе. Въ настоящемъ случаѣ поступлено было совсѣмъ иначе. Согласно съ вышесказаннымъ сенатскимъ стариннымъ производствомъ и моею должностью, въ назначенный день для чрезвычайнаго собранія, я предупредилъ старшаго Оберъ-Прокурора Титова, что присутствіе начнется прочтеніемъ протокола, которымъ опредѣлено было пригласить членовъ Синода и Государственнаго Совѣта для общаго совѣщанія съ Сенатомъ; что онъ долженъ стоять за мною, у императорскихъ креселъ, и по слову моему приступить къ чтенію; но вмѣсто того, едва собраніе стало усаживаться за столъ, каждый по своему старшинству, какъ Предсѣдатель Комитета Министровъ Графъ Салтыковъ, опускаясь еще въ кресла, уже заговорилъ не тономъ приглашеннаго гостя, хотя самъ наканунѣ предупреждалъ меня, что онъ будетъ гостемъ, не болѣе; Князь же А. Б. Куракинъ, не давъ ему докончить, уже тотчасъ предлагаетъ, по обыкновенію своему кудрявыми фразами, Сенатора Нелединскаго-Мелецкаго для сочиненія всеподданнѣйшаго прошенія, о которомъ еще ни слова не было сказано; ближайшіе къ нимъ члены изъявили на то согласіе, и Нелединскій принялъ на себя быть редакторомъ адресса, но только просилъ составить комитетъ изъ нѣсколькихъ особъ, дабы онъ могъ предварительно показывать имъ свою работу и пользоваться ихъ совѣтомъ. Собраніе согласилось и въ члены Комитета избрало Архіепископа Серафима (нынѣшняго Митрополита) [78] и Графа Кочубея. Но вскорѣ за тѣмъ съ конца стола, гдѣ сидѣлъ Сенаторъ Молчановъ, присланъ былъ къ Графу Салтыкову Князь Горчаковъ съ предложеніемъ, будто отъ многихъ Сенаторовъ, о избра-

нія въ члены же комитета и Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Василья Степановича Попова [79], и на то согласились.

Я не оскорбился тѣмъ, что собраніе не признало меня достойнымъ участвовать, хотя совѣтомъ, при сочиненіи адресса; но не могъ быть равнодушнымъ къ тому, что Графъ Салтыковъ помѣшалъ мнѣ открыть засѣданіе приличнымъ образомъ и вмѣшался не въ свое дѣло.

Между тѣмъ предстояли мнѣ еще новыя и важнѣйшія непріятности по откупнымъ дѣламъ. Истекающій срокъ винному откупу обратилъ вниманіе Сената и Министра Финансовъ ко взысканію со многихъ откупщиковъ и залогодателей значительныхъ недоимокъ. По вліянію одного изъ Сенаторовъ, нѣкоторые изъ нихъ начали явно покровительствовать и тѣмъ и другимъ, особенно же откупщику Перецу. Рѣдко случалось, чтобъ настояніе Министра Финансовъ въ Первомъ департаментѣ было единогласно уважено и миновало разсмотрѣнія Общаго Собранія. Тоже недоброхотство къ нему оказывалось и въ государственномъ Совѣтѣ. Представленныя имъ условія на новый откупъ вытерпѣли сильныя противорѣчія. Однако сторона Министра Финансовъ превозмогла; условія большинствомъ голосовъ были одобрены и отправлены къ Императору въ армію на утвержденіе, съ нарочнымъ чиновникомъ изъ Министерства Финансовъ, дабы въ случаѣ какихъ недоразумѣній можно было получить отъ него достаточное объясненіе. Но сія предосторожность ни къ чему не послужила: условія неудостоились высочайшаго утвержденія, они возвращены въ Совѣтъ съ повелѣніемъ нѣкоторыя статьи изъ нихъ перемѣнить, другія пополнить. Носились слухи, будто вмѣстѣ съ ними посланы были, чрезъ постороннія руки, тайныя на нихъ замѣчанія, дабы

поколебать довѣренность къ Сенату и Министру Финансовъ, и какъ будто для того, чтобы промедленіемъ времени поставить правительство въ необходимость угождать прихотямъ откупщиковъ и отдать имъ откупъ по ихъ произволу.

Надежда ихъ на сильное покровительство столь была велика, что одинъ изъ нихъ, а именно Перецъ, даже осмѣлился отправить къ Императору жалобу на Министра Финансовъ, наполненную дерзкими выраженіями, и безъ подписанія своего имени. Она обращена была къ Фельдмаршалу Графу Салтыкову, который предоставилъ мнѣ предложить ее на разсмотрѣніе Сенату. Я далъ ему замѣтить, что доселѣ никакое судилище, руководствуемое законами, не принимало бумагъ отъ безыменныхъ. «Это такъ, отвѣчалъ онъ, но я подозрѣваю, что эта бумага писана *Перецомъ*; мнѣ хотѣлось бы, чтобы Сенатъ послалъ за нимъ и спросилъ его, не знаетъ ли онъ, кто писалъ эту жалобу". Должно было, или пришлось исполнить. Сенаторы, хотя и пожимали плечами, но согласились. И что же? На другой день Перецъ призванный въ присутствіе, безъ запинки сказалъ, что эта бумага точно имъ писана, но такъ давно, что онъ уже почиталъ ее пропадшею.

Министру Финансовъ и мнѣ оставалось только, скрѣпя сердце, ожидать возвращенія Государя. Мы увѣрены были, что появленіе его приведетъ все въ прежній порядокъ. Надежда наша сбылась, но прежде того мы должны были еще вытерпѣть сильнѣйшій опытъ для нашей чувствительности, равно и для нашего честолюбія.

Въ тринадцатый день Іюля столица обрадована была прибытіемъ Императора изъ за границы. Съ первымъ пушечнымъ выстрѣломъ, многіе, въ томъ числѣ и я, поска-

кали во дворецъ на Каменный Островъ. Государя тамъ еще не было. Сказали намъ, что онъ изъ Казанскаго Собора отправился къ Графу Салтыкову, бывшему тогда нездоровымъ. Наконецъ мы имѣли счастіе дождаться Государя. Онъ былъ веселъ, много изволилъ говорить о минувшей войнѣ, и по безпристрастію своему счастливый конецъ оныя относилъ единственно къ благости провидѣнія, не скрывая того, что наше войско, бывъ уже на пути къ Парижу, неоднократно находилось близкимъ къ отступленію. Его Величество удостоилъ меня по прежнему ласковымъ словомъ.

Ободренъ будучи симъ, я на другой же день отправился во дворецъ, взявъ съ собою бумагу, присланную ко мнѣ, какъ выше сказано, изъ арміи отъ Графа Аракчеева. Придворный камердинеръ доложилъ обо мнѣ, и вынесъ отвѣтъ, что если нѣтъ большой нужды, то ожидать для доклада другаго дня. Въ тотъ же день узналъ я, что и Министру Финансовъ было отказано. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того Графъ Салтыковъ сообщилъ мнѣ рескриптъ на его имя, въ которомъ, по откупнымъ дѣламъ, употреблены выраженія, изъявляющія неудовольствіе на дѣйствія Министра Финансовъ и самаго Сената. Гурьевъ сказался больнымъ и пересталъ выѣзжать изъ дома, но продолжалъ изыскивать всѣ способы къ своему оправданію.

Между тѣмъ, въ 22 день Іюля, наступило празднованіе дня рожденія вдовствующей Императрицы. Вся столица перенеслась въ Петергофъ. Дворецъ окруженъ былъ народомъ, а проходныя комнаты наполнены служащими и отставными. Государь, при выходѣ изъ церкви, остановясь въ пріемной комнатѣ, обращался ко всѣмъ Министрамъ съ обыкновеннымъ своимъ благоволеніемъ. Говорилъ даже съ нѣкоторыми изъ Сенаторовъ. Меня же не удо-

стоилъ не только словомъ, ниже взглядомъ: та же участь была и Сенатору Болотникову, отправлявшему должность мою, въ продолженіи моего отпуска. Тутъ я увидѣлъ ясно, что дворскія ухищренія произвели свое дѣйствіе. Въ послѣдствіи же узналъ, что Князь Салтыковъ (тогда онъ уже получилъ достоинство Свѣтлѣйшаго Князя), при первомъ свиданіи съ Государемъ, испросилъ у него позволеніе прислать къ нему Молчанова съ докладами по Комитету; что послѣдній въ тотъ же день и былъ принятъ. Вѣроятно этотъ случай и послужилъ къ обвиненію меня и Болотникова. Послѣдняго, можетъ быть, изъ одной предосторожности, чтобы не допустить его быть моимъ преемникомъ, ибо всѣмъ извѣстно было давнее наше знакомство и доброе согласіе. Тогда же дошло до меня, что Государь изволилъ отзываться предъ одною особою, будто я сталъ лѣнивъ и очень гордъ, а потому и задалъ мнѣ урокъ въ смиреніи.

Вскорѣ потомъ я получилъ приглашеніе къ императорскому столу на Каменный Островъ. Это будетъ вторичный урокъ, думалъ я, и съ спокойнымъ духомъ отправился на островъ. Но добрый Государь, сверхъ чаянія моего, обошелся со мною по прежнему. Даже, минуя нѣсколькихъ особъ, стоявшихъ выше меня, подходилъ ко мнѣ, и потомъ уже въ мою очередь еще удостоилъ меня двумя тремя словами.

Такой благосклонный пріемъ рѣшилъ меня на другой день повторить мою просьбу о назначеніи мнѣ дня доклада по нужнѣйшимъ дѣламъ Сената; но ошибся въ моей надеждѣ. Три дня прошло, и не было отвѣта. Тогда нимало не мѣшкавъ, я написалъ къ Государю вторичную просьбу о увольненіи меня не изъ одного Министерства, какъ то было сказано въ первой, но уже *вовсе* отъ службы и

объ рѣшеніи моей участи прежде отбытія на Вѣнскій Конгресъ, назначеннаго на другой или на третій день его тезоименитства. Запечатавъ прошеніе мое въ пакетъ, поѣхалъ съ нимъ на Каменный Островъ и отдалъ его камердинеру, для врученія Государю.

Между тѣмъ положеніе Министра Финансовъ перемѣнилось. Испрошенное имъ объясненіе предъ Графомъ Аракчеевымъ (III) и другія побочныя старанія помогли ему оправдаться; въ слѣдствіе чего онъ получилъ орденъ св. Владиміра первой степени [80] и прежній вѣсъ въ Сенатѣ, равно какъ и въ Государственномъ Совѣтѣ.

Еслибы я пошелъ тѣмъ же путемъ, можетъ быть, и мнѣ удалось бы имѣть равный успѣхъ; но я не могъ сдѣлать себѣ насилія; имѣвъ уже однажды свободный доступъ къ Государю, по званію Министра, я не могъ рѣшиться на принесеніе оправданій моихъ чрезъ *посредника*. Мнѣ легче было разстаться съ своимъ мѣстомъ, чѣмъ занимать оное съ потеряніемъ правъ своихъ и возможности быть вполнѣ полезнымъ.

Двадцать девятый день Августа былъ послѣднимъ днемъ моего служенія. Поутру получилъ я, не помню отъ Фельдмаршала ли Князя Салтыкова или отъ Графа Аракчеева два высочайшія повелѣнія: первое, чтобы при торгахъ по винному откупу присутствовать Князю Лопухину и Сибирскому Генералъ-Губернатору Пестелю; второе, чтобы въ день тезоименитства Императора (30 Августа), передъ обѣднею, пригласить Сенаторовъ въ Сенатъ для выслушанія высочайшихъ указовъ.

Вечеромъ того же дня Первый департаментъ открылъ первое засѣданіе для прочтенія новыхъ условій собравшимся для торговъ по винному откупу. Зала Общаго Собранія, мѣсто присутствія, была ими наполнена. Засѣданіе

долго не открывалось, въ ожиданіи Князя Лопухина, который заѣхалъ къ Графу Аракчееву. Наконецъ и онъ прибылъ. Бодрый видъ его, не всегда ему свойственный, заставилъ всѣхъ присутствующихъ что-то отгадывать. Начались переговоры на счетъ условій. Сенаторъ Молчановъ съ прежнею надежностью сталъ было говорить въ пользу откупщиковъ; но Князь Лопухинъ краткимъ отпоромъ заставилъ его поблѣднѣть и потупить глаза. Потомъ онъ, обратясь къ тремъ депутатамъ или ораторамъ изъ толпы откупщиковъ, говорилъ съ ними довольно рѣзко; даже позволилъ себѣ слишкомъ неблагосклонные отзывы на счетъ Статскаго Совѣтника Безака, управлявшаго домовою конторою откупщика Переца. Всѣ не спускали глазъ съ Князя Лопухина. Пестель шопотомъ говорилъ мнѣ, что онъ не узнаетъ его, и сожалѣлъ о неприличной его запальчивости; но я отгадывалъ источникъ его смѣлости, и не дивился.

На другой день поутру подаютъ мнѣ присланные въ Департаментъ указы; между прочими находился и объ моей отставкѣ и высочайшій рескриптъ на мое имя. Государь изволитъ изъявлять въ немъ монаршее свое благоволеніе за мою министерскую службу и жалуетъ въ пенсіонъ ежегодно по десяти тысячъ ассигнаціями. Преемникомъ же моимъ названъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій [81]. Онъ уже находился въ столицѣ въ числѣ Депутатовъ избранныхъ отъ кіевскаго дворянства для поздравленія Государя съ благополучнымъ окончаніемъ войны и возвращеніемъ въ отечество.

Я тотчасъ надѣлъ въ послѣдній разъ парадный министерскій мундиръ, и поѣхалъ въ Сенатъ. Сенаторы уже были въ полномъ собраніи, кромѣ одного Молчанова, при-

славшаго сказать, что онъ боленъ. Я велѣлъ Оберъ-Секретарю читать указы, отдавая ему одинъ за другимъ. Объ отставкѣ же моей вмѣстѣ съ рескриптомъ и о преемникѣ моемъ были послѣдними. Потомъ, разпростясь съ Сенатомъ отправился въ Невскій монастырь, а оттуда въ Таврическій Дворецъ къ обѣденному столу, къ которому приглашенъ былъ наканунѣ.

Императоръ, обходя Министровъ, изволилъ сказать мнѣ: „ты непремѣнно хотѣлъ отставки, и не однажды о томъ просилъ меня. Должно было наконецъ исполнить твое желаніе.“ Я отвѣтствовалъ только почтительнымъ поклономъ. Добрый Государь, отступя отъ меня, еще обратился ко мнѣ и повторилъ обыкновенную свою шутку, что я *мнимый больной*. Все это сказано было конечно для того, чтобъ увѣрить предстоявшихъ въ продолженіи всемилостивѣйшаго ко мнѣ благоволенія. Въ слѣдующій день я приглашенъ былъ опять уже къ малому обѣденному столу. Государь, до обѣда и послѣ, благоволилъ удостоить меня нѣсколькими словами: между прочимъ не одобрялъ моего намѣренія поселиться въ Москвѣ на *пепелищѣ*.

По возвращеніи Государя во внутренніе покои, я пошелъ въ верхъ — это было на Каменномъ островѣ — въ такъ называемую секретарскую комнату и поручилъ дежурному камердинеру доложить Государю о желаніи моемъ принести ему благодарность мою и въ тоже время откланяться. Между тѣмъ остался ожидать отвѣта вмѣстѣ съ Графомъ Аракчеевымъ и виртембергскимъ посломъ Винцегеродомъ, изъ коихъ одинъ дожидался съ докладными дѣлами, а другому назначена была приватная аудіенція. Сперва позванъ былъ посолъ, а послѣ него я. При входѣ моемъ въ кабинетъ, Государь уже былъ на сере-

динѣ онаго. Не допустя меня поцѣловать у него руку, онъ обнялъ меня и поцѣловалъ въ щеку. Потомъ изволилъ увѣрять меня, что онъ во всемъ былъ мною доволенъ, сожалѣлъ что я оставилъ службу, и съ ласковымъ видомъ спросилъ меня, держа за руку: „даешь ли слово со временемъ опять сойтиться?“ Я отвѣчалъ ему, что въ продолженіи его отсутствія я столько вынесъ досадъ и огорченій по моей должности, столько еще и теперь встревоженъ въ духѣ, что никакъ не смѣю обязать себя словомъ. Потомъ вкратцѣ и слегка разсказалъ о происходившемъ со мною по Комитету, и заключилъ тѣмъ, что это одно и заставило меня домогаться докладнаго часа отъ Его Величества. Государь слушалъ меня съ большимъ участіемъ; онъ былъ растроганъ; увѣрялъ меня снова въ постоянномъ ко мнѣ благоволеніи и еще изволилъ обнять меня.

По сдачѣ дѣлъ моихъ я недолго жилъ въ Петербургѣ. Государь отбылъ на Вѣнскій Конгрессъ; въ половинѣ того же мѣсяца и я отправился въ Москву. Государственный Канцлеръ Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ предложилъ мнѣ жить въ его московскомъ домѣ, пока мой собственный не будетъ отстроенъ. Къ слову о моемъ переселеніи, не могу пройти молчаніемъ и благороднаго, прямо пріятельскаго поступка покойнаго Николая Андреевича Всеволожскаго, давняго сослуживца моего по Семеновскому полку. Узнавъ стороною, что я, по недостатку въ деньгахъ, затрудняюсь въ отправленіи моего скарба, онъ принесъ четыре тысячи рублей, и убѣдительно просилъ меня, чтобъ я принялъ ихъ заимообразно. Я хотѣлъ дать ему обязательное письмо, но не могъ уговорить его взять даже росписку! Должно прибавить къ тому, что онъ съ молодыхъ лѣтъ до старости

16

имѣлъ посредственный достатокъ, бывши богатъ только умомъ, просвѣщеніемъ и любовію ко всему изящному и полезному. Въ это время я оставлялъ въ Петербургѣ близкихъ моихъ родныхъ, но ни одинъ изъ нихъ не догадался предложить мнѣ своихъ услугъ.

Подобное же одолженіе я испыталъ послѣ и отъ другой особы, живущей въ Петербургѣ, но я не смѣю наименовать ее: вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Москву я получилъ также нечаянно и заимообразно, безъ процентовъ и безъ росписки, четыре же тысячи рублей. И тотъ и другой долгъ давно уже уплачены; но долга благодарности ничѣмъ и никогда не выплатишь.

По выѣздѣ моемъ изъ Петербурга, въ селѣ Чудовѣ, встрѣтился съ Гавріиломъ Романовичемъ Державинымъ и его супругою Дарьей Алексѣевной (урожденной Дьяковой). Они ѣхали въ *Званку*, свою деревню, лежащую на берегу Волхова, въ Новгородской губерніи, и воспѣтую имъ самимъ и многими молодыми поэтами. Постоянная, пріятельская связь моя съ нимъ еще съ молодыхъ лѣтъ моихъ, когда я только что пробивался на стезю къ Парнассу, а онъ уже сіялъ на его вершинѣ; одинакой путь и на поприщѣ гражданской службы: оба были Сенаторами, оба Министрами, оба уже въ отставкѣ, и нечаянная встрѣча на большой дорогѣ: какое представилось намъ поле для сердечныхъ чувствъ и размышленія! Я пробылъ съ нимъ нѣсколько часовъ лишнихъ, какъ бы предчувствуя, что это было послѣднее наше свиданіе.

Прощанье обоихъ насъ растрогало. Я всегда былъ искреннимъ почитателемъ высокаго поэтическаго таланта и душевныхъ качествъ его. Увѣренъ, что и онъ любилъ меня, особенно въ первые годы нашего знакомства. Въ продолженіи же моего министерства, хотя онъ по вре-

менамъ и досадовалъ на меня; можетъ быть, считалъ даже и непризнательнымъ, ибо я не всегда могъ исполнять его требованія объ опредѣленіи къ мѣсту, или по тяжебнымъ дѣламъ тѣхъ и другихъ; но это нимало не ослабляло нашего вниманія другъ къ другу.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

И такъ въ тысяча восемь сотъ четырнадцатомъ году, Сентября съ двадцатаго дня, возобновилась московская жизнь моя! Но я уже не могъ обѣщать себѣ тѣхъ пріятныхъ наслажденій, посреди коихъ текли счастливые дни мои въ продолженіи первой моей отставки: прибавка нѣсколькихъ лѣтъ заставляетъ насъ взирать на многое уже другими глазами; къ тому же изъ короткихъ моихъ знакомцевъ нѣкоторыхъ уже не было въ мірѣ; другіе разъѣхались, кто въ резиденцію, кто въ губернію на постоянное житье. Одинъ только Карамзинъ могъ бы замѣнить мнѣ всѣ утраты, но и съ нимъ не надолго увидѣлся.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ отправился въ Петербургъ для поднесенія Государю осьми томовъ сочиненной имъ Исторіи Россійскаго Государства. Труды и талантъ его получили достойную награду: онъ возвратился въ новомъ чинѣ Статскаго Совѣтника и кавалеромъ ордена св. Анны перваго класса. Сверхъ того Императоръ приказалъ печатать его Исторію, не подвергая цензурѣ, на счетъ Кабинета, и предоставилъ весь заводъ въ полное его распоряженіе. Ни одинъ изъ нашихъ монарховъ не награждалъ съ такимъ блескомъ авторскія заслуги, и ни одинъ изъ нашихъ писателей не былъ столь отличенъ почестію, несмотря на то, что Карамзинъ во всю жизнь свою не употреблялъ никакихъ происковъ, и однажды только при-

бѣгалъ къ покровительству М. Н. Муравьева, исходатайствовавшаго ему званіе Историографа съ чиномъ Надворнаго Совѣтника. Сказанное мною украситъ біографію Александра и его Историографа. Пробывъ въ Москвѣ до весны, онъ опять отправился въ Петербургъ, уже на житье, со всѣмъ своимъ семействомъ.

Въ слѣдующемъ году, переселясь въ новый мой домъ, я отлучался только на короткое время въ Симбирскую губернію. Лѣтніе мѣсяцы проведены были мною не скучно: ставъ по прежнему хозяиномъ въ собственномъ домѣ, я занимался внутреннею отдѣлкою и убранствомъ моихъ покоевъ, разборомъ книгъ и установкою ихъ въ методическомъ порядкѣ по шкафамъ, устройствомъ сада, пересадкою деревьевъ, кустовъ, разведеніемъ цвѣтниковъ и, на досугѣ, прогулкою на Прѣсненскихъ прудахъ и по Тверскому бульвару. Оба гульбища отъ меня въ близкомъ сосѣдствѣ.

Удивляюсь поэту, который равнодушенъ къ живописи, цвѣтамъ и деревьямъ, слѣдовательно и къ природѣ. Одинъ дубъ, посаженный мною въ первое лѣто моего новоселья, доставляетъ мнѣ каждый годъ новое удовольствіе: съ каждою весною нахожу его рослѣе и вѣтвистѣе. Посѣя цвѣточныя сѣмена, я ожидаю почти съ каждымъ утромъ пріятную себѣ новость. Вчера утѣшался всходомъ цвѣточнаго стебля или пучечкомъ; чрезъ нѣсколько дней уже застаю его въ полномъ расцвѣтѣ. Украшеніемъ моего сада обязанъ я нѣкоторымъ изъ моихъ пріятелей, имѣющихъ сады или оранжереи. Подарокъ деревомъ или цвѣткомъ прочнѣе прочаго служитъ намъ памятникомъ дружбы или пріязни. Лугъ мой передъ домомъ украшается дикимъ каштаномъ: онъ подаренъ мнѣ былъ землякомъ моимъ Н. А. Дурасовымъ[82]; мы еще въ дѣтскихъ лѣ-

тахъ обучались въ Симбирскѣ въ одномъ училищѣ. Онъ уже давно скончался; но я и понынѣ, проходя мимо каштана, всякій разъ съ чувствомъ признательности вспоминаю его и наше дѣтство. Къ подкрѣпленію сказаннаго пришелъ мнѣ на память еще одинъ случай: въ ясный полдень вносятъ въ мой кабинетъ горшокъ съ прекраснымъ, ароматнымъ цвѣткомъ; на вопросъ мой: гдѣ его взяли?— это самый тотъ, отвѣчаютъ мнѣ, который въ прошломъ лѣтѣ прислала къ вамъ А. А. Г*** на другой день, какъ она гуляла въ саду вашемъ. Ея уже не было въ мірѣ, а цвѣтокъ ея и понынѣ, съ каждою весною, возобновляетъ жизнь свою и напоминаетъ объ ней.

Такимъ образомъ протекали дни мои, незамѣтные, но спокойные, до 1816 года. Въ половинѣ онаго Москва обрадована была прибытіемъ Императора. Онъ еще въ первый разъ увидѣлъ ее послѣ достопамятнаго пожара 1812 года. Легко можно представить, сколько тяжко было ему смотрѣть на развалины стариннаго, но прекраснаго Арсенала, а еще болѣе на пожарища бѣдныхъ обывателей. Но мы скоро увидѣли въ немъ ангела-утѣшителя. Приказано было Статсъ-Секретарю Кикину [83] принимать отъ всѣхъ на высочайшее имя прошенія. Сверхъ того бѣдные и разоренные граждане средняго состоянія, встрѣчаясь съ Государемъ въ ежедневныхъ прогулкахъ его по берегамъ Прѣсненскихъ прудовъ и по другимъ частямъ города, обращались сами къ нему съ просьбами словесными и на бумагѣ, и ни одинъ не отходилъ отъ него безъ утѣшенія. Предъ отъѣздомъ же Государя въ Варшаву послѣдовалъ на имя бывшаго Московскаго Военнаго Губернатора Тормасова высочайшій рескриптъ объ учрежденіи Коммиссіи для пособія разореннымъ въ Москвѣ отъ пожара и непріятеля. Я имѣлъ счастіе быть

избранъ самимъ Императоромъ въ Предсѣдатели Коммиссіи. За нѣсколько дней предъ тѣмъ, Графъ Аракчеевъ, приглася меня къ себѣ, объявилъ мнѣ объ намѣреніи Государя возложить на меня сію обязанность, прибавя къ тому, что въ случаѣ моего согласія, Государь предоставляетъ моему произволу назначеніе членовъ Коммиссіи, въ томъ числѣ одного изъ духовенства, равно и правителя канцеляріи, и позволяетъ мнѣ составить послѣднюю, если я самъ пожелаю, изъ сенатскихъ чиновниковъ. Но въ то же время Графъ поставилъ мнѣ на видъ Архимандрита Симонова монастыря Герасима, съ хорошей стороны давно ему извѣстнаго, и отставнаго Капитана Бахметева [84], одобряемаго ему Статсъ-Секретаремъ Кикинымъ. Я повиновался монаршей волѣ и, въ добавокъ къ двумъ предложеннымъ особамъ, назначилъ еще Сенатора Кушникова [85] и начальника Московскаго Архива Иностранной Коллегіи, Алексѣя Өедоровича Малиновскаго [86]. Но первый изъ нихъ, вскорѣ по открытіи Коммиссіи, отпросясь въ отпускъ, отправился за границу и мѣсто его уже никѣмъ не было занято.

Въ рескриптѣ на имя Московскаго Военнаго Губернатора предписывалось Коммиссіи помогать только тѣмъ разоренным, которые не получаютъ жалованья и нуждаются въ пропитаніи себя и семейства. Въ слѣдствіе сего Коммиссія и поставила себѣ въ обязанность и непремѣнное правило навѣдываться о просителѣ чрезъ полицію и назначать въ единовременное пособіе, соотвѣтственно званію и состоянію каждаго, не свыше осьми сотъ и не менѣе двадцати пяти рублей. Въ случаяхъ же, требовавшихъ отступленія отъ сего правила, какъ-то по уваженію многочисленнаго семейства просителя, или крайней бѣдности, несоразмѣрной съ его званіемъ, Предсѣдатель,

по приговору Коммиссіи, вносилъ черезъ Графа Аракчеева записку, съ назначеніемъ бо́льшаго пособія, на высочайшее разсмотрѣніе, и тогда Государь изволилъ присылать на имя Предсѣдателя испрашиваемую сумму, часто же и превышающую, на счетъ собственныхъ своихъ расходовъ, для отдачи просителю.

Сколь ни легко было само по себѣ новое, и вѣроятно послѣднее мое служеніе, однакожъ и оно не обошлось для меня безъ нѣкоторыхъ непріятностей. Укоренившійся между нами обычай втираться къ случайнымъ, и для услуги своимъ знакомцамъ располагать царскою казною гораздо чивѣе, нежели собственнымъ добромъ, заводилъ иногда между мною и членами споры и легкія другъ на друга неудовольствія. Не знаю, отъ нихъ ли это вышло, или отъ другой причины, но Графъ Аракчеевъ сталъ ко мнѣ примѣтнымъ образомъ холоднѣе; даже и въ обращеніи со мною Государя видѣлъ я нѣсколько дней большую перемѣну. Послѣдняя для меня была крайне чувствительна; но я не измѣнилъ моимъ правиламъ: находя себя во всемъ невиннымъ, не прибѣгалъ ни чрезъ кого ни къ объясненіямъ, ни къ оправданіямъ, и шелъ своей дорогою.

Въ 1819 году Коммиссія, окончa разборъ прошеній, поступившихъ въ нее съ минувшаго года, представила Государю, 8 Февраля, подробный отчетъ въ количествѣ разсмотрѣнныхъ прошеній и суммѣ, назначенной въ пособіе. Это было за три дня до отбытія Государя въ Варшаву.

Въ то же время подано было отъ меня Императору чрезъ камердинера его письмо, въ которомъ донося Его Величеству объ отправленіи къ Графу Аракчееву окончательнаго отчета, я просилъ его, по дряхлости осмидесятилѣтняго отца моего, съ которымъ уже около трехъ лѣтъ не видался, объ увольненіи меня отъ разбора вновь

поступившихъ прошеній. Просилъ также и о позволеніи мнѣ представить къ награжденію нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ, находившихся подъ начальствомъ моимъ въ Коммиссіи.

Вскорѣ послѣ того я имѣлъ счастіе получить, при отношеніи Графа Аракчеева, копію съ высочайшаго указа, подписаннаго Февраля 16 дня, о всемилостивѣйшемъ награжденіи меня чиномъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника. Графъ Аракчеевъ, поздравляя меня съ монаршею милостію, между прочимъ писалъ, что Государь, затрудняясь въ выборѣ на мѣсто меня Предсѣдателя, желалъ бы, чтобъ я сохранилъ сіе званіе и впредь, когда продолжится Коммиссія; и что между тѣмъ Его Величество позволяетъ мнѣ отлучаться изъ Москвы, а во время отсутствія прекращать засѣданія Коммиссіи.

Съ живѣйшею признательностью повинуясь монаршей волѣ, я приступилъ къ разбору вновь поданныхъ прошеній и отложилъ свиданіе мое съ родителемъ до совершеннаго окончанія разбора; но въ скоромъ времени получилъ горестную вѣсть о его кончинѣ.

Въ первыхъ дняхъ Маія 1819 года оконченъ разборъ и остальныхъ прошеній. Всѣхъ же ихъ вообще, въ двукратное пребываніе Государя въ Москвѣ, поступило въ Коммиссію 20,959 прошеній, изъ коихъ она, по уваженію пятнадцати тысячъ триста тридцати прошеній, назначила въ пособіе *одинъ милліонъ триста девяносто одну тысячу двѣсти восемдесятъ рублей.*

Вскорѣ по отправленіи вторичнаго отчета я имѣлъ счастіе еще получить орденъ св. Владиміра первой степени, при всемилостивѣйшемъ рескриптѣ, подписанномъ въ Сарскомъ Селѣ 16 Іюня того же года.

Но тѣмъ не ограничилось высокомонаршее ко мнѣ благоволеніе. Въ 1821 году я поручилъ Карамзину це-

редать на словахъ Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшую мою просьбу о пожалованіи одного изъ моихъ родныхъ племянниковъ [87] въ званіе Каммеръ-Юнкера и объ опредѣленіи другаго [88] въ Пажескій Корпусъ; тогда же все исполнено, и чрезъ двѣ недѣли Генералъ-Адьютантъ Князь Петръ Михайловичъ Волконскій [89] по высочайшему певелѣнію извѣстилъ меня о исполненіи моего желанія, а потомъ, въ слѣдствіе благодарительнаго моего письма къ Императору, онъ же почтилъ меня увѣдомленіемъ, что Государь, на принесенную мною въ письмѣ благодарность, приказалъ ко мнѣ отписать, что Его Величеству весьма пріятно „сдѣлать *мнѣ* то удовольствіе, которое онъ усматриваетъ изъ письма *моего*.“

Въ слѣдующемъ году, въ первыхъ дняхъ Іюня, я отправился въ Петербургъ для свиданія съ двоюродной сестрой моею Анною Николаевною Смирновой [90] и другомъ моимъ Карамзинымъ. Пріятно мнѣ было въ то же время принести и сердечную благодарность мою Государю за оказанныя милости мнѣ и моимъ племянникамъ. Я нашелъ Карамзина въ Сарскомъ Селѣ. Государь, по особенному къ нему благоволенію, назначилъ ему съ семействомъ его два китайскіе домика, которые и были занимаемы съ начала весны до глубокой осени. Не стану описывать первыхъ минутъ нашего свиданія: кто знаетъ дружбу, тотъ и безъ меня пойметъ наши чувства. Переночевавъ у него, я пріѣхалъ поутру въ Петербургъ, и тотчасъ отправилъ къ Оберъ-Каммергеру А. Л. Нарышкину [91] письмо, въ коемъ прошу его исходатайствовать мнѣ позволеніе представиться Императору и обѣимъ Императрицамъ. Но на другой день, прежде, нежели дошло мое письмо, Государь изволилъ прибыть въ столицу, и я удостоился получить приглашеніе къ обѣденному столу на Каменный Островъ.

Нечаянное появленіе мое во дворцѣ изумило всѣхъ приглашенныхъ къ столу. Никто изъ нихъ не зналъ объ моемъ пріѣздѣ. Государь, вступя съ Императрицею въ пріемную комнату, съ ласковымъ видомъ изволилъ мнѣ попенять, для чего я не хотѣлъ идти въ Сарскосельскій садъ, чтобъ не встрѣтиться съ нимъ до представленія: «такіе чины, примолвилъ Его Величество, не у мѣста между Семеновскими сослуживцами.» Я догадался, что эту милость доставила мнѣ нескромность, или искренность, моего друга. Послѣ же обѣденнаго стола Государь, откланявшись гостямъ и проходя мимо меня, изволилъ сказать мнѣ: „просимъ же впередъ не спѣсивиться".

Во всю бытность мою въ Петербургѣ Императоръ благоволилъ оказывать мнѣ милости, необыкновенныя для частнаго человѣка. Въ Сарскомъ Селѣ мнѣ былъ отведенъ для временнаго житья одинъ изъ китайскихъ домиковъ (IV), въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Карамзинымъ. Съ наступленіемъ же Іюля 22 числа, тезоименитства вдовствующей Императрицы, празднуемаго всегда въ Петергофѣ, по высочайшему повелѣнію приготовлены были тамъ для меня покои въ дворцовомъ домѣ, назначенномъ для помѣщенія членовъ Государственнаго Совѣта.

Право гражданства, полученное мною въ китайскомъ поселеніи, доставило мнѣ удовольствіе быть чаще въ Сарскомъ Селѣ и проводить по нѣскольку дней сряду вмѣстѣ съ Карамзинымъ. Наши домики раздѣляемы были однимъ только садикомъ, чрезъ который мы другъ къ другу ходили. Всякое утро онъ, отправляясь въ придворный садъ, захаживалъ ко мнѣ и заставалъ меня еще въ постели. Въ саду онъ почти всегда встрѣчался въ Государемъ и ходилъ съ нимъ по большой аллеѣ, прозванной августѣйшимъ хозяиномъ *зеленымъ кабинетомъ*. По возвраще-

нія съ прогулки Карамзинъ выкуривалъ трубку табаку и пилъ кофій съ своимъ семействомъ. Потомъ уходилъ въ кабинетъ, и возвращался къ намъ уже въ исходѣ четвертаго часа, прямо къ обѣду. Послѣ стола онъ садился въ кресла дремать или читать заграничныя вѣдомости; потомъ, сдѣлавъ еще прогулку, проводилъ вечеръ съ сосѣдями или короткими пріятелями. Въ числѣ послѣднихъ чаще другихъ бывали В. А. Жуковскій и старшій Тургеневъ [92].

Сколь ни пріятно для меня было жить почти подъ одною кровлею съ стариннымъ, единственнымъ моимъ другомъ, слушать его и восхищаться чертами прекрасной души его, любоваться его и славою и домашнимъ счастіемъ: признаюсь, однакожъ, что ни одного тогдашняго утра и вечера не могъ я сравнить съ тѣми, кои мы проваживали въ Москвѣ, одинъ на одинъ, когда Карамзинъ, еще до первой женитьбы своей, жилъ на Никольской улицѣ, въ четырехъ маленькихъ покояхъ, въ нижнемъ этажѣ. Здѣсь я бывалъ съ нимъ по нѣскольку дней неразлучнымъ, но не помню, чтобъ хотя четверть часа мы были безъ свидѣтелей. Казалось, будто мы встрѣчались все мимоходомъ. Дворъ, изрѣдка и слегка исторія, городскія вѣсти были единственнымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ, и сердце мое ни однажды не было спрошено его сердцемъ. Я увѣренъ былъ и тогда въ его любви, а чувствовалъ грусть и не могъ вполнѣ быть довольнымъ (V).

Пребываніе мое въ Сарскомъ Селѣ заставило многихъ думать при дворѣ и въ городѣ, что я буду опять Министромъ Юстиціи или Просвѣщенія, несмотря на то, что оба Министра были въ наличности и здравы духомъ и тѣломъ. Уже нѣкоторые изъ запасливыхъ на всякій случай чиновниковъ и даже высшихъ особъ закидывали мнѣ

поклоны и визитныя карты. Я сожалѣлъ отъ себя о напрасномъ ихъ безпокойствѣ и скоро вывелъ ихъ изъ заблужденія, ибо Августа девятаго числа отправился въ Москву, простясь съ любезнымъ Карамзинымъ и со всѣми любимцами и докучателями фортуны.

Наступилъ часъ проститься и съ тобою, читатель. Скажу еще нѣсколько словъ и положу перо. Кромѣ общаго всѣмъ жребія,—потери родителей, братьевъ, сестръ и двухъ посторонних, но столь же близкихъ къ моему сердцу, во всю жизнь мою, слишкомъ шестидесятилѣтную, я не испыталъ другаго несчастія (VI). Чаще былъ веселъ, чѣмъ печаленъ, хотя по наружности и кажусь задумчивымъ. Никогда не былъ богатъ, и никогда не вздыхалъ о богатствѣ. Между тѣмъ состояніе мое все улучшалось и достаточно стало для удовлетворенія небольшихъ прихотей моихъ. Безъ покровителей, безъ происковъ, безъ нахальныхъ требованій счастливъ былъ въ чинахъ и отличіяхъ, и все это, кромѣ чистѣйшей благодарности, ничего мнѣ не стоило. На тринадцатомъ году оторванъ былъ отъ ученья, и достигъ нѣкоторой извѣстности въ кругу нашихъ словесниковъ.

Теперь, ставъ зрителемъ только малаго позорища, я уподобляю остатокъ дней моихъ сладкой дремотѣ, предшественницѣ того таинственнаго дня, который, вѣроятно, уже близокъ.

Будемъ же, сложа руки, съ покорствомъ и умиленіемъ, ожидать его и благодарить провидѣніе [93].

КОНЕЦЪ

ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

Москва
1825 г.
Апрѣля 9-го дня.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

I) *Описана была его характеристика и пр.* — Un homme doué de tant de moyens n'a pas pu se tromper à un tel degré sur tous les points et sur tant d'objets, pour poursuivre avec une persévérance à toute épreuve le plan qu'il s'etait tracé. On ne peut être censé d'avoir été dans des erreurs multipliées, lorsqu'on a eu tant d'occasions, tant de raisons pour en revenir, et lorsqu'on sait développer tant de sagacité pour colorer ses vues. L'homme, qui a pu entreprendre de sangfroid une pareille tache, en jouissant de la confiance et des bienfaits de l'Empereur Alexandre, qui sut cacher avec un art inoui la vérité et masquer le danger auquel il exposait l'empire, qui en affectant une ame pénétrée de sentiments religieux, ne craignait ni les reproches de sa conscience, ni le mécontentement de son maitre, ni les murmures de toute la nation, un tel homme, dis-je, avait pris son parti depuis longtemps et se conduisait d'après un plan murement réfléchi.

Mais, démandera-t-on, quels ont été ses véritables desseins, à quoi visait-il?

Il faut avoir observé longtemps cet être calme et profondément dissimule, semblant être de tous les avis pour ne suivre que le sien, possédant l'art de la parole et de la rédaction, joint à des formes très agréables; il faut l'avoir vu former et réformer ses propres idées, pour avoir la clef de sa conduite et de son caractère. Son âme et son orgueil ne sont pas d'un genre ordinaire. Un tel caractère ne se nourrit pas des choses qui peuvent satisfaire le vul-

gaire des hommes; il parcourt le ciel et la terre pour fixer ses regards sur ce qui peut le contenter ou du moins le servir. La religion pour lui n'est qu'un hommage qu'il rend à son orgueil. Il sait dompter les petites passions, parcequ'il se livre à la plus violente de toutes, à l'orgueil et au mépris des hommes. Les motifs que la morale vulgaire lui refusait, il sut, comme Cromwell, les trouver dans une disposition particulière de son âme, dans ce haut degré d'hypocrisie qui se fait illusion à soi-même. Il se crut tellement rapproché des êtres supérieurs, tellement initié dans les hauts desseins d'une Providence que son égoisme avait créée, qu'il ne doutait pas pouvoir atteindre à tout, être destiné à des événements plus particuliers que le reste des hommes.

Mémoire de Mr. le Baron d'Armfeldt
écrit à l'occasion de la disgrace de
Mr. Spéransky, en 1812.

II) *Выставляли въ окнахъ прозрачныя картины и пр.* Такъ напримѣръ, въ нижнемъ жильѣ, въ модной лавкѣ, поставленъ былъ гипсовый бюстъ Императора и надъ нимъ спущены были гирлянды изъ цвѣтовъ и зелени, а внизу, на прозрачной черной дощечкѣ, сіяла золотая надпись: Au plus juste des rois et au meilleur des hommes, „правдивѣйшему изъ Государей и добрѣйшему изъ людей.“ Въ другой улицѣ я замѣтилъ, на прозрачной вывѣскѣ часовщика, изображеніе часовъ съ надписью: l'heure a sonné, „часъ пробилъ,“ — отношеніе къ участи Наполеона или Франціи.

III) *Испрошенное имъ объясненіе предъ Графомъ Аракчеевымъ.* Съ 1812 года Министры Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ лишились прежняго преимущества имѣть по два раза въ недѣлю личный докладъ Государю. Всѣ дѣла ихъ поступали въ Комитетъ Министровъ, а оттуда въ Государственную Канцелярію, которою управлялъ Гр. Аракчеевъ. Съ того времени онъ вошелъ въ большую силу; за исключеніемъ дипломатической и военной части, вліяніе его простиралось на всѣ дѣла, не только свѣтскія, но и духовныя, словомъ: онъ сдѣлался почти первымъ Министромъ, не нося на себѣ отвѣтственности онаго.

IV) *Одинъ изъ китайскихъ домиковъ.* Для любопытныхъ нашихъ

внучатъ я скажу нѣсколько словъ и о сихъ китайскихъ домикахъ. Они поставлены были еще при Императрицѣ Екатеринѣ Второй, вдоль сада, раздѣляемаго съ ними каналомъ. Это было пристанище ея секретарей и очередныхъ на службѣ царедворцевъ. Китайскими прозваны потому только, что наружность ихъ имѣетъ видъ китайскаго зодчества, и со въѣзжей дороги ведетъ къ нимъ выгнутый мостъ, на перилахъ коего посажены глиняные или чугунные Китайцы, съ трубкою или подъ зонтикомъ. Нынѣ число домиковъ умножено и опредѣлено имъ другое назначеніе: они служатъ постоемъ для особъ обоего пола, которымъ Государь, изъ особеннаго къ нимъ благоволенія, позволяетъ въ нихъ пріятнымъ образомъ провождать всю лѣтнюю пору.

Всѣ домики, помнится мнѣ, составляютъ четвероугольникъ, посреди коего находится каменная же ротонда. Живущіе въ домикахъ имѣютъ позволеніе давать въ ней для пріятелей и сосѣдей своихъ обѣды, концерты, балы и ужины. Въ каждомъ домикѣ постоялецъ найдетъ всѣ потребности для нужды и роскоши: домашніе приборы, кровать съ занавѣсомъ и ширмами; уборный столикъ, комодъ для бѣлья и платья, столъ, обтянутой черною кожею, съ чернильницею и прочими принадлежностями, самоваръ, англійскаго фаянса чайный и кофейный приборъ съ лаковымъ подносомъ и, кромѣ обыкновенныхъ простѣночныхъ зеркалъ, даже большое, на ножкахъ, цѣльное зеркало. Всѣмъ же этимъ вещамъ, для свѣдѣнія постояльца, повѣшена въ передней комнатѣ у дверей опись, на маленькой картѣ, за стекломъ и въ рамѣ. При каждомъ домикѣ садикъ: посреди круглаго дерна кустъ синели, по угламъ тоже, для отдохновенія желѣзные канапе и два стула, покрытые зеленою краскою. Для услугъ опредѣленъ придворный истопникъ, а для надзора за исправностію истопниковъ одинъ изъ придворныхъ лакеевъ. Можно ли и приватному человѣку болѣе заботиться объ выгодахъ своихъ жильцовъ? Замѣчательная черта доброты и любви къ порядку вѣнценоснаго хозяина!

V.) Говоря здѣсь въ послѣдній разъ о Карамзинѣ, я надѣюсь, что не непріятно будетъ видѣть извлеченіе изъ собственнаго письма его ко мнѣ отъ 22 Октября 1815 года. Оно лучше меня раскажетъ будущему біографу добраго Исторіографа о его образѣ жизни, чувствахъ и правилахъ: „Въ отвѣтъ на милое письмо твое, скажу,

что о вкусахъ, по старому латинскому изреченію, не спорятъ: я точно наслаждаюсь здѣшнею (въ Сарскомъ Селѣ) тихою, уединенною жизнію, когда здоровъ и не имѣю сердечной тревоги.—Всѣ часы дня заняты пріятнымъ образомъ: въ девять утра гуляю по сухимъ и въ ненастье дорогамъ, вокругъ прекраснаго, нетуманнаго озера, славимаго и въ Conversation d'Emilie. Въ одиннадцатомъ завтракаю съ семействомъ и работаю съ удовольствіемъ до двухъ, еще находя въ себѣ и душу и воображеніе; въ два часа на конѣ, не смотря ни на дождь, ни на снѣгъ; трясусь, качаюсь—и веселъ; возвращаюсь съ апетитомъ, обѣдаю съ моими любезными, дремлю въ креслахъ, и въ темнотѣ вечерней еще хожу часъ по саду, смотрю вдали на огни домовъ, слушаю колокольчикъ скачущихъ по большой дорогѣ и нерѣдко крикъ совы; возвратясь свѣжимъ, читаю газеты, журналы, ... книгу . . . . въ девять часовъ пьемъ чай за круглымъ столомъ, и съ десяти до половины двѣнадцатаго читаемъ съ женою и съ двумя дѣвицами (дочерьми) Вальтеръ-Скотта, романы, но съ невинною пищею для воображенія и сердца, всегда жалѣя что вечера коротки . . . .

. . . .

Работа сдѣлалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я съ слезами чувствую признательность къ небу за свое историческое дѣло? Знаю, *что и какъ* пишу; въ своемъ тихомъ восторгѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомствѣ: я независимъ, и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любовію къ отечеству и человѣчеству. Пусть никто не будетъ читать моей Исторіи: она есть, и довольно для меня. . . . . За неимѣніемъ читателей могу читать себя и бормотать сердцу, *гдѣ и что* хорошо. Мнѣ остается просить Бога единственно о здоровьѣ милыхъ и насущномъ хлѣбѣ до той минуты,

„Какъ лебедь на водахъ Меандра,
„Пропѣвъ, умолкнетъ навсегда.“ (*)

Чтобы чувствовать всю сладость жизни, надобно любить и смерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ отца. Въ мои веселые, свѣтлые часы я всегда бываю ласковъ къ мысли о смерти, мало забо-

---

(*) Первый стихъ изъ оды Хераскова.

тясь о безсмертіи авторскомъ, хотя и посвятилъ здѣсь способности ума авторству."—Такъ пишутъ къ друзьямъ изъ уединенія. . . .

6.) *Кромѣ потери . . . , я не испыталъ другаго несчастія.* Увы! Писавъ сіи слова, я не предчувствовалъ, что скоро грозная туча разразится не только надо мною, но и надъ всѣмъ нашимъ отечествомъ! Неожиданная, преждевременная кончина великодушнаго Александра заставила меня еще разъ испытать несчастіе потери. Достойный потомокъ Петра и Екатерины, наравнѣ съ ними, онъ обратилъ на себя вниманіе Европы и будетъ жить въ исторіи. Двадцать четыре года царствованія его протекли въ непрестанной дѣятельности на позорищѣ свѣта. Сколько потребно было душевныхъ силъ и благоразумія, чтобы въ нѣжной молодости, на первомъ шагу къ престолу, укротить страсти во всемъ ихъ пылу, ослабить кроткими средствами вліяніе, и наконецъ удалить всѣхъ опасныхъ крамольниковъ; чтобы вскорѣ за симъ вступить въ борьбу съ человѣкомъ, признаннымъ всею Европою глубокимъ политикомъ и первымъ полководцемъ, возводившимъ на чуждые престолы и низвергавшимъ съ оныхъ по своему произволу; выдержать противъ него войну неудачную, но не безславную; потомъ окончить войну съ Швеціей завоеваніемъ Финляндскаго Герцогства; съ Англіей, безъ малѣйшаго ущерба въ государственныхъ пользахъ; съ Персіей, пріобрѣтеніемъ земель, простирающихся до рѣкъ: Куры и Аракса; двукратную съ Оттоманскою Портою, покореніемъ Бессарабіи; чтобы въ тоже время начать вторичную войну противъ такъ названной *великой націи* и двадцати народовъ, ея союзниковъ; потерять древнюю свою столицу, но не упасть духомъ; съ твердостію продолжать двѣ кампаніи; изгнать изъ отечества непріятеля; дѣйствуя мечемъ и перомъ, возбудить бодрость и надежду въ принужденныхъ союзникахъ Наполеона, привлечь ихъ на свою сторону; низложить *непобѣдимаго;* двукратно съ побѣдоноснымъ войскомъ своимъ праздновать возстановленіе всеобщаго міра въ столицѣ Франціи и возвратиться въ свою съ титломъ успокоителя Европы и въ вѣнцѣ Царя Польскаго!

Какую должно имѣть высокую нравственность, чтобъ, не ослѣпляясь ни своимъ могуществомъ, ни духомъ мщенія, оказать себя покровителемъ Парижа, спасти его отъ разоренія; сберечь народное сокровище, драгоцѣнные плоды искусствъ и талантовъ, и даже

17

пощадить памятникъ (Аустерлицкій мостъ), воздвигнутый для преданія потомству счастливыхъ успѣховъ французскаго оружія въ первой борьбѣ Александра съ Наполеономъ! И все это совершено въ теченіи съ небольшимъ десятилѣтія! И только 48 лѣтъ было всей жизни нашего благотворнаго генія!

Послѣдніе два года проведены имъ въ обозрѣніи своего государства, отъ Архангельска до предѣловъ Сибири, въ расточеніи повсемѣстно наградъ за службу, въ украшеніи городовъ и въ облегченіи жребія бѣдныхъ и всякаго рода несчастныхъ. Кажется, что онъ, какъ бы предчувствуя близкую свою кончину, хотѣлъ мало по малу отвыкать отъ блеска земнаго величія и любимой своей столицы. Оставляя оную навсегда, онъ взялъ съ собою только драгоцѣннѣйшее для него въ свѣтѣ, съ первыхъ лѣтъ молодости подругу своего сердца, чтобы на уединенныхъ берегахъ Азовскаго моря она приняла послѣднее его дыханіе и смежила очи его— навѣки!

Просвѣщенная и признательная Европа, при первой вѣсти о его кончинѣ, отдала ему полную справедливость. Одинъ изъ французскихъ журналистовъ сказалъ, что „первая половина жизни его протекла въ помышленіи о счастіи человѣчества, другая въ совершеніи онаго." — Не останется и Россія къ нему неблагодарною: надѣюсь, что нашъ Исторіографъ будетъ ея органомъ — мнѣ же, скудному въ талантахъ и способахъ, остается только съ умиленіемъ воспоминать драгоцѣнныя слезы, которыя при мнѣ исторгала изъ очей его жестокость разврата или порока; воспоминать, съ какою всегда поспѣшностью хватался онъ за перо, чтобъ начертать прощеніе преступнику, обвиненному *въ оскорбленіи величества;* остается оплакивать моего благодѣтеля и благоговѣть къ памяти его до конца дней моихъ.

1826 г. Января 10 дня.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

I.

Грамота на орденъ св. Александра Невскаго.

Божію милостію
мы Александръ первый,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій
и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Тайному Совѣтнику, Министру Юстиціи Дмитріеву.

Во изъявленіе отличнаго нашего благоволенія къ благоразумной дѣятельности и ревностнымъ трудамъ, подъемлемымъ вами по званію, на васъ возложенному, признали мы за благо пожаловать васъ кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго, коего знаки для возложенія на васъ при семъ препровождая, императорскою нашею милостію пребываемъ вамъ всегда благосклонны.

Александръ.

Въ С. Петербургѣ. Августа 30-го дня, 1810 года.

II.

Высочайшій Рескриптъ.

Иванъ Ивановичъ! Желая изъявить вамъ особенное вниманіе мое къ отличному усердію и трудамъ, коими содѣйствовали вы въ успѣшномъ совершеніи виннаго откупа на будущее четырехлѣтіе, приказалъ я Государственному Казначейству отпустить вамъ пятдесятъ тысячь рублей на счетъ доходовъ, по сей части столь нарочито пріумноженныхъ. Пребываю вамъ благосклонный

Александръ.

Въ С. Петербургѣ.
30 Августа
1810.

III.

Высочайшій Рескриптъ.

Иванъ Ивановичъ! Удовлетворяя неоднократно принесеннымъ отъ васъ просьбамъ, я увольняю васъ отъ службы, и въ знакъ благоволенія моего къ оной, назначаю вамъ пенсіонъ по десяти тысячь рублей въ годъ.

Пребываю вамъ благосклонный

Александръ.

С. Петербургъ.
Августа 30 дня
1814.

IV.

Указъ Правительствующему Сенату.

Въ особенномъ вниманіи на то усердіе, съ каковымъ бывшій Министръ Юстиціи Тайный Совѣтникъ Дмитріевъ содѣйствовалъ попеченію нашему о разоренныхъ непріятелемъ жителяхъ московскихъ, принявъ на себя, будучи въ отставкѣ, заботливую должность Предсѣдателя Коммиссіи, учрежденной въ Москвѣ по указу нашему 30 Августа 1816 года, всемилостивѣйше жалуемъ его въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники.

Александръ.

Москва
Февраля 10-го
1818.

V.

Высочайшій Рескриптъ

по случаю окончательнаго отчета Коммиссіи.

Иванъ Ивановичъ! Полученный мною нынѣ окончательный отчетъ Коммиссіи, подъ вашимъ предсѣдательствомъ учрежденной, о пособіи разореннымъ отъ непріятеля жителямъ Москвы оправдалъ вполнѣ ту мою довѣренность, съ которою я поручалъ дѣло сіе вашему руководству и попеченію, и ожиданіямъ моимъ удовлетворяетъ.

Я вмѣняю себѣ въ удовольствіе изъявить мою признательность къ трудамъ, вами по сему порученію понесеннымъ, нынѣ же пожаловавъ васъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 1-й степени, и возлагаю на васъ объявить мое благоволеніе и прочимъ членамъ Коммиссіи, содѣйствовавшимъ вамъ въ дѣлѣ человѣколюбія.

Пребываю вамъ благосклонный

Александръ.

Царское село.
16 Іюня
1819.

VI.

Высочайшая грамата по тому же случаю.

Божіею милостію
мы Александръ Первый,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій
и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Дмитріеву.

Въ ознаменованіе отличнаго благоволенія нашего къ понесеннымъ вами трудамъ въ исполненіи особо возложеннаго нами на васъ порученія, всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена св. Равноапостольнаго Князя Владиміра первой степени, знаки коего, препровождаемые при семъ, повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ вамъ благосклонный

Александръ.

Царское село.
16 Іюня 1819.

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ 1 класса К. Петръ Лопухинъ.

VII.

Отношенія Генералъ-Адьютанта Князя Петра Михайловича Волконскаго.

Первое:

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ,

Долгомъ поставляю увѣдомить Ваше Высокопревосходительство, что по просьбѣ вашей Коллежскій Ассесоръ Михайло Дмитріевъ, 19 сего Августа, всемилостивѣйше пожалованъ въ званіе Каммеръ-Юнкера двора Его Императорскаго Величества, а сынъ Надворнаго

Совѣтника Дмитріева, Ѳедоръ опредѣленъ къ высочайшему двору Пажемъ, съ оставленіемъ для окончанія наукъ у родственниковъ.

При семъ случаѣ я покорнѣйше прошу васъ, Милостивый Государь, извѣстить меня, сколько Пажу сему отъ роду лѣтъ?

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Высокопревосходительства

покорнѣйшимъ слугою

К. Петръ Волконскій.

N 634.
Царское село.
21 Августа 1821.

Его Высокопр—ву И. И. Дмитріеву.

Второе:

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ,

Государь Императоръ, получивъ письмо Вашего Высокопревосходительства изъ Москвы, въ коемъ изъявляете вы благодарность свою за милость, оказанную двумъ племянникамъ вашимъ, высочайше поручить мнѣ изволилъ извѣстить васъ, Милостивый Государь, что Его Величеству весьма пріятно было сдѣлать вамъ то удовольствіе, которое усматриваетъ изъ письма вашего.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Высокопревосходительства

покорнѣйшій слуга

К. Петръ Волконскій.

N 702.
Въ С. Петербургѣ.
4 Сентября 1821.

Его Высокопр—ву И. И. Дмитріеву.

ОБЩІЯ ПРИМѢЧАНІЯ

ко всѣмъ тремъ частямъ

составленныя М. Н. Лонгиновымъ.

ОБЩІЯ ПРИМѢЧАНІЯ

КО ВСѢМЪ ТРЕМЪ ЧАСТЯМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА I.

1) Село Богородское, принадлежащее нынѣ племяннику автора М. А. Дмитріеву, находится въ Сызранскомъ уѣздѣ, на почтовомъ трактѣ между Симбирскомъ и Сызраномъ, въ 106 верстахъ отъ перваго и въ 27 верстахъ отъ послѣдняго изъ этихъ городовъ.— Фамилія Дмитріевыхъ происходитъ отъ Князей Смоленскихъ.

2) Ее звали Катерина Аѳанасьевна.

3) Аѳанасій Алексѣевичъ Бекетовъ имѣлъ сына Никиту Аѳанасьевича (род. 1729, Сентября 8, ум. 9 Іюля 1794), бывшаго въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго вѣка любимцемъ Императрицы Елизаветы, потомъ служившаго съ отличіемъ въ семилѣтнюю войну, бывшаго Сенаторомъ, и занимавшаго, съ 1763 по 1780 годъ, должность Астраханскаго Губернатора, при чемъ онъ принесъ много пользы краю, которымъ управлялъ. Племянникъ его И. И. Дмитріевъ написалъ къ портрету его надпись, напечатанную въ Сочиненіяхъ его, изданныхъ въ Москвѣ 1814 года, въ 3 частяхъ. См. ч. 1, стр. 114, надпись 10. (Мы вездѣ ссылаемся на это изданіе сочиненій Дмитріева).

4) Александръ Ивановичъ Дмитріевъ, род. 1759, ум. 1798. Онъ писалъ прозою и стихами; изъ литературныхъ трудовъ его особенно замѣчателенъ переводъ "Лузіяды" Камоэнса (2 части, М., 1788.)

5) Какъ имя неизвѣстно.

6) Петръ Ивановичъ Макаровъ, род. 1765, ум. въ Октябрѣ 1804. Онъ издавалъ въ 1803 году отличный журналъ „Московскій Мер-

курій“ и былъ однимъ изъ первыхъ и даровитѣйшихъ литераторовъ школы Карамзина.

7) Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, род. 25 Октября 1757, ум. 29 Іюля 1807. г. Онъ былъ учителемъ Александра I, первымъ Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія и однимъ изъ лучшихъ писателей своего времени.

8) Графъ Осипъ Андреевичъ Игельстромъ, ум. 1818. Онъ былъ Генералъ-Губернаторомъ Симбирскимъ и Уфимскимъ съ 1784 по по 1792 годъ; начальствовалъ русскими войсками въ Польшѣ во время несчастнаго возмущенія въ Апрѣлѣ 1794 года.

9) Александръ Петровичъ Сумароковъ, род. 1718, ум. 1 Октября 1777. Стихи его восхищали тогда женщинъ, особенно его эклоги, элегіи и нѣжныя пѣсенки. Мать Ивана Ивановича знала наизусть многія сцены изъ его трагедій.

10) Н. А. Бекетовъ (см. прим. 3), бывши еще кадетомъ, игралъ на корпусномъ театрѣ роли въ трагедіяхъ Сумарокова, служившаго при томъ же корпусѣ офицеромъ. Отсюда начало ихъ дружескихъ отношеній.

11) Это изданіе, составляющее одинъ большой томъ in 4, вышло въ Москвѣ въ 1757 году. Оно собственно есть второе. Первое, въ одномъ томѣ in 8, напечатано въ Петербургѣ, 1751 года.

12) Въ концѣ 1768 года.

13) 24 Іюня 1770.

14) Жіованни Баттиста Локателли основалъ въ Петербургѣ итальянскую оперу въ 1757 г., а въ Москвѣ въ 1759 году.

15) Бельмонти, содержатель московскаго русскаго театра въ 60-хъ годахъ минувшаго вѣка, особенно извѣстенъ по ссорѣ своей съ Сумароковымъ. См. „Очерки жизни и избранныя сочиненія Сумарокова,“ соч. С. Н. Глинки, часть 2, и другіе источники. Ссору эту прекратило личное вмѣшательство Екатерины II.

16) Иванъ Аѳанасьевичъ Нарыковъ (названный Императрицею Елизаветою Дмитревскимъ), род. 23 Февраля 1733, ум. 27 Октября 1821, знаменитѣйшій трагическій актеръ. Онъ прибылъ въ Петербургъ съ основателемъ русскаго театра Волковымъ изъ Ярославля, въ 1752 году.

17) Татьяна Михайловна Троепольская, прекрасная трагическая актриса, умершая отъ чахотки въ 1774 году.

18) Денисъ Ивановичъ Фонъ Визинъ, род. 1744, ум. 1 Декабря 1792.

19) „Бригадиръ“ сдѣлался извѣстенъ еще въ 1765 году. (См. Библіогр. Зап., 1858, стр. 752.)

20) „Слово“ это напечатано въ 1771 году.

21) Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, род. 6 Октября 1734, ум. 13 Апрѣля 1783. Подвигъ его при прекращеніи чумы въ Москвѣ въ 1771 году и усмиреніи тамъ народныхъ волненій можетъ почесться истинно геройскимъ и дѣлаетъ честь памяти знаменитаго любимца Екатерины II.

22) Въ 1762 году, 28 Іюня, взошла на престолъ Екатерина II, а 6 Іюля послѣдовала кончина Петра III.

23) Іоаннъ Эрнстъ Биронъ, род. 12 Ноября 1690, ум. 17 Декабря 1772, былъ въ это время вторично Герцогомъ Курляндскимъ съ 1763 г., по стараніямъ Екатерины II, но жилъ въ Митавѣ и не имѣлъ никакого значенія при дворѣ, надъ которымъ царствовалъ при Аннѣ Іоанновнѣ.

24) Емельянъ Ивановъ Пугачовъ былъ уроженецъ Зимовейской станицы на Дону.

25) Петръ Матвѣевичъ Чернышевъ былъ сынъ Елизаветинскаго Лейбъ-Компанца и симбирскаго помѣщика.

26) 13 Ноября 1773 года, когда Чернышевъ, съ отрядомъ въ 1500 человѣкъ, шелъ на помощь Оренбургу, осажденному шайками Пугачова, и отъ котораго онъ былъ лишь въ 6 верстахъ.

27) Знаменитый по своему богатству Иванъ Борисовичъ Твердышевъ (Мясниковъ) имѣлъ четырехъ дочерей: 1. Арину, вторую жену роднаго дяди И. И. Дмитріева, Петра Аѳанасьевича Бекетова. 2. Аграфену, за Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Дурасовымъ; 3. Катерину, за Григорьемъ Васильевичемъ Козицкимъ и 4. Дарью, за Александромъ Пашковымъ. Богатыя наслѣдства ихъ, умноженныя браками ихъ потомковъ, составили знаменитыя состоянія: Балашовыхъ, Сипягиныхъ, Бибиковыхъ, Дурасовыхъ, Графини Закревской, Бѣлосельскихъ, Графини Лаваль, Сухазанетовыхъ, Графини Борхъ, Пашковыхъ и пр.

28) Василій Петровичъ Петровъ, род. 1736, ум. 4 Декабря 1799. Ода на придворную карусель написана имъ въ 1766 году.

29) Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій род. въ Сентябрѣ 1739, ум. 5 Октября 1791.

30) Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ, род. 25 Октября 1733, ум. 27 Сентября 1807. Онъ выступилъ на литературное поприще во время царствованія Елизаветы.

31) Василій Ивановичъ Майковъ, род. 1725, ум. 1778. Онъ писалъ трагедіи, оды, басни и пр. Но особенно сдѣлался извѣстенъ герои-комическими поэмами „Елисей" и „Игрокъ ломбера". Майковъ игралъ важную роль въ петербургскомъ масонствѣ, а Херасковъ въ московскомъ.

32) См. выше, прим. 7.

33) Басни эти вышли въ 1773 году.

34) Напечатано въ 1774 году.

35) Напечатана въ 1774 году. Кромѣ того Муравьевъ напечаталъ въ ту же эпоху: „Переводныя стихотворенія (1773) и „Разныя оды" (1775) и участвовалъ въ изданіи „Опытовъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія, выходившихъ въ Москвѣ (1774 — 1778.) Таковы были первые литературные опыты Муравьева, имѣвшаго тогда отъ 16 до 20 лѣтъ отъ роду.

36) Напечатана въ 1773 году и потомъ издаваема была два раза.

37) Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ, род. 1732, ум. 19 Марта 1795. Онъ напечаталъ великое множество трудовъ своихъ, оригинальныхъ и переводныхъ.

38) Гавріилъ Романовичъ Державинъ, род. 3 Іюля 1743, ум. 8 Іюля 1816, учился въ Казанской Гимназіи, когда Директоромъ ея былъ Веревкинъ, отличившій школьные успѣхи его.

39). Евгеній Петровичъ Кашкинъ, Гвардіи Премьеръ-Маіоръ, состоялъ по тогдашнему обычаю въ чинѣ Генералъ-Маіора.

40) Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ началъ службу еще при Петрѣ I, во время котораго уже былъ Поручикомъ Лейдъ Гвардіи Преображенскаго полка. Онъ умеръ, почти столѣтнимъ старцемъ, геройскою смертію, укоряя и увѣщевая разбойничью шайку Пугачова, въ Казанскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, подъ развалинами котораго было найдено обгорѣвшее его тѣло. Дочь Кудрявцева была за Алексѣемъ Даниловичемъ Татищевымъ, строителемъ ледянаго дома на Невѣ при Аннѣ Іоанновнѣ. Внукъ его былъ знаменитый въ послѣдствіи мистикъ Петръ Алексѣевичъ Татищевъ, род. 1730, ум. 10 Марта 1810, а внука Анна Алексѣевна, ум. 1764, была первою женою славнаго генерала Графа Петра Ивановича Панина,

род. 1721, ум. 15 Апрѣля 1789, почему Екатерина II, говоря съ Панинымъ о Кудрявцевѣ, называла всегда послѣдняго „дѣдушкой." Одинъ изъ его потомковъ, Дмитрій Алексѣевичъ Кудрявцевъ, живъ донынѣ. Онъ былъ недавно Дворянскимъ Предводителемъ Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи.

41) Брандтъ, въ чинѣ Генералъ-Маіора, былъ однимъ изъ первыхъ анненскихъ кавалеровъ, пожалованныхъ Екатериною II, во время ея коронаціи въ 1762 году, Сентября 22.

42 Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, умершій 19 Августа 1807, въ чинѣ Генерала отъ Кавалеріи, командуя Днѣстровскою арміею.

43) Князь Италійскій, Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій, Генералиссимусъ, род. 13 Ноября 1729, ум. 6 Мая 1800.

44) Николай Петровичъ Архаровъ, ум. въ Январѣ 1815. Онъ былъ знаменитъ своею полицейскою дѣятельностію

45) Есть преданіе, будто это былъ извѣстный въ послѣдствіи сыщикъ Степанъ Ивановичъ Шешковскій.

46) Аѳанасій Перфильевъ притворно вызывался передъ правительствомъ уговорить сообщниковъ Пугачова выдать его, отправился въ ихъ станъ, передался самозванцу и сдѣлался его любимцемъ.

47) Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій род. 1725, ум. 8 Декабря 1796. Онъ былъ главнымъ виновникомъ знаменитаго мирнаго торжества въ Москвѣ въ 1775 году.

48) См. выше прим. 27.

49) См. выше прим. 3 и 10.

50) Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ, ум. 30 Ноября 1791, женатый на сестрѣ славнаго Румянцева Прасковьѣ Александровнѣ, пользовавшейся долгое время особенною довѣренностію Екатерины II.

КНИГА II.

51). Николай Ивановичъ Новиковъ, род. 27 Апрѣля 1744, ум. 31 Іюня 1818, знаменитый мистикъ и дѣятель на поприщѣ русскаго просвѣщенія.

52) Ихъ вышло 22 нумера, по 8 страницъ, съ 6 Января по 2 Іюня 1777. Еженедѣльникъ этотъ издавался по пятницамъ въ Петербургѣ.

53) Онъ былъ изданъ въ Петербургѣ, въ 1772 году и посвященъ Наслѣднику Престола.

54) С. П. Б. Учен. Вѣд., 1777, N 15, стр. 117. Этотъ нумеръ (по ошибкѣ отмѣченный въ печати 31 числомъ Марта) вышелъ въ пятницу 14 Апрѣля 1777, и это есть день, въ который началось литературное поприще Дмитріева, которому былъ тогда 17-й годъ. „Надпись" эта перепечатана въ Русск. Архивѣ 1864, вып. 11—12, стр. 1254. Она состоитъ изъ 8 ямбическихъ стиховъ, изъ которыхъ первые семь шестистопные, а послѣдній *семистопный*.

55) „Краткое руководство къ краснорѣчію" Михаила Васильевича Ломоносова, род. 1711, ум. 5 Апрѣля 1765, вышла въ первый разъ въ 1748 году; второе изданіе явилось въ 1759 и затѣмъ оно было перепечатываемо въ 18 вѣкѣ еще пять разъ.

56) „Правила піитическія" Андрея Байбакова, род. 1745, ум. 14 Мая 1801, вышли въ свѣтъ въ 1774 году и затѣмъ выдержали въ 18 вѣкѣ еще четыре изданія.

57) Василій Кирилловичъ Тредьяковскій, род. 22 Февраля 1703, въ Астрахани, ум. 6 Августа 1769, былъ предметомъ общихъ насмѣшекъ того времени.

58) Кирьякъ Кондратовичъ былъ переводчикомъ при новоучрежденной въ 1726 году Академіи Наукъ.

59) Авторъ имѣлъ здѣсь въ виду разборъ студента П. М. Строева (въ послѣдствіи извѣстнаго археолога), который первый сталъ порицать Хераскова въ издававшемся имъ въ 1815 году журналѣ „Современный Наблюдатель россійской словесности."

60) „Россіяда" вышла въ 1779 году.

61) Дѣло идетъ о первой главѣ „Евгенія Онѣгина," выданной уже въ 1825 году Пушкинымъ, род. 26 Мая 1799, ум. 29 Января 1837.

62) Клавдій Іосифъ Доратъ, род. 31 Декабря 1734, ум. 28 Апрѣля 1780, былъ однимъ изъ корифеевъ легкой французской поэзіи 18 вѣка.

63) „Семира" игралась на сценѣ въ 1768 году.

64) Яковъ Борисовичъ Княжнинъ, род. 3 Октября 1742, ум. 14 Января 1791, женатъ былъ на Катеринѣ Александровнѣ Сумароковой, дочери извѣстнаго стихотворца.

65) Въ трагедіи „Дидона," появившейся въ 1769 году.

66) „Росславъ" появился въ 1784 году.

67) Петръ Алексѣевичъ Плавильщиковъ род. 1760, ум. 18 Октября 1812. Онъ былъ отличный актеръ и хорошій писатель.

68) Журналъ „Утро“ выходилъ въ Петербургѣ еженедѣльно съ Мая по Октябрь 1782 года.

69) Николай Михайловичъ Карамзинъ род. 1 Декабря 1865, ум. 22 Мая 1826, слѣд. онъ былъ съ небольшимъ 5 годами моложе И. И. Дмитріева (род. 10 Сентября 1760), который и пережилъ его слишкомъ 11 годами (ум. 3 Октября 1837).

70) Ее звали Авдотьей Гавриловной. Такимъ образомъ меньшой единокровный братъ Карамзина былъ двоюроднымъ братомъ И. И. Дмитріева, а самъ лучшій другъ послѣдняго, Н. М. Карамзинъ, вовсе не былъ ему родней.

71) Это было въ концѣ 1781 года.

72) Тоже.

73) Пьеса эта не отыскана.

74) „Повѣсть о Томасѣ Іонесѣ,“ соч. Фильдинга, пер. съ франц. Евсигнея Харламова, 4 части. Вышла въ Петербургѣ въ 1770—1771 годахъ

75) Въ 1785 году.

76) Иванъ Петровичъ, ум. 1808. Онъ былъ Директоромъ Московскаго Университета съ 15 Ноября 1797 по 5 Ноября 1804.

77) Общество это возникло въ концѣ 1779 года, въ 1782 было публично оглашено подъ названіенъ „Дружескаго Ученаго,“ а въ 1784 изъ него возродилась Компанія Типографическая Авторъ смѣшиваетъ тутъ то и другое, ибо главными дѣятелями въ обоихъ учрежденіяхъ были Новиковъ и друзья его, связанные между собою по масонству и розенкрейцерству; принципы этихъ братствъ были положены въ основаніе общества и компаніи. Лозунгомъ ихъ была религія, въ примѣненіи къ просвѣщенію и благотворительности.

78) Иванъ Григорьевичъ Шварцъ, род. 1751, ум. 17 Февраля 1784. Едва ли могъ Карамзинъ слушать эти лекціи, читанныя Шварцемъ на дому въ Москвѣ, съ Сентября 1782 по 31 Декабря 1782, когда Карамзинъ служилъ въ Петербургѣ. Другой знаменитый курсъ философской исторіи читанъ имъ былъ также на дому для учениковъ педагогической семинаріи, основанной Дружескимъ Обществомъ, и для постороннихъ слушателей, также въ 1782 году, лѣтомъ и въ началѣ осени, а потому Карамзинъ также не могъ его слышать, а

равно и эстетико-критическихъ лекцій его въ Университетѣ въ 1782—1783 годахъ. Автору вѣроятно измѣнила тутъ нѣсколько память, за давностію лѣтъ. До отъѣзда въ Петербургъ на службу (въ концѣ 1781 года) Карамзинъ учился въ пансіонѣ Шадена и, кажется, посѣщалъ нѣкоторыя университетскія лекціи. Но въ то время (съ Сентября 1779, когда Шварцъ сдѣлался профессоромъ, до Іюня 1781, когда онъ уѣхалъ слишкомъ на полгода за границу) Карамзинъ могъ слушать у Шварца только его лекціи нѣмецкаго языка и литературы, ибо другихъ Шварцъ до отъѣзда своего за границу не читалъ. См. также ниже прим. 85.

79) Александръ Андреевичъ Петровъ, ум. въ Мартѣ 1793.

80) Оно издавалось при Московскихъ Вѣдомостяхъ съ 1785 по 1789 годъ.

81) „Учитель, или всеобщая система воспитанія.“ Пер. съ нѣм., 3 части 1789—1791.

82) Напечатанъ въ 1783 году. Это аллегорическое изображеніе алхимическаго процесса переведено съ нѣмецкаго

83) „Багуатъ-Гета или бесѣды Кришны съ Аржуномъ,“ переложена не съ нѣмецкаго языка, какъ пишетъ авторъ записокъ а съ англійскаго перевода Вилкинса съ санскритскаго языка и напечатана въ 1788 году. Кромѣ того онъ перевелъ съ нѣмецкаго книгу „О древнихъ мистеріяхъ или таинствахъ“. (1785.)

84) Домъ этотъ, въ Банковскомъ переулкѣ (Мясницкой ч., 3 квартала, N 236) принадлежитъ нынѣ г. Сабанѣеву и сохранилъ свой старинный видъ. Онъ принадлежалъ Профессору Шварцу и послѣ смерти его поступилъ, по разнымъ расчетамъ, въ полное владѣніе Дружескаго Общества.

85) Шварцъ умеръ 17 Февраля 1784, а Карамзинъ пріѣхалъ на житье въ Москву изъ Симбирска съ И. П. Тургеневымъ въ концѣ лѣта 1785 года и тогда сталъ жить съ Петровымъ въ домѣ Общества, близъ Сухаревой башни. Отъ Петрова и Новиковскаго круга вообще перешло къ Карамзину благоговѣніе къ памяти Шварца, бывшаго душою онаго. Воспоминаніе о недавно умершемъ Профессорѣ было живо между его друзьями и учениками, въ числѣ которыхъ Карамзинъ былъ въ то время изъ усерднѣйшихъ, хотя и *посмертнымъ*, ибо не могъ быть слушателемъ его лекцій ни историческихъ, ни критическихъ, ни философскихъ, такъ какъ Шварцъ

читалъ ихъ въ періодъ времени отъ половины до конца 1782, когда Карамзинъ служилъ въ Преображенскомъ полку, въ Петербургѣ, гдѣ напечаталъ первый отдѣльный литературный трудъ свой "Деревянная нога" въ 1783 году, на 18-мъ году отъ роду. См. выше прим. 78. И. И. Дмитріевъ былъ, слѣдовательно, у Петрова и Карамзина, близь Меньшиковой башни, не ранѣе 1786 года.

86) Написанъ въ 1793 году и напечатанъ въ „Аглаѣ" 1794, ч. I стр. 6. См. Собр. соч. Карамзина, изд. Смирдина, 1848, т. 3, стр. 359.

87) Въ Маѣ 1789 года.

88) Несомнѣнно только то, что Карамзину была дана инструкція, для руководства во время путешествія, однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ „Дружескаго Общества" и „Типографической Компаніи," Семеномъ Ивановичемъ Гамалѣею, извѣстнымъ мистикомъ, род. 31 Іюля 1743, ум. 10 Мая 1822. Но инструкція эта не имѣла повидимому никакой связи съ дѣятельностію масонскаго и вобще съ цѣлями Новиковскаго Общества; а только указывала на нѣкоторые предметы, заслуживавшіе вниманіе молодаго путешественника.

89) „Бесѣды съ Богомъ", періодическое изданіе. Изъ сочиненій Штурма, пер. съ нѣмецкаго. Издавалось въ Москвѣ, въ 1787 г., Протоіеремъ Иваномъ Харламовымъ. См. у Сопикова, ч. 3, стр. 177, N 4437. Тутъ-то находятся переводы Карамзина.

90) Москва, 1786.

91) Москва, 1788.

92) Москва, 1787. Тутъ помѣщено любопытное предисловіе Карамзина.

93) Вѣроятно Карамзинъ продолжалъ трудъ друга своего Кутузова (см. ниже, прим. 109), остановившійся за отъѣздомъ послѣдняго въ Берлинъ, въ 1787 году.

94) Сочиненіе г-жи Жанлисъ. Эти 16 повѣстей напечатаны въ 9, 10, 11, 12, 13, 14 и 15 частяхъ „Дѣтскаго Чтенія," выходившихъ въ 1787 и 1788 годахъ.

95) „Евгеній и Юлія." См. Дѣтск. Чт., 1789, ч. 18, стр. 177.

96) „Гимнъ изъ Томсона"; ibid., 1789, ч. 18, стр. 151. „Аркадскій памятникъ" изъ Вейсса; ibid., стр. 65 „Анакреонтическіе стихи" ibid. стр. 93.

97) Въ 1769 и 1770 годахъ.

98) Въ 1772—1773 годахъ. Кромѣ того Новиковъ издавалъ въ 1774 году журналъ „Кошелекъ".

99.) Она вышла въ 10 частяхъ, въ 1773—1775 годахъ. Второе, умноженное изданіе вышло въ Москвѣ, въ 1788—1789 годахъ, въ 20 частяхъ. Къ петербургскому періоду дѣятельности Новикова относятся еще изданіе имъ: 1) „Опыта историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ", (1772) 2) „Древней Россійской Гидрографіи" „(1773); 3) „Лѣтописи о многихъ мятежахъ" 4) (1773); „Исторіи о невинномъ заточеніи Матвѣева" (1776); 5) „Скиѳской исторіи" Лызлова;(1776) 6), „Повѣствователя древностей россійскихъ"(1777).

100) См. прим. 52.

101) Начался въ Сентябрѣ 1777 и законченъ уже въ Москвѣ, въ Сентябрѣ 1780.

102) Народныя училища учреждены въ слѣдствіе указа 7 Сентября 1782.—„Утренній свѣтъ" съ 1777 года издавался въ пользу двухъ училищъ Екатерининскаго и Александровскаго, основанныхъ въ Петербургѣ благотворителями, принадлежавшими къ тамошнимъ масонскимъ ложамъ, между которыми Новиковъ былъ изъ числа дѣятельнѣйшихъ.

103) Херасковъ назначенъ былъ Кураторомъ 28 Іюня 1778.

104) Контрактъ былъ заключенъ на 10 лѣтъ, съ 1 Мая 1779 по 1 Мая 1789. Новиковъ зналъ Хераскова еще прежде, по масонству.

105) Тутъ авторъ смѣшиваетъ два учрежденія, существовавшія отдѣльно, хотя они и были въ тѣсной связи. См. выше, прим. 77.

106) См. прим. 76. Тургеневъ перевелъ много мистическихъ книгъ, между прочимъ „О познаніи самого себя Іоанна Масона." (1782.)

107) Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, род. 24 Февраля 1756, ум. 22 Іюня 1816, авторъ, переводчикъ и издатель множества мистическихъ сочиненій и извѣстный филантропъ.

108 Ѳедоръ Петровичъ Ключаревъ, бывшій Московскимъ Почтъ-Директоромъ въ 1812 году и навлекшій тогда на себя преслѣдованія со стороны Графа Растопчина.

109) Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ, ученикъ Лейпцигскаго Университета съ 1766 по 1770 годъ, посланный московскими розенкрейцерами въ 1787 году, для сношеній съ тамошними братьями и занятій алхиміею, въ Берлинъ, гдѣ онъ и умеръ нѣсколько лѣтъ

спустя. Карамзинъ, хотя бывшій гораздо моложе Кутузова, былъ съ нимъ очень друженъ и говоритъ о немъ въ своихъ„ Письмахъ Русскаго Путешественника,“ скрывая его имя подъ буквой А. Кутузовъ перевелъ только половину „Мессіады,“ напечатанную въ Москвѣ, въ 2 частяхъ, 1785-1787. Вѣроятно Карамзинъ принялся за продолженіе его труда. (См. выше, прим. 93)

110) Этому особенно способствовало учрежденіе, иждивеніемъ Дружескаго Общества, въ 1782 году „Переводческой Семинаріи“, которому предшествовало основаніе, при пособіи того же общества, „Педагогической Семинаріи“ (1779) и „Собранія университетскихъ питомцевъ“ (1781). Всѣ эти учрежденія образовывали, для учительской, литературной и переводческой дѣятельности, студентовъ Университета, съ которымъ они состояли въ тѣснѣйшей связи, по вліянію Куратора Хераскова, Профессора Шварца и другихъ членовъ Университета. Что же касается до издательской дѣятельности Новикова и его друзей, то не должно забывать, что она была, особенно со времени основанія Типографической Компаніи (1784), обусловливаема общими правилами коммерческаго предпріятія, а потому не удивительно, что она распространялась и на печатаніе романовъ, комедій и т. п., которые имѣли хорошій сбытъ. Отъ того-то они и выходили преимущественно изъ типографіи „Компаніи Типографической,“ находившейся въ главномъ завѣдываніи Новикова и изъ Университетской типографіи, бывшей у него въ арендѣ съ 1779 по 1789 годъ и требовавшей также средствъ на плату Университету по 4500 р. въ годъ, на ея улучшеніе и другіе расходы. Собственная же типографія Новикова и типографія И. В. Лопухина, существовавшія съ 1783 года, не печатали рѣшительно ничего, кромѣ книгъ нравственныхъ, духовныхъ, масонскихъ и мистическихъ, распространеніе которыхъ было главною цѣлью Новикова и его друзей. Ихъ вышло множество и изъ первыхъ двухъ типографій. Этому направленію посвящены были и журналы, служившіе продолженіемъ„ Утреннему Свѣту“ (См. выше, прим. 102): 1.) „Московское ежемѣсячное изданіе“ (1781), 2.) „Вечерняя Заря“ (1782) и 3.) „Покоящійся трудолюбецъ“ (1784). Тутъ должно вспомнить и другія, чрезвычайно полезныя, повременныя изданія: „Экономическій магазинъ“ (1780-1789) „Городская и деревенская библіотека“ (1782-1786);„ Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ „(1783-

1784.), „Дѣтское Чтеніе" (1785-1789), „Магазинъ натуральной исторіи" (1788-1792). Все это предпринялъ и печаталъ Новиковъ. Онъ же издалъ „Потерянный рай" (1780), „Мессіаду"(1785-1787), „Исторію о странствіяхъ вообще" (1782-1787), „Бархатную книгу" (1787), дополненную „Вивліоѳику" (1788-1789), „Дѣянія Петра Великаго" (1788) и множество другихъ полезныхъ книгъ. Если къ этому присоединить книгопродавческую дѣятельность Новикова, то нельзя не признать за нимъ славы великаго переворота, совершеннаго на поприщѣ издателя, типографщика и книгопродавца и не убѣдиться въ его сильномъ вліяніи на современную литературу, въ которую онъ внесъ новые элементы во всѣхъ отношеніяхъ, не говоря уже о его подвигахъ филантропическихъ и т. п.

111) Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, род. 1732, ум. 9 Августа 1809. Онъ былъ Главнокомандующимъ въ Москвѣ съ 19 Февраля 1790 по 21 Марта 1795 и ревностно преслѣдовалъ Новикова и его друзей

112) Въ Апрѣлѣ 1792. Сожженіе книгъ поручено было Сергѣю Сергѣевичу Кушникову, который былъ тогда адъютантомъ Князя Прозоровскаго. Онъ умеръ въ званіи члена Государственнаго Совѣта. Этимъ занимался онъ нѣсколько ночей сряду.

113) Новиковъ былъ арестованъ въ своей деревнѣ, въ Апрѣлѣ 1792.

114) Новиковъ былъ освобожденъ 11 Ноября 1796 года.

115) Село Тихвинское-Авдотьино, въ Бронницкомъ уѣздѣ.

116) Новиковъ умеръ въ Авдотьинѣ 31 Іюля 1818, на 73 году жизни.

117) Вольтеръ ум. 19 Мая 1778; Руссо 22 Іюня того же года.

118) Въ 1787 году. И. И. Дмитріевъ прошелъ военные чины въ Семеновскомъ полку слѣдующимъ образомъ: 1772, двѣнадцати лѣтъ, онъ былъ записанъ въ солдаты; 1775, Капралъ и Фурьеръ; 1776, Подпрапорщикъ; 1777, Каптенармусъ; 1778 Сержантъ; 1787, Прапорщикъ; 1789, Подпоручикъ; 1790, Капитанъ-Поручикъ; 1776, Капитанъ.

119) Въ Іюлѣ 1788 года.

120) Карамзинъ возвратился въ Россію въ Сентябрѣ 1790 года, послѣ заграничнаго путешествія, продолжавшагося шестнадцать мѣсяцевъ.

КНИГА III.

121) Александръ Ильичъ Бибиковъ, род. 30 Мая 1729, ум. 9 Апрѣля 1774. Державинъ былъ въ числѣ гвардейскихъ офицеровъ, командированныхъ въ распоряженіе Бибикова, отправленнаго для усмиренія Пугачовскаго бунта до котораго онъ однако не дожилъ.

122) Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, род. 1727, ум. 1797. Этотъ знаменитый ревнитель просвѣщенія путешествовалъ за границей съ 1763 по 1777 годъ.

123) „Санктпетербургскій Вѣстникъ" издавался съ начала 1778 по Іюль 1781 года.

124) „Собесѣдникъ" издавался въ 1783—1784 годахъ

125) Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, рожденная Графиня Воронцова, род. 17 Марта 1743, ум. 4 Января 1810. Она была Президентомъ Академіи Наукъ съ 1782, а Россійской Академіи съ 1783 года.

126) „Фелица" написана въ 1782 году, а въ печати явилась въ первой книжкѣ „Собесѣдника" 20 Мая 1783.

127) См. выше прим. 4.

128) Павелъ Юрьевичъ Львовъ, литераторъ, писавшій въ послѣдствіи много и высокопарно, но безъ дарованія.

129) Екатерина Яковлевна Державина, рожденная Бастидонъ, дочь Португальца, камердинера Петра III, и кормилицы Павла I. Она род. 8 Ноября 1760, ум. 15 Іюля 1794, вышла, 18 Апрѣля 1778, за Державина, который былъ старше ея слишкомъ шестнадцатью годами. И. И. Дмитріевъ сдѣлался знакомцемъ ихъ дома въ 1790 году.

130) Державину было тогда около 47 лѣтъ, а женѣ его 30

131) Державинъ отрѣшенъ былъ отъ должности Тамбовскаго Губернатора въ Декабрѣ 1788 года.

132) Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, род. 1741, ум. 22 Января 1821, былъ тогда Намѣстникомъ Рязанскимъ и Тамбовскимъ.

133) Очаковъ взятъ былъ Потемкинымъ 6 Декабря 1788. Знаменитый праздникъ его былъ данъ по случаю взятія не Очакова, а Измаила, покореннаго 11 Декабря 1790, то есть два года спустя.

134) Онъ былъ данъ въ нынѣшнемъ Таврическомъ Дворцѣ, 28 Апрѣля 1791. Державинъ, (опредѣленный Статсъ-Секретаремъ при Импе-

ратрицѣ 12 Декабря 1791) былъ тогда „не у дѣлъ“ и написалъ къ празднику „хоры“; самое же описаніе составлено имъ очевидно послѣ онаго.

135) Изъ этого ясно, что „Водопадъ“ былъ сначала стихотвореніемъ, не имѣвшимъ другаго предмета, кромѣ описаній картинъ природы. Поэтъ кончилъ его и принаровилъ къ смерти Потемкина уже позже, именно въ 1794 году.

136) „Водопадъ“ дописанъ въ 1794 году, то есть послѣ прекращенія „Московскаго Журнала,“ издававшагося Карамзинымъ въ 1791 и 1792 годахъ.

137) Потемкинъ умеръ 5 Октября 1791.

138) Ода „На коварство“ написана въ 1789 году, а напечатана только въ 1798.

139) Графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ, ум. 1814; по своей матери, былъ роднымъ племянникомъ Потемкина. Ода „Вельможа“, въ исправленномъ видѣ, напечатана въ 1798 году, но написана въ 1794, когда Графъ Самойловъ былъ Генералъ Прокуроромъ.

140) Державинъ пожалованъ въ Сенаторы 8 Сентября 1793.

141) Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, род. 3 Января 1734, ум. 27 Сентября 1811, извѣстный любитель художествъ. Стихи къ нему Державина написаны и напечатаны въ 1791 году.

142) То есть въ пьесѣ „Приглашеніе къ обѣду,“ относящейся къ Графу Александру Андреевичу Безбородко, Князю Платону Александровичу Зубову и Ивану Ивановичу Шувалову. Она написана въ 1795, а напечатана въ 1798 году.

143) Ермилъ Ивановичъ Костровъ, род. 1752, ум. 9 Декабря 1796.

144) Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, извѣстный метроманъ, род. 19 Іюня 1757, ум. 22 Октября 1835.

145) „Душенька“ вышла въ 1778 году. Въ этомъ первомъ изданіи помѣщена только 1 пѣснь ея. Вся поэма вышла въ 1783 году.

146) Ипполитъ Өедоровичъ Богдановичъ род 23 Декабря 1743, ум. 6 Января 1803.

147) Иванъ Семеновичъ Захаровъ, ум. 29 Января 1816, переводчикъ нѣкоторыхъ сочиненій Томаса, Геснера, Арно и пр. и авторъ высокопарныхъ похвальныхъ словъ, читанныхъ въ послѣдствіи въ Шишковской „Бесѣдѣ любителей россійскаго слова“.

148) Өедоръ Петровичъ Львовъ женился на Елизаветѣ Нико-

лаевнѣ Львовой, дочери двоюроднаго своего брата Николая Александровича (см. ниже прим. 149), родной племянницѣ Державина по второй его женѣ. Онъ писалъ въ стихахъ и въ прозѣ. Умеръ въ концѣ 1835 года.

149) Николай Александровичъ Львовъ, род. 1751, ум. 27 Декабря 1803, писавшій стихами и прозой, переводчикъ Анакреона, проницательный критикъ произведеній литературы, зодчій и знатокъ изящныхъ искусствъ. Державинъ, по второй женѣ своей, Дарьѣ Алексѣевнѣ, рожденной Дьяковой, сдѣлался его својакомъ.

150) Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, знаменитый любитель и знатокъ древностей и художествъ.

151) Вѣстн. Евр., 1803, ч. 9, стр. 3 и 75. Соч. Кар. 1848, т. I, стр. 605.

152) Комедія эта утрачена.

153) Фонъ Визинъ умеръ 1 Декабря 1792.

154) Петръ Лукичъ Вельяминовъ, стихотворецъ, весельчакъ и большой оригиналъ, былъ своимъ въ кружкѣ Державина и его друзей. Въ свое время извѣстна была его пѣсня: „Ахъ вы славныя русски кислы щи, вы медвяныя щи пузырныя.“ Она напечатана въ Карманномъ Пѣсенникѣ 1796 году, изданнымъ Дмитріевымъ.

155) Василій Васильевичъ Капнистъ род. 1757, ум. 28 Октября 1854. Онъ былъ женатъ на Александрѣ Алексѣевнѣ Дьяковой, сестрѣ второй жены Державина, Дарьи Алексѣевны. Двѣ другія ея сестры, Марья и Екатерина Алексѣевны, были замужемъ: первая за Н. А. Львовымъ (см. выше прим. 149), вторая за Графомъ Стейнбокомъ.

156) Державинъ назначенъ Олонецкимъ Губернаторомъ 20 Мая 1784. Тогда же скончалась его мать, послѣ тридцатилѣтняго вдовства.

157) См. выше прим. 37.

158) Авторъ нѣсколько спутываетъ здѣсь происшествія. Державинъ самъ описываетъ день 28 Іюня 1762 и походъ Императрицы въ Петергофъ, въ которомъ онъ участвовалъ. Вѣроятно, онъ стоялъ на часахъ въ Петергофѣ уже по прибытіи ея туда, послѣ провозглашенія ея Императрицею въ Петербургѣ и послѣ похода, то есть уже 29 Іюня, во время отреченія Петра III.

159) Графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, род. 1700, ум. въ Декабрѣ 1772. Онъ приказалъ содержателю Московскаго театра

Бельмонти играть трагедію его„ Синавъ,“ несмотря на условіе Бельмонти съ Сумароковымъ не играть его пьесъ безъ дозволенія автора. Отсюда и эта ссора, которая была прекращена самою Императрицею. Графъ П. С. Салтыковъ былъ Главнокомандующимъ въ Москвѣ съ 15 Мая 1763 по 26 Сентября 1771, когда, будучи въ чинѣ Фельдмаршала, этотъ неустрашимый въ битвѣ воинъ, уѣхавшій отъ страха чумы изъ Москвы въ подмосковную, былъ за то исключенъ изъ службы.

160) Это было въ 1768 году.

161) Она была рожденная Неронова.

162) Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, род. 1725, ум. 22 Сентября 1796, извѣстный царедворецъ, писатель и масонъ.

163) Державинъ произведенъ былъ въ Прапорщики Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка 1 Января 1772.

164) Княгиня Екатерина Петровна Барятинская, рожденная Принцесса Гольштейнъ-Бекская, род. 1755, ум. 28 Ноября 1811, жена Князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго, род. 28 Февраля 1738, ум. 28 Декабря 1811.

165) Карамзинъ пріѣхалъ изъ за границы въ Сентябрѣ 1790, а съ 1 Января 1791 началъ издавать „Московскій Журналъ“, продолжавшійся два года и составляющій 8 частей.

166) Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, род. 1751, ум. 13 Февраля 1829, извѣстный своими пѣснями.

167) Николай Петровичъ Николевъ, род. 10 Ноября 1758, ум. 24 Января 1815, авторъ-слѣпецъ, писавшій стихи во всевозможныхъ родахъ.

168) Моск. Журн. 1792, ч. 6, стр. 217. Соч. Дмитр. 1814, ч. 2 стр. 28.

169) Ibid., ч. 5, стр. 157. Ibid., стр. 108.

170) Старшій сынъ Петра Аѳанасьевича Бекетова (см. выше, прим. 27) отъ перваго брака его съ дѣвицей Репьевой. Онъ род. 1761, былъ годомъ моложе автора и умеръ въ 1836, то есть годомъ прежде него. Они были вскормлены одною кормилицей и всю жизнь провели въ самой тѣсной дружбѣ. П. П. Бекетовъ былъ большимъ любителемъ древностей, владѣльцемъ превосходной типографіи въ Москвѣ и 25 лѣтъ (1811—1836) занималъ мѣсто Предсѣдателя Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ

171) „Ермакъ“ напечатанъ въ 1795 году. См. „И мои бездѣлки,“ стр. 32

172) См. выше прим. 3 и 10.

173) „Отрада“ находится между Царицынымъ и Сарептою.

174) „И мои бездѣлки“ 1795, стр. 9. Соч. Дмитр., ч. 1., стр 16.

175) „Аониды, 1797, кн. 2, стр. 82. Соч. Дмитр., ч. 3, стр. 116. пер. изъ Лафонтена.

176) Напечатанъ отдѣльно, въ 1794. Соч. Дмитр., ч. 1, стр. 24.

177) „И мои бездѣлки“, 1795, стр. 177. Соч. Дмитр., ч. 1. стр. 49.

178) См. выше прим. 171. Соч. Дмитр, ч. 1, стр. 1.

179) „И мои бездѣлки“, 1795, стр. 18. Соч. Дмитр., ч. 2. стр. 116.

180) Ibid, стр. 55. Ibid., стр. 128. Подр. Вольтеру.

181) Соч. Дмитр., изд. 1803, ч. 2, стр. 125. Соч. Дмитр., 1814. ч. 1, стр. 100.

182) Катерина Яковлевна Державина умерла 15 Іюля 1794, а 15 Января 1795 онъ женился на Дарьѣ Алексѣевнѣ Дьяковой, род. 8 Марта 1767, ум. 16 Іюня 1842.

183) Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ, род. 15 Ноября 1767, ум. 7 Апрѣля 1822, послѣдній фаворитъ Екатерины.

184) Авторъ тутъ ошибается: журналъ этотъ прекратился съ 1 Января 1793.

185) Въ 1794 году.

186) Въ 1795 году.

187) То есть до 1802 года.

188) „Аониды“, 1797, кн. 2, стр. 25. Соч. Дмитр., ч. 1, стр.

189) Въ посланіи Карамзину отъ автора, къ событію этому относится стихъ: (Соч. Дмитр., ч. 1, стр. 103.)

„Еще дымится пеплъ отеческаго крова.“

Сызранскій пожаръ былъ въ 1795-мъ году.

190) Соч. Дмитр. изд. 1803, ч. 1, стр. 55. Соч. Дмитр. 1814, ч. 1, стр. 80. Сначала были напечатаны на особомъ листкѣ, въ С. П. Б. въ Импер. Типогр, 1793 года.

191) „Аониды“, 1798,—1799, кн. 3 стр. 38. Соч. Дмитр., ч. 1, стр. 27.

192) Авторъ перевелъ изъ Лафонтена сказку: Филемонъ и

Бавкида." Соч. Дмитр., изд. 1803, ч. 3, стр.. 51, Соч. Дмитр. ч. 2, стр. 101.

193) Настасья Ивановна Плещеева и мужъ ея Алексѣй Александровичъ были родителями извѣстнаго чтеца и музыканта Александра Алексѣевича, одного изъ членовъ „Арзамаса" и женатаго на Графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Чернышевой, умершей въ 1817 году. Къ его родителямъ писалъ Карамзинъ свои „Письма Русскаго Путешественника", первыя четыре части коихъ появились въ „Московскомъ Журналѣ" (1791—1792), а потомъ вышли отдѣльно (1797—1799). Двѣ послѣднія части были задерживаемы цензурою при Павлѣ и вышли только по воцареніи Александра I въ 1801 году.

194) Вышла въ 1795 году.

195) Вышла въ 1800 году.

196) Вышла въ 1803 году, слѣдовательно не за годъ, а за четыре года до смерти Хераскова, умершаго 27 Сентября 1807 года.

197) Херасковъ умеръ не 80, а 73 лѣтъ отъ роду; род. 25 Октября 1733.

198) „Вечера" выходили въ 1772 году. Изданіе ихъ очень долго и несправедливо приписывали Новикову.

199) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, род. 15 Октября 1743, ум. 7 Іюля 1809, извѣстный дипломатъ и литераторъ.

200) Князь Николай Никитичъ Трубецкой, род. 6 Ноября 1744, ум. 1821, извѣстный мистикъ, единоутробный братъ Хераскова.

201) Василій Львовичъ Пушкинъ, род. 27 Апрѣля 1770, ум. 20 Августа 1830, родной дядя знаменитаго поэта.

202) Владиміръ Васильевичъ Измайловъ, род. 1773, ум. 4 Апрѣля 1830, хорошій писатель школы Карамзина.

203) Василій Андреевичъ Жуковскій, род. 29 января 1783, ум. 12 апрѣля 1852, выступалъ тогда на поприще литературы.

204) Карамзинъ выдавалъ „Вѣстникъ Европы" въ 1802 и 1803 годахъ; журналъ этотъ составилъ 12 частей.

205) Вѣстн. Евр., 1802, ч. 6, стр. 134. Соч. Дмитр. ч. 3, стр. 3. Пер. изъ Лафонтена.

206) Ibid., стр. 215. Ibid, стр. 121. Пер. изъ Флоріана.

207) Ibid. 1803, ч. 7, стр. 192. Ibid. стр. 104. Пер. изъ Флоріана.

208) Ibid., ч. 9, стр. 239. Ibid., стр. 61. Пер. изъ Флоріана.

209) Ibid., ч. 12, стр. 209. Ibid., стр. 24. Пер. изъ Имбера.

210) Написана въ 1803 году и напечатана въ 1808, въ числѣ 50 экземпляровъ, съ виньеткой.

211) Вѣстн. Евр, 1803, ч. 11, стр. 119. Соч. Кар., 1848, 1 т. стр. 398.

212) Ibid., 1802, ч. 4, стр. 207 и 287 и ч. 5, стр. 30. Ibid. стр. 458.

213) Ibid., 1803, ч. 8, стр 122. Ibid., стр. 419.

214) См. выше, прим. 7, 32, 33, 34 и 35. Карамзинъ назначенъ Исторіографомъ въ Ноябрѣ 1803 года.

215) Вѣстн. Евр. 1803, ч. 7, стр. 3, 103 и 193. Соч. Кар., т. 3, стр. 166.

216) Она была рожденная Протасова. Вторая жена его Катерина Андреевна была дочь Князя Андрея Ивановича Вяземскаго, род. 1750, ум. 20 Апрѣля 1807, сестра извѣстнаго поэта Князя Петра Андреевича, род. 12 Іюля 1792.

217) Вѣстн. Евр., 1803, ч. 9, стр. 3 и 75. Соч. Кар., т. 1, стр. 605.

218) См. прим. 60.

219) Князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ, род. 10 Сентября 1708, ум. 31 Марта 1744.

220) Семенъ Андреевичъ Порошинъ, род. 28 Января 1741, ум. 12 Сентября 1769, былъ при воспитаніи Наслѣдника Павла Петровича.

221) Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, род. 1 Сентября 1729, ум. 12 Апрѣля 1802.

222) Александръ Семеновичъ Шишковъ, род. 1754, ум. 9 Апрѣля 1841, былъ потомъ противникомъ нововведеній Карамзина.

223) См. выше прим. 162.

224) Напечатана въ 1764 году.

225) Напечатано въ 1777 году.

226) Михаилъ Поповъ, ум. 1790. Сочиненія его изданы 1772. И. И. Дмитріевъ очень цѣнилъ его пѣсни.

227) См. выше прим. 147.

228) Петръ Екимовъ, переводчикъ „Иліады“ прозою (1776 — 1778).

229) Матвѣй Пахомовъ и Иванъ Сидоровскій (ум. 17 Апрѣля

1795) перевели вмѣстѣ Лукіана (1775 — 1784) и были трудолюбивые литераторы.

230) Августъ Людовикъ Шлёцеръ, род. 5 Іюля 1735, ум. 9 Сентября 1809.

231) Первые 8 томовъ Исторіи Государства Россійскаго вышли въ 1816 (2 изданіе въ 1818); 9 томъ въ 1821 году, 10 и 11 въ 1824 году; 12 томъ изданъ въ 1829 году, послѣ его кончины, Графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Блудовымъ, род. 5 Апрѣля 1785, ум. 19 Февраля 1864.

232) Николай Дмитріевичъ Иванчинъ-Писаревъ, стихотворецъ и прозаикъ, былъ усерднѣйшій почитатель Карамзина. О прочихъ упоминаемыхъ здѣсь почитателяхъ его говорено уже выше въ этихъ примѣчаніяхъ.

233) Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, род. 1 Ноября 1775, ум. 19 Апрѣля 1842, писалъ самъ подъ вышеупомянутыми псевдонимами.

234) Послѣ изданія „И моихъ бездѣлокъ“ (1795) И. И. Дмитріевъ выдалъ Собраніе своихъ сочиненій въ 2 частяхъ (1803), къ которымъ присоединена была 3-я (1805). За тѣмъ сочиненія его печатались, въ 3 частяхъ, въ 1810, 1814, 1818, и въ 2 частяхъ въ 1823 году, почему послѣднее изданіе названо (считая въ томъ числѣ „И мои бездѣлки“) шестымъ. Кромѣ того имъ были изданы особо: „Карманный Пѣсенникъ“ (1796); „Басни и сказки“ (1798) „Путешествіе NN въ Парижъ и Лондонъ“ (1808); „Басни“ (1810) и „Апологи“ (1826). Кромѣ того вышли особыми листками нѣкоторыя его оды. Въ 1838 году появилось изданіе его „Басенъ и Апологовъ“ и съ тѣхъ поръ сочиненія его не перепечатывались. Первые, отдѣльно изданные литературные опыты И. И. Дмитріева были: 1) „Философъ, живущій у Хлѣбнаго рынка“ (1777) пер. съ фр. и 2) „Жизнь Графа Н. И. Панина“ (1783).

235) „Общество любителей словесности, наукъ и художествъ“ или „Соревнователей просвѣщенія и благотворенія“ въ Петербургѣ издавало свой журналъ съ 1818 по 1825 годъ, послѣ чего оно вскорѣ само собою распалось.

236) Михаила Никитича Муравьева, умершаго 29 Іюля 1807.

237) Аббатъ Прево д'Екзиль (Prévost d'Exiles), род. 1 Апрѣля 1697, ум. 23 Ноября 1763. Книга, о которой здѣсь говорится, называется: „Mémoires et aventures d'un homme de qualité qui s'est retiré du monde." Она издана въ 1730 году и есть первое его сочиненіе. Прочіе романы Прево, о которыхъ говоритъ авторъ, суть 1) „Cleveland" (1733). Переводъ его напечатанъ въ Петербургѣ, въ 9 частяхъ, въ 1760—1771 годахъ, подъ заглавіемъ „Философъ Аглинской, или житіе Клевеланда, побочнаго сына Кромвеля." Переводчикъ его неизвѣстенъ. 2) „Le doyen de Killerine" (1735); переведенъ В. Г. Рубаномъ и напечатанъ въ Петербургѣ, въ 6 частяхъ, въ 1765—1781 годахъ, подъ заглавіемъ: „Настоятель Килеринской." Прево сочинилъ еще множество романовъ и повѣстей, изъ которыхъ до сихъ поръ славится „Манона Леско" (Manon Lescaux) (1735), не переведенная порусски. „Приключенія Маркиза Г.", въ переводѣ Елагина и Лукина, въ 6 частяхъ, напечатаны въ Петербургѣ, въ 1756—1765 годахъ.

238) „Велисарій" посвященъ былъ переводчиками Архіепископу Тверскому Гавріилу.

239) Анна Іоанновна скончалась 17 Октября 1740. Рылѣевъ написалъ думу „Видѣніе Анны Іоанновны," основанную на этомъ преданіи.

240) Авторъ имѣлъ здѣсь преимущественно въ виду языкъ Николая Алексѣевича Полеваго, род. 22 Іюня 1796, ум. 22 Марта 1846, и особенно журналъ его „Московскій Телеграфъ" (1825—1834).

241) Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, род. 8 Декабря 1773, ум. 22 Ноября 1844, былъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія съ 1816 по 1824 годъ.

242) Князь Андрей Петровичъ Оболенскій, род. 1 Августа 1769, ум. 19 Февралія 1852, былъ Попечителемъ Московскаго учебнаго округа съ 1817 по 1825 годъ.

243) Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, пользующійся самою печальною извѣстностію по своему характеру.

244) Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, род. 1760, ум. 6 Іюня 1848, былъ Ректоромъ Московскаго Университета съ 1817 по 1826 годъ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА IV.

1) Въ Новый годъ Императрица производила обыкновенно въ Бригадиры, съ увольненіемъ отъ службы, по три Капитана изъ всѣхъ трехъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ: Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго, и трехъ Ротмистровъ Конной Гвардіи. Эти ежегодно выпускаемые въ отставку изъ Гвардіи двѣнадцать Бригадировъ считали себя совершенно довольными доставляемымъ имъ почетомъ и обыкновенно поселялись въ Москвѣ, гдѣ ихъ называли „дюжинными," по числу произведенныхъ. Объ нихъ преимущественно сказалъ Державинъ въ одѣ „На счастіе:"

„И цѣлый свѣтъ сталъ Бригадиръ."

Къ такому Бригадиру относится и извѣстная эпитафія И. И. Дмитріева. (Соч. Дмитр., 1814, ч. 2, стр. 56).

Разумѣется, что Императрица, умѣвшая такъ хорошо различать людей, выпускала такимъ образомъ въ отставку тѣхъ гвардейскихъ Капитановъ, которые отличались способностями, не иначе, какъ по ихъ просьбѣ, и напротивъ того старалась открывать имъ дальнѣйшую служебную карьеру. Если бы она прожила долѣе, то И. И. Дмитріевъ, конечно, былъ бы въ числѣ послѣднихъ, несмотря на принятое намѣреніе выйти въ отставку: Екатерина въ совершенствѣ знала искусство дѣлать службу привлекательною для людей достойныхъ и способныхъ.

2) Иванъ Петровичъ Бекетовъ былъ братъ Платона Петровича (см. выше, прим. 170 къ ч. 1), отъ другой матери, рожденной Твердышевой (см. выше, прим. 27 къ ч. 1).

3) Сергѣй Ивановичъ Дмитріевъ.

4) См. выше, прим. 44 къ ч. 1.

5) Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ, род. 12 Марта 1763, ум. 18 Января 1826, знаменитый Главнокомандующій Москвы въ 1812 году.

6) Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, род. 19 Сентября 1759, ум. 1829. Онъ былъ Генералъ-Прокуромъ съ 4 Декабря 1796 по 8 Августа 1798.

7) Коронація Павла I происходила въ Москвѣ 6 Апрѣля 1797.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ПРИМѢЧАНІЯМЪ НА КНИГУ IV.

Неизвѣстно, почему Д. Н. Бантышъ-Каменскій (Слов. достоп. людей Русской земли, 1847, ч. 1, стр. 542) разсказываетъ исторію И. И. Дмитріева и В. И. Лихачева нѣсколько иначе. Онъ говоритъ, что оба они посажены были въ Петропавловскую крѣпость, что потомъ привели ихъ къ Государю, около котораго собраны были всѣ офицеры Семеновскаго полка, что Лихачевъ палъ на колѣна, а Дмитріевъ сталъ твердо и смѣло защищать и его и себя, послѣ чего Государь обратился къ офицерамъ, спрашивая: ручаются ли они за нихъ — и послѣ единогласнаго утвердительнаго отвѣта, даровалъ обвиненнымъ свободу, а Наслѣдникъ Престола, присутствовавшій при этой сценѣ, съ тѣхъ поръ особенно полюбилъ Дмитріева за умъ, присутствіе духа и даръ слова. Послѣ этого И. И. Дмитріевъ получилъ, 22 Мая 1797, мѣсто одного изъ младшихъ товарищей Министра Удѣловъ, (вмѣстѣ съ Статскимъ Совѣтникомъ Фенинымъ и Коллежскимъ Совѣтникомъ Старковымъ), 25 Іюля 1797 чинъ Статскаго Совѣтника и мѣсто Оберъ Прокурора въ Сенатѣ, а затѣмъ и чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника.

КНИГА V.

8) См. выше, прим. 141 къ 1 части.

9) Графъ Петръ Васильевичъ Заводовскій, род. 1738, ум. 10 Января 1812, бывшій въ особенной милости Екатерины II, въ 1776 и 1777 годахъ.

10) Михаилъ Ѳедоровичъ Соймоновъ, ум. 1804, былъ сынъ извѣстнаго Сибирскаго Губернатора (1757—1763) Ѳедора Ивановича Соймонова, род. 1682, ум. 11 Іюля 1780, автора многихъ ученыхъ изслѣдованій. Петръ Александровичъ Соймоновъ, ум. 1799, двоюродный братъ Михаила Ѳедоровича, былъ Статсъ-Секретаремъ Екатерины II; дочь его, Софья Петровна Свѣчина, род. 1782, ум. 1857, перешла въ католическую вѣру и съ 1816 года до кончины своей жила въ Парижѣ, имѣя у себя въ домѣ католическую капеллу.

11) Александръ Васильевичъ Храповицкій, род. 7 Марта 1749, ум. 29 Декабря 1801, былъ любимымъ Статсъ-Секретаремъ Екатерины II и оставилъ любопытныя записки.

12) Графъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ, род. 1730, ум. 1808, оказавшій большія услуги Россіи, какъ администраторъ и дипломатъ.

13) Сынъ знаменитаго Петровскаго Канцлера Графа Гаврилы Ивановича Головкина, род. 1660, умеръ 20 Января 1734, Графъ Александръ Гавриловичъ, ум. 4 Ноября 1760, въ Гагѣ, гдѣ былъ посланникомъ нашимъ съ 1731 года. Елизавета Петровна, несмотря на ссылку въ Сибирь (1742) брата его Вице-Канцлера Михаила Гавриловича, ум. въ Ноябрѣ 1755 въ Сибири, и на ссылку сестры его Графини Анны Гавриловны Бестужевой-Рюминой, замѣшанной въ 1743 году въ дѣло несчастной Натальи Θедоровны Лопухиной, оставила Графа Александра Гавриловича на посту его въ Гагѣ. Но послѣ паденія его покровителя Канцлера Графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина (род. 22 Мая 1693, ум. 1766), именно въ 1758 году началось обнаруживаться явное нерасположеніе Императрицы къ Головкину, и въ 1760 году послано ему о возвращеніи въ Россію строгое повелѣніе, не заставшее уже его въ живыхъ. Послѣ него осталась вдова, рожденная Графиня Екатерина Дона, четыре сына, Графы Иванъ, Петръ, Гаврила и Александръ Александровичи и четыре внука, Графы Θедоръ, ум. 1823, Петръ, ум. 1821, и Гаврила, ум. 1805, Гавриловичи и Юрій Александровичъ, род. 1749, ум. 21 Января 1846. Семейство это, ждя въ Россіи жестокой опалы, осталось въ Голландіи, гдѣ сыновья и внуки Головкина служили и приняли реформатскую вѣру. Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Екатерины II они воротились въ Россію, по ея приглашенію, (вѣроятно въ слѣдствіе просьбы возвращеннаго изъ опалы бывшаго Канцлера Графа Бестужева-Рюмина) и вступили въ русскую службу, но остались, разумѣется, реформатами. Вотъ отчего Графъ Головкинъ былъ старостой реформатской церкви. Это былъ Графъ Θедоръ Гавриловичъ, ум. 1823, старшій внукъ Графа Александра Гавриловича, женатый на Натальѣ Петровнѣ Измайловой, род. 1769, ум. 1849.

14) Старшій братъ Генералъ-Прокурора, Князь Степанъ Борисовичъ Куракинъ, ум. 8 Іюля 1805, разведясь съ первою своею женою Натальею Петровною, рожденною Новосильцовою, ум. 1825, женился, въ концѣ 80 годовъ прошлаго вѣка, на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Измайловой, ум. 1843, близкой родственницѣ жены Графа Θедора Гавриловича Головкина, тоже рожденной Измайловой.

15) Графъ Августъ Ивановичъ Ильинскій, род. 1760, ум. 9 Февраля 1844.

16) 19 Декабря 1797.

17) Князь Александръ Андреевичъ Безбородко, род. 8 Марта 1747, ум. 6 Апрѣля 1799, былъ однимъ изъ первыхъ вельможъ и любимцевъ Павла I.

18 Графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, ум. 9 Января 1834. Онъ былъ плѣнный Турокъ, служившій при Павлѣ I, когда онъ былъ Великимъ Княземъ, потомъ изъ камердинеровъ его сдѣлался Оберъ-Шталмейстеромъ, андреевскимъ кавалеромъ и Графомъ. Милость къ нему Павла была безгранична.

19) Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ род. 1753, ум. 6 Апрѣля 1827.

20) Онъ назначенъ былъ Генералъ-Прокуроромъ 8 Августа 1798 и оставался въ этой должности по 7 Іюля 1799.

21) 7 Ноября 1798.

22) 19 Января 1799 княжеское достоинство, а 22 Февраля 1799 титулъ Свѣтлѣйшаго.

23) Въ 1799 же году.

24) Графъ Павелъ Ивановичъ Кутайсовъ, род. 1780, ум. 9 Марта 1840.

25) Графиня Прасковья Петровна Кутайсова.

26) 7 Іюля 1799.

27) Александръ Андреевичъ Беклешовъ, род. 1 Марта 1743, ум. 24 Іюля 1808. Онъ былъ Генералъ-Прокуроромъ при Павлѣ, съ 7 Іюля 1799 по 2 Февраля 1800, и потомъ при Александрѣ съ 16 Марта 1801 по 8 Сентября 1802, когда эта должность упразднилась съ учрежденіемъ Министерствъ.

28) 2 Февраля 1800.

29) Осипъ Петровичъ Козадавлевъ, ум. 1819, былъ литераторъ и членъ Россійской Академіи. Къ нему писалъ Фонъ Визинъ извѣстное письмо свое объ академическомъ словарѣ. Онъ учился въ Лейпцигѣ съ Кутузовымъ (см. выше, прим. 109 къ ч. 1) и знаменитымъ Радищевымъ.

30) Чувства автора при свиданіи съ ними въ Москвѣ трогательно выражены въ посланіи къ нимъ. (Соч. Дмитр., 1814, ч. 1, стр. 109).

31) Память объ этомъ сохранилась донынѣ въ Херсонѣ.

32) Графъ Валерьянъ Александровичъ Зубовъ, род. 28 Ноября 1771, ум. 21 Іюня 1804.

33) Графъ Никита Петровичъ Панинъ, род. 17 Апрѣля 1771, ум. въ Апрѣлѣ 1837, былъ сынъ знаменитаго Генерала Графа Петра Ивановича Панина, род. 1721, ум. 15 Апрѣля 1789, отъ втораго брака его съ Маріею Родіоновною Ведель.

34) Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, род. 23 Сентября 1769, ум. 21 Апрѣля 1834, извѣстный учрежденіемъ военныхъ поселеній и своею жестокостью.

35) Графъ Станиславъ-Августъ Понятовскій, род. 17 Января 1732, ум. 11 Февраля 1798, былъ послѣднимъ Королемъ Польскимъ съ 7 Сентября 1764 по 7 Января 1797. Павелъ I пригласилъ его въ Петербургъ, гдѣ онъ и скончался.

36) Графъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ, род. 17 Іюня 1745, ум. 13 Февраля 1826, пользовался до самой кончины Павла безграничною его довѣренностію.

37) Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ, ум. 22 Сентября 1841. Онъ былъ Генералъ-Прокуроромъ съ 2 Февраля 1800 по 16 Марта 1801.

38) Въ ночь съ 11 на 12 Марта 1801 года.

КНИГА VI.

39) Графъ Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій, род. 8 Мая 1738, ум. 12 Августа 1809, убитый въ Орловской губерніи, въ лѣсу, своимъ крестьяниномъ.

40) Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, род. 2 Ноября 1740, ум. 8 Ноября 1830.

41) 29 Іюля 1807, на 50-мъ году отъ роду. См. выше, прим. 7 къ ч. 1).

42) Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій былъ сынъ извѣстнаго Гетмана Графа Кириллы Григорьевича, род. 18 Марта 1728, ум. 9 Января 1803.

43) „О жизни и сочиненіяхъ И. И. Дмитріева,“ изслѣдованіе Князя П. А. Вяземскаго, приложенное къ 6 изданію стихотвореній

И. И. Дмитріева, вышедшему въ 2 частяхъ, въ Петербургѣ, въ 1823 году.

44) Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ. См. выше, прм. 107 къ ч. 1.

45) Графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ, род. 1778, ум. 23 Іюня 1826, сынъ меньшаго изъ знаменитыхъ при Екатеринѣ братьевъ Орловыхъ, Графа Владиміра Григорьевича, род. 8 Іюля 1743, ум. 28 Февраля 1831. Графъ Григорій Владиміровичъ извѣстенъ, между прочимъ, изданіемъ собранія, переведенныхъ по его приглашенію лучшими французскими поэтами, басенъ Крылова (1823).

46) Өедоръ Александровичъ Голубцовъ былъ потомъ Министромъ Финансовъ, съ 15 Августа 1807 по 1809 годъ.

47) См. выше прим. 6. Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ былъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ съ 1807 по 1 Января 1810 г.

48) Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, род. 1 Января 1772, ум. 11 Февраля 1839, былъ тогда первымъ довѣреннымъ лицомъ Государя.

49) 1 Января 1810.

50) Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, род. 1754, ум. 3 Января 1826, знаменитый покровитель наукъ и художествъ.

51) См. выше, прим. 42.

52) Михаилъ Дмитріевичъ Чулковъ, ум. 1793, переводчикъ и сочинитель множества книгъ. Изданіе журнала „И то и сё" (1769) долго приписывали ошибочно Башилову.

53) Тамъ помѣщено не мало и другихъ стиховъ Храповицкаго, за подписью А. Х.

54) Владиславъ Александровичъ Озеровъ, род. 29 Сентября 1769, ум. въ Ноябрѣ 1816.

55) Первая и очень плохая трагедія Озерова „Смерть Олега" появилась въ 1798 году. Успѣхи его начинаются съ „Эдипа въ Аѳинахъ," появившагося въ концѣ Ноября 1804, то есть почти 3 года послѣ смерти Храповицкаго.

56) См. выше, прим. 11.

57) „Отрывокъ изъ письма къ И И. Дмитріеву" См. Соч. Жуковск., С. Петербургъ, 1857, т. 12, стр. 95—99.

КНИГА VII.

1) Порученіе это было возложено въ 1803 году на Камергера Рязанова. Его сопровождали ученые, для разныхъ наблюденій, и офицеры Гвардіи. Морская экспедиція состояла подъ начальствомъ извѣстнаго Капитана Крузенштерна. Корабли „Надежда“ и „Нева“ составляли собственность Русской Американской Компаніи. Это первое кругосвѣтное плаваніе Русскихъ кончилось въ 1806 году.

2) 8 Сентября 1802.

3) 1 Января 1810.

4) Преобразованіе Дерптскаго Университета послѣдовало 5 Января 1802. Университеты Харьковскій и Казанскій основаны 5 Ноября 1804, Санктпетербургскій—8 Февраля 1819.

5) 8 Августа 1808.

6) Графъ Николай Николаевичъ Новосильцовъ, род. 1762, ум. 8 Апрѣля 1838.

7) Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, род. 4 Сентября 1741, ум. 2 Декабря 1805.

8) Графъ Сергѣй Козьмичъ Вязмитиновъ, ум. 1819.

9) Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, род. 17 Апрѣля 1754, ум. 30 Марта 1845.

10) Князь Викторъ Павловичъ Кочубей, род. 11 Ноября 1768, ум. 2 Іюня 1834.

11) Князь Адамъ Чарторыжскій род. 3 Января 1770, ум. въ Іюлѣ 1861, въ Парижѣ, изгнанный послѣ революціи 1830 — 1831 годовъ.

12) Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, котораго упрекали въ 1812 году за то, что онъ не полонилъ Наполеона подъ Березиной.

13) Января 1810, Министръ Юстиціи Князь П. В. Лопухинъ (см. выше прим. 19 къ ч. 2) назначенъ Предсѣдателемъ Департамента дѣлъ Гражданскихъ и Духовныхъ; Просвѣщенія, П. В. Завадовскій (См. выше, прим. 9 къ ч. 2) — Департамента законовъ; Военный, Графъ А. А. Аракчеевъ (см. выше прим. 34 къ ч. 2.) — Департамента Военнаго; бывшій Морской Министръ Н. С. Мордвиновъ (см. выше прим. 9) — Департамента Государственной Экономіи.

Есть преданіе, что Крыловъ по этому случаю написалъ свой „Квартетъ“, разумѣя подъ мартышкой—Мордвинова; подъ осломъ Завадовскаго; подъ козломъ—Лопухина; подъ медвѣдемъ—Аракчеева.

14) См. выше, прим. 29 къ ч. 2.

15) Князь Михаилъ Богдановичъ Барклай де Толли, род. 1761, ум. 15 мая 1818. Вышелъ изъ Министровъ 30 Августа 1814

16) Маркизъ Иванъ Ивановичъ де Траверсе ум. 1827.

17) Графъ Дмитрій Александровичъ Гурьевъ род. 1751, ум. 30 Сентября 1825. Вышелъ изъ Министровъ 22 Апрѣля 1823.

18) См. выше прим. 42 къ ч. 2. Вышелъ изъ Министровъ въ 1816 году, по изгнаніи изъ Россіи Іезуитовъ, которыхъ онъ покровительствовалъ.

19) Напечатанъ въ Петербургѣ въ 1775 году.

20) Напечатано въ 4 частяхъ въ Петербургѣ въ 1772 — 1778 годахъ.

21) См. о немъ „Жизнь Графа Сперанскаго,“ соч. Барона М. А. Корфа, т. 2, стр. 164—174.

22) Иркутскій—Николай Ивановичъ Трескинъ, и Томскій—Демьянъ Васильевичъ Илличевскій.

23) 1 Января 1816. Пестель жилъ въ Петербургѣ съ 1808 года и управлялъ оттуда Сибирью по 1819, засѣдая въ Сенатѣ, а потомъ въ Государственномъ Совѣтѣ и пользуясь особеннымъ покровительствомъ Аракчеева. Онъ отставленъ отъ службы 26 Января 1822, ум. 1845.

24) 22 Марта 1819.

25) Дмитрій Александровичъ Барановъ, писавшій въ молодости хорошіе стихи.

26) Иванъ Алексѣевичъ Алексѣевъ, род. 1751, ум. 1816, былъ другомъ знаменитаго Фельдмаршала Князя Николая Васильевича Репнина. Письма къ нему Репнина составляютъ собственность Чертковской библіотеки въ Москвѣ. Разсмотрѣніе проэкта Сперанскаго о Сенатѣ началось въ Іюнѣ 1811.

27) Ссылка Сперанскаго совершилась 17 Марта 1812.

28) См. выше прим. 241 къ ч. 1.

29) Подробности этого событія и дополненія къ разсказу автора находятся въ книгѣ Барона М. А. Корфа, т. 2, стр. 14 и далѣе.

30 См. выше прим. 243 къ ч. 1.

31) Александръ Дмитріевичъ Балашовъ, род. 1770, ум. 1837. Министерство Полиціи учреждено 25 Іюля 1810.

32) Яковъ Ивановичъ де Сангленъ, род. 1776, ум. 2 Апрѣля 1864, былъ на своемъ вѣку и литераторомъ, и преподавателемъ, и журналистомъ, и полицейскимъ агентомъ, и чиновникомъ. Говорятъ, что онъ оставилъ записки, которыя должны быть чрезвычайно любопытны, судя по тому, что извѣстно о необыкновенныхъ похожденіяхъ этого замѣчательнаго человѣка, бывшаго въ личныхъ сношеніяхъ съ самимъ Александромъ и имѣвшаго соприкосновенія со всѣми разнороднѣйщими слоями общественными.

33) Графъ Густавъ Максимовичъ Армфельдъ род. 1 Апрѣля 1756, ум. 7 Августа 1814.

34) Это было въ Декабрѣ 1709 года.

35) Это было въ Апрѣлѣ 1811 года. Извѣстно, что Карамзинъ часто бывалъ въ Твери у Великой Княгини Екатерины Павловны, любимой сестры Александра I.

36) Христіанъ Христіановичъ Бекъ завѣдывалъ тогда секретными шифрами въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ.

37) Авторъ говоритъ здѣсь о молодости Сперанскаго по слухамъ, ходившимъ въ обществѣ и заключавшимъ въ себѣ много невѣрнаго. Положительныя свѣдѣнія по этимъ вопросамъ впервые обнародованы въ превосходной книгѣ „Жизнь Графа Сперанскаго," авторъ которой, Баронъ М. А. Корфъ, представилъ публикѣ множество важныхъ данныхъ для нашей исторіи въ 19 вѣкѣ, изслѣдованныхъ имъ съ величайшею проницательностію и истиннымъ талантомъ.

38) Новыя свѣдѣнія о Сперанскомъ, сообщенныя бывшимъ его подчиненнымъ г. Александровымъ (Соврем. Лѣт. Русск. Вѣст. 1865, N 18), приводятъ разсказъ покойнаго Графа о томъ, что онъ работалъ въ собственномъ кабинетѣ Павла I и пріобрѣлъ его благоволеніе, чѣмъ и объясняется быстрая его карьера въ ту эпоху, когда онъ служилъ при Генералъ-Прокурорахъ того времени.

39) Сперанскій получилъ анненскую ленту 15 Марта 1807 по занятіямъ по Министерству Внутреннихъ дѣлъ, а въ Комиссію Законовъ онъ назначенъ, при ея преобразованіи, 8 Августа 1808.

40) Осенью 1808 года.

41) 16 Декабря 1808 и 1 Января 1810. Кромѣ того онъ былъ съ 17 Апрѣля 1809 года Канцлеромъ Абовскаго университета.

42) Сперанскій провелъ въ Нижнемъ-Новгородѣ только около полугода, съ 23 Марта по 15 Сентября 1812, когда переведенъ былъ въ Пермь.

43) Сперанскому разрѣшено было ѣхать изъ Перми въ новгородскую деревню Великополье 31 Августа 1814, а 30 Августа 1816 онъ назначенъ былъ Пензенскимъ Губернаторомъ.

44) 22 Марта 1819.

45) Іюля 1821.

46) Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ, женатый на дочери знаменитаго Графа Николая Семеновича Мордвинова.

47) Матвѣй Васильевичъ Могилянскій, служившій въ Канцеляріи Государственнаго Секретаря.

48) См. выше прим. 29 къ ч. 2.

49 Это былъ Фельдмаршалъ Свѣтлѣйшій Князь Николай Ивановичъ Салтыковъ, род. 31 Октября 1736, ум. 16 Мая 1816, бывшій съ Іюня 1812 по кончину свою Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, почти правителемъ государства въ 1812—1814 годахъ, во время заграничныхъ путешествій и пребыванія при арміи Александра I, котораго онъ былъ, въ царствованіе Екатерины II, воспитателемъ.

КНИГА VIII.

50) Государь оставилъ столицу, отправляясь къ арміи въ Вильно не въ началѣ Мая, а 9 Апрѣля 1812.

51) См. выше: а) прим. 50 къ ч. 2; б) прим. 10 къ ч. 3; в) прим. 33 къ ч. 3; г) прим. 31 къ ч. 3 и д) прим. 222 къ ч. I. Шишковъ назначенъ былъ Государственнымъ Секретаремъ на мѣсто удаленнаго Сперанскаго.

52) Князь Александръ Николаевичъ Салтыковъ, род. 27 Декабря 1775 , ум. 27 Января 1837, сынъ Князя Николая Ивановича. См. выше прим. 49.

53) См. выше прим. 132 къ ч. 1.

54) См. выше прим. 49.

55) Баронъ Отто Адольфъ Вейсманъ Фонъ Вейсенштейнъ, знаменитый своею храбростію генералъ, убитый Турками близь Силистріи 18 Іюля 1773.

56) Петръ Степановичъ Молчановъ былъ тогда вліятельнѣйшимъ лицомъ въ государственныхъ дѣлахъ, по довѣрію къ нему Князя Н. И. Солтыкова. Въ послѣдствіи онъ впалъ въ немилость.

57) Въ концѣ 1812 года.

58) 30 Августа 1814 послѣдовало это пожалованіе, слѣдовательно гораздо позже.

59) Это былъ Князь В. П. Кочубей (см. выше прим. 10 къ ч. 3), смѣнившій Графа П. В. Заводовскаго, умершаго 10 Января 1812 (см. выше прим. 9 къ ч. 2 и прим. 13 къ ч. 3.)

60) Графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, ум. 29 Марта 1796, внучатный братъ Князя Таврическаго, извѣстный генералъ Екатерининскаго времени и писатель.

61) Графиня Прасковья Андреевна Потемкина, рожденная Закревская, род. 1763, ум. 1816.

62) Въ Курской губерніи.

63) Это были два сына: Графъ Григорій Павловичъ, убитый подъ Бородинымъ, и Графъ Сергѣй Павловичъ, род. 25 Декабря 1787, ум. 1857, писатель и любитель искусствъ.

64) Князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, род. 20 Мая 1769, ум. 12 Ноября 1817, родной племянникъ знаменитаго Суворова. Онъ управлялъ Военнымъ Министерствомъ съ Мая 1812 по Декабрь 1815 и вмѣстѣ съ П. С. Молчановымъ (см. выше прим. 56) былъ вліятельнѣйшимъ лицомъ при Князѣ Н. И. Солтыковѣ; потомъ умеръ подъ судомъ.

65) Алексѣй Ульяновичъ Болотниковъ ум. 1828.

66) Домъ этотъ въ Москвѣ, на Спиридоновкѣ, въ которомъ И. И. Дмитріевъ жилъ до самой кончины, принадлежитъ нынѣ Николаю Тимофѣевичу Аксакову. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій посвятилъ воспоминанію о житьѣ въ немъ И. И. Дмитріева прекрасное стихотвореніе „Домъ Ивана Ивановича Дмитріева“. См. „Въ дорогѣ и дома,“ 1862, стр. 52.

КНИГА IX.

67) Сергѣй Ивановичъ Дмитріевъ.

68) Дочери Ивана Гавриловича, Надежда Ивановна и Наталья Ивановна. Обѣ были не замужемъ. Первая скончалась въ 1849 году; а старшая, родившаяся въ 1780 году, сконч. въ 1866 году.

69) Дочь Николая Ивановича Дмитріева, Елизавета Николаевна; въ послѣдствіи была замужемъ за Петромъ Сергѣевичемъ Пазухинымъ, племянникомъ Николая Михайловича Карамзина.

70) Графъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, род. 12 Іюня 1772, ум. 5 Ноября 1843.

71) Григорій Ивановичъ Вилламовъ, ум. 1842.

72) См. выше прим. 166 къ ч. 1.

73) Пѣсня эта была импровизирована и спѣта во время посѣщенія Александромъ I Парижской оперы.

74) Амвросій Подобѣдовъ род. 30 Ноября 1742, ум. 21 Мая 1818.

75) Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, род. 18 Января 1752, ум. 25 Іюня 1818, извѣстный своимъ посольствомъ при Наполеонѣ въ 1809—1812 годахъ.

76) Графъ Александръ Петровичъ Тормасовъ, ум. въ Ноябрѣ 1819, извѣстный генералъ.

77) См. выше прим. 52.

78) Серафимъ Глаголевскій, ум. въ Январѣ 1843.

79) Василій Степановичъ Поповъ, род. 1745, ум. 1822, бывшій довѣреннымъ лицомъ Князя Таврическаго,

80) 30 Августа 1814.

81) Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, род. 1754, ум. 26 Февраля 1829. Онъ былъ въ отставкѣ съ 1806 года.

КНИГА X.

82) Николай Алексѣевичъ Дурасовъ, былъ сынъ Аграфены Ивановны Дурасовой, рожденной Твердышевой. (См. выше прим. 27 къ ч. 1.) О немъ упоминаетъ Жихаревъ въ Дневникѣ Студента.

83) Петръ Андреевичъ Кикинъ былъ ревностный послѣдователь Шишкова.

84) Александръ Ивановичъ Бахметевъ.

85) Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ, ум. въ Февралѣ 1839.

86) Алексѣй Өедоровичъ Малиновскій род. 1763, ум. 29 Ноября 1840.

87) Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ, род. 23 Мая 1796, сынъ Александра Ивановича. (См. выше прим. 4 къ ч. 1.)

88) Валентинъ Николаевичъ Дмитріевъ, сынъ Николая Ивановича, младшаго брата автора записокъ Ивана Ивановича, братъ Елизаветы Николаевны, упомянутой въ прим. 69.

89) Князь Петръ Михайловичъ Волконскій, род. 26 Апрѣля 1776, ум. 27 Августа 1852, былъ довѣреннѣйшимъ лицомъ Александра I.

90) Дочь Николая Аөанасьевича Бекетова.

91) Александръ Львовичъ Нарышкинъ, род. 14 Апрѣля 1760, ум. 21 Января 1826, извѣстный острякъ.

92) Александръ Ивановичъ Тургеневъ, род. 28 Марта 1784, ум. 3 Декабря 1845.

93) Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ скончался въ Москвѣ, на Спиридоновкѣ, въ собственномъ домѣ, въ воскресенье, 3 Октября 1837 года, въ 4 часа и 35 минутъ пополудни. Онъ жилъ семдесятъ семь лѣтъ и двадцать три дня. Тѣло его похоронено на кладбищѣ Московскаго Донскаго Монастыря. Надъ могилой его находится гранитный камень, на которомъ лежитъ бронзовый вѣнокъ. На камнѣ, кромѣ обыкновенной надписи, начертано: „подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе и мертвенному сему облещися въ безсмертіе.“ 2. Кор. 15. 53.

ПИСЬМА

О КОНЧИНѢ И. И. ДМИТРІЕВА

отъ М. П. Погодина къ М. А. Дмитріеву.

Письмо 1.

1837 г. Октября 13. Москва.

Не думалъ я писать къ вамъ въ такомъ грустномъ расположеніи духа, сообщать вамъ такія горестныя подробности; но онѣ вѣрно составляютъ теперь потребность вашего сердца и вашихъ близкихъ, и я принимаю на себя печальный долгъ.

Иванъ Ивановичъ былъ совершенно здоровъ въ началѣ этой недѣли: въ середу мы обѣдали съ нимъ вмѣстѣ въ клубѣ *); передъ столомъ онъ говорилъ со мною о Вивліоѳикѣ Новикова, о многихъ любопытныхъ статьяхъ, въ ней помѣщенныхъ; о выборкѣ изъ нея, которую онъ когда-то дѣлалъ касательно древней нашей дипломатики; что было бы полезно перепечатать ее теперь, по крайней мѣрѣ, въ извлеченіи. Потомъ разсказалъ мнѣ, и съ большимъ участіемъ и чувствомъ, исторію бѣднаго книгопродавца Кузнецова, у котораго остановлено изданіе Христіанскаго Календаря, и который теперь совсѣмъ разоряется; бранилъ привязчивыхъ цензоровъ: «не стыдно ли двумъ ученымъ сословіямъ, гражданскому и духовному, Университету и Академіи, напасть такъ на бѣдняка, и изъ чего? изъ какихъ-то пустяковъ!' я пришлю его къ вамъ, и вы увидите, въ чемъ дѣло. А беззаконное пропускаютъ!» Послѣ обѣда онъ остановился въ кофейной

*) Англійскомъ.

комнатѣ съ Шевыревымъ и Жихаревымъ, и разсказывалъ имъ, съ обыкновенною своей живостію и шуткой, похожденія Кострова, представленіе Кострова Потемкину, вопросы Потемкина о Гомерѣ; какъ провожали его издали на обѣдъ къ Потемкину, потому что стыдно было идти съ нимъ рядомъ; и какъ встрѣчныя бабы однѣ сожалѣли о больномъ, а другія бранили пьяницу. — Въ четвергъ поутру онъ дѣлалъ визиты, пріѣхалъ довольно поздно домой обѣдать. За столомъ ѣлъ мало, но кушанье было тяжелое: щи, поросенокъ. Послѣ онъ напился шоколада вмѣсто обыкновеннаго кофе, выпилъ стаканъ холодной воды, и тотчасъ надѣвъ бекешь и кенги, пошелъ садить акацію около кухни, чтобъ заслонить ее съ пріѣзду. Тутъ онъ почувствовалъ дрожь, и насилу привели его въ комнату. Послалъ за докторомъ: Газъ прописалъ лекарство, не нашедъ ничего дурнаго. Иванъ Ивановичъ разговаривалъ съ нимъ, заплатилъ за визитъ, послалъ въ аптеку, но лишь только тотъ уѣхалъ, какъ онъ впалъ въ безпамятство, и цѣлую ночь бредилъ. Пятница вся прошла въ безпамятствѣ. Доктора̀ были Газъ, Высоцкій, Шнаубертъ, по нѣскольку разъ. Въ субботу поутру я узналъ объ его отчаянной болѣзни. Мнѣ надо было ѣхать на лекцію и читать о Карамзинѣ. Съ тяжкимъ чувствомъ поѣхалъ я къ больному, опасаясь, что не застану его въ живыхъ, и взялъ съ собою Мишу *). Иванъ Ивановичъ только что опамятовался передъ моимъ пріѣздомъ, услышалъ стукъ дрожекъ, спросилъ, кто пріѣхалъ, и позвалъ меня къ себѣ; встрѣтилъ по всѣмъ своимъ правиламъ. При немъ былъ Боголюбовъ. Онъ разсказалъ мнѣ тотчасъ исторію своей болѣзни, какъ я вамъ выше описалъ

---

*) Сынъ М. А. Дмитріева.

ее, и тотчасъ обратился къ любимому своему предмету—литературѣ, но говорилъ уже гораздо медленнѣе, разстановистѣе, искалъ словъ часто, ошибался въ ихъ измѣненіяхъ, и даже мѣшался, но вездѣ было видно заботливость о своей рѣчи, и стараніе скрыть болѣзнь. „Что это пишетъ Макаровъ о Виноградовѣ, будто Виноградовъ познакомилъ Карамзина съ сочиненіемъ.... этого.... швейцарскаго философа....“ Боннета?—„Да, Боннета. Виноградовъ жилъ сначала въ Москвѣ, и отличался, разумѣется, между своими сверстниками, но былъ такого дурнаго поведенія, что его наконецъ отправили служить въ полкъ, въ Петербургъ. Тамъ Козодавлевъ заставилъ его присѣсть за Боннета, котораго Карамзинъ гораздо прежде переводилъ съ Петровымъ, а послѣ и познакомился съ нимъ лично. Какъ можно писать такъ наобумъ! Надо справляться, спрашивать.“ Потомъ разсказалъ, мѣшаясь, о вашей болѣзни, спросилъ о занятіяхъ Миши. Я отвѣчалъ ему, что Миша вѣтренъ и разсѣянъ, и что я начиналъ съ нимъ ссориться сильно, но что теперь онъ лучше, и я надѣюсь, что впередъ онъ исправится совсѣмъ, зная, какое имя должно ему поддерживать. Иванъ Ивановичъ вспомнилъ, что покойный Павловъ *) говорилъ ему тоже, и совѣтовалъ ему приняться за ученье. Потомъ спросилъ у меня, скоро ли я кончу свою расправу съ новыми толковниками о русской исторіи. Я отвѣчалъ, что къ новому году. „А похвальное слово Карамзину?“ Началъ. „Пожалуйте, привезите мнѣ.“ Въ такомъ положеніи я простился съ нимъ. Онъ силился встать и поднялъ руку. Я думалъ, что онъ подавалъ ее мнѣ, и поцѣловалъ ее. Въ два часа передъ обѣдомъ я заѣзжалъ

---

*) Профессоръ, у котораго было учебное заведеніе.

къ нему опять, но не зашелъ въ кабинетъ, потому что тамъ было много дамъ. Мнѣ сказали впрочемъ, что ему не хуже. На крыльцѣ я встрѣтился съ Іовскимъ, который говорилъ, что если къ вечеру не будетъ хуже, и если онъ будетъ слушаться, то болѣзнь пройдетъ. Но ввечеру онъ впалъ опять въ безпамятство, больно страдалъ, метался, безпокоился, приходя въ себя только минутами. Въ одну такую минуту человѣкъ его Николай спросилъ, не угодно ли ему послать за священникомъ.— „Зачѣмъ?“—Пріобщиться Святыхъ Таинъ на здоровье.— „Не худо.“—Священникъ пришелъ, но больной опять впалъ въ безпамятство и исповѣдывался глухой исповѣдью. Въ 35 минутъ пятаго часа по полудни, 3 Октября, онъ скончался, успокоившись передъ послѣдними минутами и погрузившись въ тихій сонъ. Никого не было при немъ, кромѣ Миши.

Здѣсь я остановлюсь, потому что пора посылать на почту, и окончаніе чернаго письма пришлю вамъ въ субботу. Всѣ идемъ мы по одной дорогѣ, и придемъ въ одно мѣсто. Дай Богъ только съ миромъ, о Христѣ Іисусѣ!

Письмо 2.

1837 г. Октября 19. Москва.

Принимаюсь опять за печальное повѣствованіе.... Горько будетъ вамъ услышать нѣкоторыя подробности въ другомъ отношеніи, но историческая вѣрность обязываетъ меня передать все, какъ было. Въ первый день никто не принимался за распоряженія. Между тѣмъ домъ тотчасъ былъ опечатанъ. Въ понедѣльникъ поутру я узналъ объ смерти, отправился туда. Онъ лежалъ на столѣ въ столовой. Свѣчи взяли гдѣ-то на честное слово. Я старал-

ся убѣдить г. Боголюбова, который колебался изъ опасеній, взяться за хлопоты и вызвался ему на помощь. Князь Дмитрій Владиміровичъ *) позволилъ ему вынуть деньги на расходы, но полиція не могла допустить безъ бумаги, а покойникъ лежалъ безъ гроба. Я поѣхалъ къ нему съ Шевыревымъ, но не застали его дома. Мы попросили гувернера, чтобъ онъ попросилъ Князя отъ насъ прислать казенныя деньги, кои послѣ ему доставятся. Не успѣли мы воротиться, какъ пришло разрѣшеніе Оберъ-Полиціймейстера г. Боголюбову. Начались торги гробовщиковъ передъ столовой, и я насилу увелъ всѣхъ на верхъ, въ темную комнату, между кабинетами, чтобъ оставить въ покоѣ мертваго. Тяжела смерть человѣку безсемейному, судя по нашему! Сенатъ прислалъ курьеровъ своихъ. Къ вечеру понедѣльника все уладилось, благодаря г. Боголюбову, который хлопоталъ одинъ. Весь обрядъ, и всѣ требованія свѣтскихъ приличій были выполнены. Но наше московское начальство распорядиться могло бы лучше, чтобъ воздать честь мужу государственному.—На выносъ, 7 Октября, въ четвергъ, пріѣхали Сенаторы Нечаевъ, Писаревъ, Яковлевъ, Озеровъ, Графъ Строгановъ **) и сенатскіе секретари, по наряду. Въ церкви ихъ уже не было. Въ грустномъ расположеніи стоялъ я у гроба. Дмитріевъ отжилъ свой вѣкъ, онъ прошелъ съ честію свое поприще, исполнилъ свое назначеніе, — но тяжело было видѣть его въ гробѣ. Мы какъ-то привыкли видѣть въ немъ и Карамзина, и Державина, и Богдановича; онъ былъ для насъ представителемъ лучшаго времени, когда литература наша была чище, благороднѣе,

---

*) Голицынъ, тогдашній Московскій Генералъ-Губернаторъ.

**) Графъ Сергѣй Григорьевичъ, Попечитель Московскаго учебнаго округа.

прекраснѣе. Что скажетъ онъ Карамзину на его вопросъ о теперешнемъ ея состояніи? Мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, купующіе и продающіе, и нѣтъ бича-изгонителя, и какіе виды въ будущемъ! Отпѣваніе совершалъ Филаретъ. Пріѣхалъ Князь Дмитрій Владиміровичъ. Проповѣдь сказалъ приходскій священникъ. Въ церкви были изъ нашего званія Шевыревъ, Баратынскій, Макаровъ, Андросовъ, Шаликовъ, Павловъ, Давыдовъ, и только. Профессоровъ только четверо (т. е. Шевыревъ, я, Давыдовъ и Морошкинъ), студентовъ пятеро. Каченовскій не умѣлъ распорядиться лучше. Люди плакали горько. Поставили гробъ на дроги и стали по сторонамъ сенатскіе курьеры, за кисти держались квартальные, ордена понесли секретари, почти безъ ассистентовъ. Похоронили въ Донскомъ монастырѣ. Тамъ встрѣтилъ опять Графъ Строгановъ. — Опустили въ землю, и нѣтъ его совсѣмъ! Человѣкъ почтенный, — особенно когда въ теперешнемъ отдаленіи, не видать человѣческихъ слабостей! Въ рангѣ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, онъ любилъ литературу; съ тремя звѣздами, онъ пріѣзжалъ во всякое ученое собраніе; Министръ Юстиціи, онъ оставилъ послѣ себя только шестьсотъ родовыхъ душъ; русскій помѣщикъ — безъ долговъ; поэтъ — умолкнувшій во-время; старикъ, съ которымъ всегда пріятно было проводить время, привѣтливый, ласковый. Да почіетъ въ мирѣ прахъ его! а имя его останется навсегда незабвеннымъ въ исторіи русской литературы.

СЛОВО

при погребении И. И. Дмитріева, произнесенное духовникомъ его, Спиридоновской, что̀ за Никитскими воротами, церкви, священникомъ Адріаномъ Петровымъ, Октября 7 дня 1837 г.

Печатать позволяется. Іюля 1-го дня 1866 года.

Московская Духовная Академія.

Цéнсоръ Профессоръ *Петръ Казанскій*.

„Не плачитеся: не умре бо, но спитъ." Лук. 8. 52.

Когда Іисусъ Христосъ, въ утѣшеніе оплакивающимъ кончину единородныя дщери князя сонмища Іудейскаго, сказалъ: *„не плачитеся, не умре бо, но спитъ", тогда слышавшіе слово сіе ругахуся ему, вѣдяще, яко умре.* Посему онъ, во увѣреніе, что смерть не прекращаетъ бытія человѣка, но есть кратковременный сонъ, въ продолженіи котораго человѣкъ переходитъ изъ одного міра въ другой, изъ одного состоянія въ другое, воскресилъ умершую: *возвратися духъ ея и воскресе абіе.*

Такъ, слушатели! *Богъ Авраамовъ, Богъ Исааковъ, Богъ Іаковль, нѣсть Богъ Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ. Живъ Господь, живи и души наши.* Убо полагаемый во гробъ *не умре, но спитъ.*

И не озаренный свѣтомъ божественныхъ откровеній человѣкъ, при свѣтѣ только разума, гадалъ о своемъ безсмертіи. Видимая природа была къ тому учебною для него книгою. Онъ видѣлъ, что все въ мірѣ измѣняется, и ничто не исчезаетъ; все разрушается, и паки обновляется; все умираетъ, чтобъ начать новую жизнь, и все кажется погибающимъ, чтобъ сохранить бытіе свое. При всеобщей жизни ужели, думалъ онъ, одному человѣку, сему обладателю вселенной, суждено лишиться жизни невозвратно? Ужели человѣкъ, подобно молніи, для того является, чтобъ, блеснувъ въ мірѣ бытіемъ, изчезнуть?

Нѣтъ! Его безпредѣльная любовь къ продолженію бытія, его сильное стремленіе къ лучшему, его ненасытимость желаній проявляютъ его высшее назначеніе: гробъ не предѣлъ его жизни. На семъ умозаключеніи древле гадали о безсмертіи человѣка. Сердце, не повинуяся голосу разума, лютою скорбію поражалося, когда человѣкъ представлялъ себѣ гробъ свой; страхъ, трепетъ и ужасъ проницали до раздѣленія костей и мозговъ, при мысли, что гробъ есть общій удѣлъ. Такъ! разумъ могъ отчасти врачевать скорби и язвы другаго, но при собственномъ несчастіи исчезала вся крѣпость его.

Чтоже глаголетъ о семъ Писаніе? О всеблагій Творче неба и земли! Слава тебѣ, показавшему намъ свѣтъ твой! Свѣтъ твой и истина твоя, *просвѣщая всякаго человѣка грядущаго въ міръ,* избавляетъ сихъ, *елицы страхомъ смерти повинни быша работѣ;* свѣтъ твой и истина твоя открываютъ недоступную для разума нашего тайну, что всѣ наши смерти совокуплены во едину смерть Богочеловѣка Іисуса, и въ немъ пригвождены ко кресту. Іисусъ Христосъ смертію своею упразднилъ державу смерти; смертію своею попралъ нашу смерть *и сущимъ во гробѣхъ животъ даровалъ.* По воскресеніи Іисуса Христа, во гробѣ его остались однѣ ризы его, во увѣреніе наше, что при исходѣ нашемъ изъ міра сего полагается во гробъ одна грубая, стихійная одежда человѣка, а самъ человѣкъ, какъ существо безсмертное, возносится горѣ, въ царство свѣта, въ мѣсто, уготованное Искупителемъ, въ жизнь вѣчную. Истина сія, сіе обѣтованіе Евангелія о безсмертіи человѣка во всей полнотѣ отразилось въ ученикахъ слова Іисусова, и сдѣлалось оттолѣ не только для всѣхъ достовѣрнымъ, даже осязательнымъ, когда, по воскресеніи Іисуса Христа, *многи*

тѣлеса святыхъ усопшихъ возсташа отъ гробовъ своихъ, внидоша во святый градъ и явишася многимъ. Гдѣ же мѣсто смерти, когда Духъ Святый свидѣтельствуетъ: *Блажени мертвіи, умирающіе о Господѣ: ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ.* Оплакиваемъ ли мы, скорбимъ ли, когда другъ или братъ нашъ, или инъ кто ближній сердцу нашему, понесше тяготу дне и варъ, возляжетъ на ложе, да почіетъ отъ трудовъ? Настоящая жизнь наша есть день нашего бдѣнія, нашего труда; гробъ нашъ есть ложе, на которомъ успокоиваемся отъ бдѣнія и трудовъ, понесенныхъ нами отъ утра жизни нашея до вечера ея.

Но въ свидѣтельствѣ Духа Святаго замѣтить должно раздѣленіе: не всѣ мертвіи блажени; блаженство усвоивается только умирающимъ о Господѣ. Миръ и благодать только тѣмъ, *иже отъ Бога родишася, спогребшися Христу крещеніемъ въ смерть*; въ продолженіи жизни *плоть распяли со страстьми и похотьми, и не къ тому себѣ живутъ, но живетъ въ нихъ Христосъ.* Сіи токмо внидутъ въ радость Господа своего, *когда смертное ихъ облечется въ безсмертіе.* При всемірномъ потопѣ тѣ только остались въ живыхъ, которые были въ ковчегѣ праведнаго Ноя. Чаша спасенія одна, которую Іисусъ Христосъ наполнилъ своею кровію, сказавъ: *Аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, и не піете крови Его, живота не имате въ себѣ.* Внѣ ковчега Ноева погибла всяка душа: такъ внѣ благодати Христовой нѣтъ блаженства умирающимъ.

Кто же откроетъ намъ завѣсу, чтобъ мы могли зрѣть за гробъ нашъ? Кто скажетъ намъ истину, что по исходѣ изъ міра сего, въ вѣчномъ царствѣ царя безсмертнаго, станемъ одесную или ошуйю священнаго престола его?

Нѣтъ, слушатели! для сего не нужны посторонніе указатели. Совѣсть наша есть книга, въ которой непогрѣшительно написана вся жизнь наша. Сія книга всегда раскрыта: стоитъ только обратить взоръ на оную и прочитать написанное въ ней; тогда совѣсть скажетъ будущее и дастъ предвкусить оное: и въ самомъ глубокомъ смиреніи христіанина, при чистотѣ совѣсти, есть свѣтлая надежда на искупительную силу заслугъ Христовыхъ.

Теперь обратимся ко гробу сему. О семъ знаменитомъ мужѣ не будемъ говорить, какъ о человѣкѣ государственномъ: его сердечная преданность престолу и пламенная любовь къ отечеству засвидѣтельствованы особеннымъ благоволеніемъ къ нему царей, и благодарная Россія, въ отечественной исторіи, передастъ имя его потомству, на ряду съ мужами знаменитыми. Умолчимъ о любви его къ отечественному образованію и о дарѣ слова, которымъ онъ возвысилъ и обогатилъ нашу словесность. Не мѣсто здѣсь говорить о его талантахъ, по уваженію коихъ не только отечественныя, но и заграничныя сословія ученыхъ за честь себѣ вмѣняли своимъ имѣть его членомъ. Все это вѣрнѣе скажутъ достойные его сотрудники; они лучше знаютъ, что̀ онъ былъ въ кругу ихъ, и чего они лишилися въ кончинѣ его. Не будемъ даже исчислять благихъ дѣлъ его, его искренней любви къ ближнему, и на высокой степени служенія престолу и отечеству, и въ мирномъ уединеніи частной жизни: слезы, орошающія гробъ его, суть лучшіе и свидѣтели, и проповѣдники, что̀ онъ дѣлалъ для человѣчества, требовавшаго помощи, ходатайства и заступленія. Скажу въ утѣшеніе сѣтующимъ одно,—что онъ *умеръ о Господѣ*. Ибо отъ юности плѣнивъ разумъ въ послушаніе вѣры, Евангеліе имѣлъ правиломъ жизни, а начальника и свер-

шителя вѣры—образомъ, *еже хотѣти и еже дѣяти*, и симъ правиломъ жительствовавши, *почилъ о Господѣ*: мирно скончалъ теченіе благодѣтельной и назидательной жизни, запечатлѣвъ уста свои таинствами вѣры.

Не плачитеся убо всѣ, лишившіеся въ семъ знаменитомъ мужѣ сродника, друга, благодѣтеля! Слезы для умершихъ не жертва. Они требуютъ молитвъ Церкви. Молитеся о немъ: много бо можетъ молитва ко благосердію Отца Небеснаго; изъ любви же и благодарности, въ память его, *благотворенія и общенія не забывайте: таковыми бо жертвами благоугождается Богъ.* Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

стр.

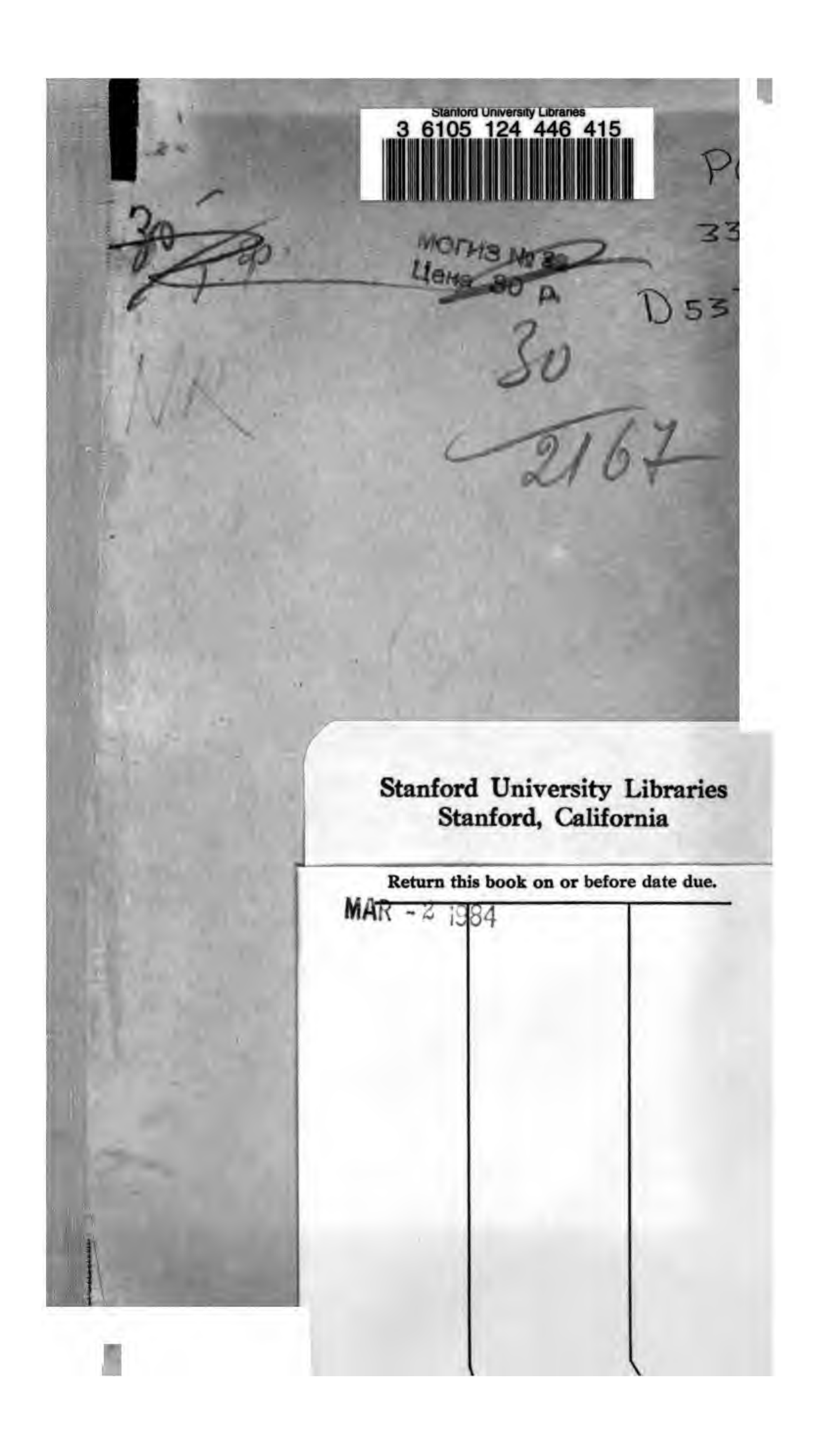
Введеніе. IX
Взглядъ на мою жизнь, книга первая. 11
книга вторая. 31
книга третья. 52
Заключеніе. 90
Примѣчанія къ первой части. 95
Приложенія къ первой части. 107

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

книга четвертая. 123
книга пятая. 134
книга шестая. 151
Примѣчанія къ второй части. 167
Приложенія къ второй части. 173

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

книга седьмая. 179
книга осьмая. 202
книга девятая. 220
книга десятая. 239
Примѣчанія къ третьей части. 249
Приложенія къ третьей части. 257
Примѣчанія М. Н. Лонгинова. 265
Два письма М. П. Погодина. 299
Слово при погребеніи И. И. Дмитріева 307

Stanford University Libraries
3 6105 124 446 415
МОГИЗ № 30
Цена 80 д.
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.
MAR - 2 1984

